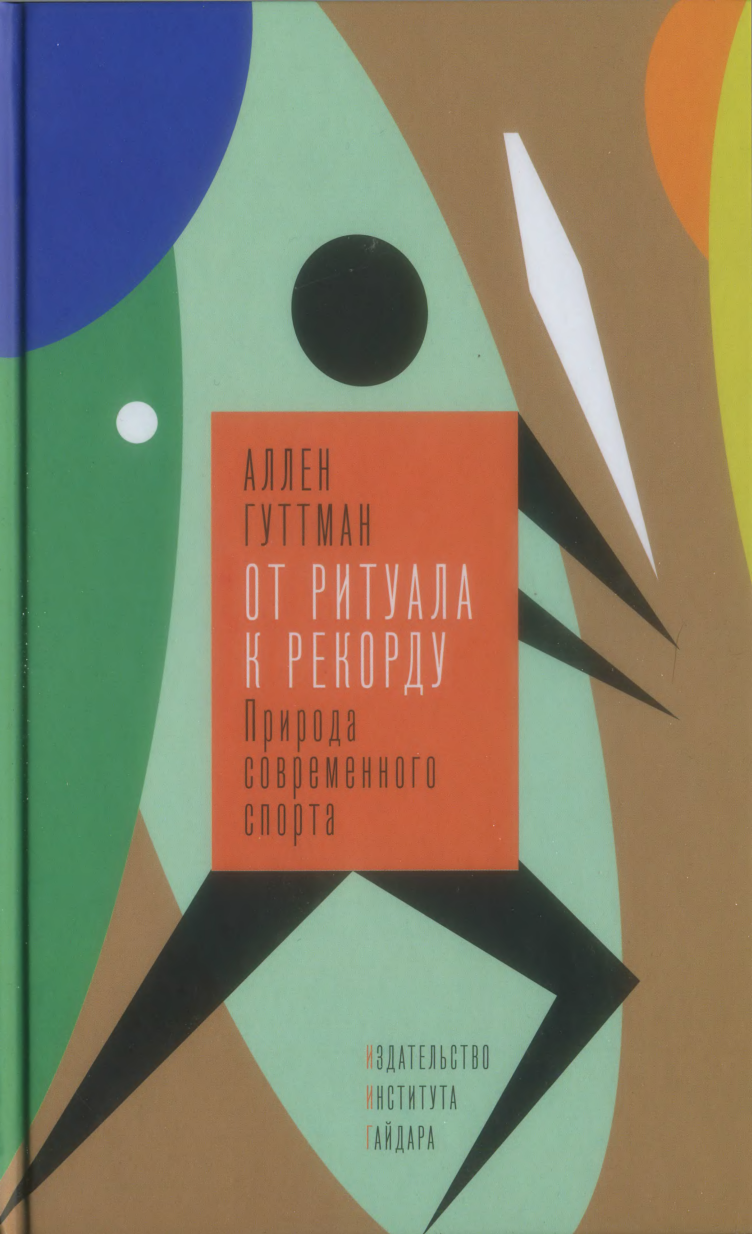


АЛЛЕН ГУТТМАН

ОТ РИТУАЛА К РЕКОРДУ

Природа современного спорта

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА

Allen Guttmann

From Ritual to Record

The Nature of Modern Sports

COLUMBIA UNIVERSITY PRESS · 2004

Аллен Гуттман

От ритуала к рекорду

Природа современного спорта

Перевод с английского
под редакцией
Владимира Нишукова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА
МОСКВА · 2016

УДК 796.01
ББК 75.7
Г97

Перевод с английского Александра Маркова (гл. 2), Владимира Нишукова (Предисловие, гл. 1, 3), Александра Писарева (гл. 4, 6, Заключение, Послесловие) и Ильи Созонтова (гл. 5)

Гуттман, А.
Г97 От ритуала к рекорду: Природа современного спорта / пер. с англ. под. ред. В. Нишукова. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. — 304 с.

ISBN 978-5-93255-434-0

Впервые опубликованная в 1978 году работа Аллена Гуттмана «От ритуала к рекорду» стала одной из первых книг, признающих важность спорта в качестве средства, которое позволяет по-новому взглянуть на фундаментальную структуру общества. В настоящем издании автор показывает многочисленные способы, которыми современный спорт, совершенно непохожий на спорт предыдущих эпох, оказывает глубокое влияние на современную жизнь.

Copyright © 1978, 2004 Columbia University Press
© Издательство Института Гайдара, 2016
Настоящее русское издание является полным переводом американского издания, право на осуществление которого специально предоставлены оригинальным издателем *Columbia University Press*.

ISBN 978-5-93255-434-0

Содержание

Владимир Нишуков. От редактора · 6

Предисловие · 9
Глава 1. Игра, забавы, состязания, спорт · 11
Глава 2. От ритуала к рекорду · 34
Священное и секулярное · 36; Равенство · 53; Специализация · 72; Рационализация · 78; Бюрократизация · 86; Количественный учет · 90; Рекорды · 97; Характерные черты современного спорта · 102

Глава 3. Капитализм, протестантизм и современный спорт · 104
Марксистская интерпретация · 104; Неомарксистская критика · 117; Критикуя критику · 125; Веберианская интерпретация · 144

Глава 4. Почему бейсбол был нашей национальной игрой · 160
Американский эксепционализм · 160; Подсчитанная пастораль · 165; Бейсбол и проблема культурной диффузии · 202

Глава 5. Восхищение американским футболом · 205
Популярность и насилие · 205; Современность · 220; Катарсис и война · 227

Глава 6. Переоценка индивидуализма · 239
Индивидуальный *versus* командный спорт · 243; Вымышленные бегуны · 263; Заключение · 272

Послесловие. «От ритуала к рекорду». Ретроспективная критика · 280
I · 280; II · 283; III · 289; IV · 293

От редактора

Книга Аллена Гуттмана «От ритуала к рекорду: Природа современного спорта» уже знакома российскому читателю: три главы («От ритуала к рекорду», «Протестантизм, капитализм, современный спорт», «Игра, забава, состязания, спорт») были опубликованы в разных номерах журнала «Логос», посвященных гуманитарным исследованиям спорта. В данном издании книга выходит полностью, что дает читателю возможность не только познакомиться с теоретическими основаниями гуттмановской концепции, но и с ее приложением к конкретным спортивным дисциплинам, таким как бейсбол или американский футбол.

Хотя книга «От ритуала к рекорду» написана почти сорок лет назад, для современных исследователей спорта эта работа (как и ряд последующих текстов американского историка и философа) является крайне актуальной. Речь идет не столько о богатом фактическом материале (библиография ключевых работ Гуттмана в совокупности насчитывает несколько тысяч источников), сколько о тех интерпретациях, которые дает автор известным фактам. Ключевые понятия книги, в первую очередь эвристическая цепочка «play — games — contests — sports», при незначительной трансформации[1] могут приме-

1. Подробно об актуализации понятийного аппарата А. Гуттмана см.: *Нишуков В.* Понятие спорта // Логос. 2014. №3. С. 181-190.

няться к довольно широкому спектру спортивных и околоспортивных практик вплоть до популярных ныне исследований компьютерных игр (Game studies).

Словосочетание «философия спорта» часто вызывает две неверных реакции. Первая, которую условно можно назвать профанной интерпретацией, это представление о том, что философия спорта — это пропаганда здорового образа жизни (в здоровом теле — здоровый дух), спортивного (джентльменского) поведения, олимпийских ценностей и т.д. Вторую реакцию можно обозначить как «интеллектуальный снобизм», который выражается в жестком неприятии значительным числом интеллектуалов сочетания философии, традиционно связанной с «высокой» культурой, и такого низкого «жанра», как спорт. К проявлениям интеллектуального снобизма можно отнести также абстрактные рассуждения о спорте многих философов, которые видят в нем «заглушку», очередной «опиум для народа», альтернативный нуминозному опыт и т.д. Как правило это суждения людей, имевших отношение к спорту только в старших классах школы и говорящих о спортивных реалиях прошлого века. Спорт в этом случае — это всего лишь набор феноменов, которые можно проанализировать сквозь призму той или иной методологии, чтобы прийти к уже известным выводом. Словом, спорт в таком случае — это в большей степени иллюстрация или тренажер.

Хотя Аллен Гуттман анализирует спорт полувековой давности, он далек и от профанации, и от снобизма, и от иллюстративного использования спорта. Для Гуттмана спорт — явление самодостаточное, которое выходит за рамки культуры, социума, человека, науки. Именно поэтому для того, что-

бы ответить на вопросы — что есть спорт? почему люди им занимаются? какое место спорт занимает в культурном (и не только) ландшафте современности? — необходимо сформировать дисциплину философии спорта.

Разумеется, сегодня реалии спорта радикально отличаются от того, что описывал Гуттман. Медикализация, дигитализация, глобализация открыли перед спортом и атлетами новые горизонты. И заново, если выражаться языком Мишеля Фуко, артикулировали конфигурацию тела, власти и знания, характерную для спорта прошлого века. Но чтобы понять новую конфигурацию, необходимо четко понимать структуру спорта модерна, которая блестяще описана Гуттманом. Реалии современной жизни таковы, что спортсменом является сегодня каждый из нас. Неслучайно слоган одной из компаний, производящих одежду для активного отдыха, звучит почти как императив: «Если у тебя есть тело — ты атлет» (If You Have a Body, You're an Athlete). Такое принуждение к спорту обязывает философа и каждого здравомыслящего человека остановиться, снять с руки фитнес-браслет и задуматься о спорте и своей принужденной позиции и позе атлета/болельщика. Книга Аллена Гуттмана — отличный способ сделать первый шаг в этом направлении.

Владимир Нишуков

Предисловие

Во введении к одной из первых книг по психологии спорта философ Макс Шелер выражает сожаление по поводу предубеждения ученых в отношении к спорту: «Вряд ли какой-то общемировой современный феномен заслуживает социологического и психологического изучения в той степени, в какой его заслуживает спорт. Спорт приобрел неизмеримый масштаб и социальную значимость, но этому аспекту спорта не уделялось большого внимания»[1].

Это написано в 1927 году. Но и через полвека спорт остается одним из самых спорных и наименее проясненных явлений нашего времени.

Одна из причин, по которой спорт остается без должного осмысления, это его популярность. Смысл спорта кажется чем-то очевидным, но это далеко не так. Еще одна причина в том, что философы, историки, социологи и психологи, которых интересовал спорт, писали о нем лишь изредка и не для рядового читателя, а друг для друга.

В своем исследовании я надеюсь предложить систематическую и оригинальную интерпретацию современного спорта, а также ряд спекуляций на тему уникальности американского спорта, в частности, попытаюсь выявить логическое отношение между

---

1. Введение к: *Peters A.* Psychologie des Sports. Leipzig: Der Neue Geist Verlag, 1927. S. xii.

забавами, играми, состязаниями и спортом; продемонстрирую различия между современным спортом и схожими архаичными, античными и средневековыми практиками; постараюсь выяснить, какое состояние общества привело к расцвету современного спорта; истолковать значение таких типично американских игр, как бейсбол и футбол, и, наконец, исследовать утвердившееся среди американцев предпочтение командных видов спорта по отношению к индивидуальным.

Я также надеюсь, что это исследование станет интересным и убедительным как для специалистов, так и для простых читателей. Я стремлюсь прояснить, истолковать, понять. Не пытаюсь ни усложнить сути предмета, ни упростить ее. Если я и достиг цели, то благодарить за это следует в первую очередь тех многих коллег и друзей, что вдохнули новую жизнь в старое выражение «академическое сообщество». За помощь в самых разных ситуациях я благодарен Ральфу Билзу, Иву и Николь Карве, Хаскелю Коплину, Фредерику Девитцу, Питеру Грэму, Роберту Гросу, Оммо Групу, Герберту и Мэри Джим Джозефс, Джеральду С. Кенену, Гансу Ленку, Джону Лою, Трейси Мер, Эдварду Маллигану, Расселу Наю, Джеку Зальцману, Джорджу Стейду, Дэвиду Турески, Хорсту Уберхерсту и Гарольду Вандерцвагу. Критические замечания по поводу рукописи давали Дорис Барген, Ян Дизард, Фредерик Эррингтон и Джон Уильям Уард.

Существенная часть исследования была субсидирована Немецким исследовательским обществом и Национальным фондом гуманитарных наук.

Аллен Гуттман
Январь 1978 год

ГЛАВА 1

Игра, забавы, состязания, спорт

В СВОЕЙ автобиографии «Миля за четыре минуты» известный британский легкоатлет Роджер Баннистер описывает эпизод из детства — он стоял «босоногий на твердом сухом песке на берегу моря», наслаждаясь чистотой воздуха и красотой неба, чувством мистического совершенства:

> В этот удивительный момент меня словно подбросило от внезапной радости. Я был поражен и ошеломлен потрясающим возбуждением, в которое могут привести всего несколько шагов. Я оглянулся, беспокоясь, что кто-то может за мной наблюдать. Еще несколько шагов — теперь более осознанно, уверенно фиксируя полученный опыт. Казалось, что земля движется со мною. Я бежал, и живительный ритм овладевал моим телом. И уже не чувствуя собственных движений, я наслаждался новым чувством единения с природой. Я нашел новый источник силы и красоты, о котором раньше не подозревал[1].

Движения Баннистера были спонтанными, чистым эмоциональным выплеском — в той степени, в которой любые человеческие действия можно описать как свободные и немотивированные. Теоретики указывают на биологические и психологические мотивы, которые, вероятно, обусловливают спонтанность и немотивированность игр людей и жи-

---

1. *Bannister R.* The Four Minute Mile. N.Y.: Dodd, Mead, 1957. P. 11–12.

вотных. Есть также пространный список литературы, где игру связывают с развитием моторики, или обузданием бессознательных фобий, или со стадиями умственного развития. Чтобы найти глубочайшие источники внезапного возбуждения Баннистера, нам не обойтись без работ Карла Гросса, Зигмунда Фрейда, Жана Пиаже и всех, кто внес вклад в разработку теории игры. Однако мы стремимся пойти в другом направлении, не ссылаясь на всеобщие черты человеческой психики, но, скорее, через описание современного спорта как аспекта современного общества, что вызовет меньше критических замечаний. Вместо того чтобы анализировать сам акт игры таким, как он описан у Баннистера и как он знаком каждому, обратимся к еще одному эпизоду из его автобиографии.

Он датируется 6 мая 1954 года, когда Баннистер вновь бежал, но при совсем других обстоятельствах. Хотя в своем повествовании он об этом не упоминает, то был официальный забег в Оксфорде, на соревнованиях, организованных руководством Британского любительского спортивного союза (*Great Britain's Amateur Athletic Union, AAU*), то есть, по сути, Международной любительской спортивной федерацией (*International Amateur Athletic Federation*), которой союз подчинялся. Трек стадиона имеет стандартную длину. Трасса тщательно подготовлена для соревнований, бегунам обеспечено хорошее покрытие. На Баннистере спортивный костюм и кроссовки, которые сконструированы для достижения максимальной скорости. Только что, утром, он наточил их шипы. Зрители в предвкушении. Они понимают значение для человека соревнования с другими людьми и, что более важно, значение соревнования со временем.

Можно и книгу написать о различных культурных обстоятельствах, которые повлияли на то, что

Роджер Баннистер и его друзья по команде Кристофер Брешер и Кристофер Четвей, организаторы, зрители, журналисты и многие другие встретились в тот промозглый день 1954 года. Но есть самый значительный культурный факт, который легко назвать, но трудно осмыслить. Каждый присутствовавший знал, что спортсмены мечтали и уже пытались пробежать милю за четыре минуты, но их попытки проваливались. Почему это было невозможно? Сейчас очевидно, что физически это было реально. Лучшие результаты, чем у Баннистера, стали сегодня обычным делом. Всего через несколько недель Джон Лэнди превзошел достижение Баннистера. Был, разумеется, известный «психологический барьер», который стоял перед бегунами на дорожке. Но сам этот барьер был продуктом социальных условностей. В современном спорте важно покрыть дистанцию за определенное время. Английская миля крайне неудобна для метрического восприятия, но получилось так, что сочетание мили и стандартной мировой хронологической системы минут и секунд так повлияло на английскую и американскую культуру, что в ней появился психологический барьер, сделавший неинтересным европейский забег на 1500 метров (0,93 мили). Несмотря на то что они соревновались в Англии и Соединенных Штатах, их тоже останавливал этот барьер.

6 мая 1954 года. Баннистер стартовал. Он обходит своих товарищей Брешера и Четвея и финиширует с результатом 3:59:4. Время объявлено, зарегистрировано, официально признано, опубликовано, замечено фанатами, вписано в историю спорта и — преодолено.

Разница между моментом экстаза Баннистера на пляже и его триумфальным забегом на оксфордском стадионе — это и есть разница между игрой

и современным спортом. Это же различие обнаруживается при сравнении детского немотивированного перепрыгивания через куст или камень с трансляцией полета Двайта Стоунза через стандартную планку, при сравнении прыжков гальки над водной гладью с технически изощренным и грациозным метанием молота. Схожее различие выявится, если мы сравним детские игры в мяч с какой-нибудь из сложных игр с мячом, в которой участвуют профессиональные команды, организованные сегодня в чемпионаты в любой стране.

Имея в виду пример с двумя забегами Баннистера, можно разработать исходную базовую парадигму, предварительную модель описания игры, забав, состязаний и спорта (*play, games, contests, sports*). Для удобства обозначим игру как некоторую неутилитарную физическую или умственную активность, имеющую цель в самой себе. «Игра,— пишет Карл Дим,— это бесцельная активность, существующая ради самой себя, в противоположность труду»[2]. Игра самодостаточна. Объект желания здесь — само действие, а не то, ради чего оно происходит. Можно сказать, что игра так относится к работе, как процесс к результату. Игра — царство свободы. Это определение исключает такие общепризнанные цели, как укрепление здоровья, воспитание характера, улучшение двигательных навыков, социализация группы сверстников, развитие командного духа. Это определение достаточно широко, чтобы включить азартные игры, игры со словами или числами, шахматы, жмурки и футбол. Определение исключает охоту с целью добычи пропитания и игру в волейбол с целью выполнить план занятий

2. *Diem C.* Wesen und Lehre des Sports. B.; Fr.a.M.: Weidmannsche Verlags Buchhandlung, 1949. S. 10.

по физкультуре. В реальной жизни мотивы смешаны. Я играю в теннис со своей женой, потому что люблю теннис и свою жену, потому что чувствую себя после игры лучше и мне нравится думать о себе как о человеке активном. Точно так же Артур Эш, у которого есть утилитарные мотивы и про которого нельзя сказать, что он играет из чистого удовольствия, а не для хорошего удара, замечает: «Как ни странно, суть работы всей жизни можно свести к одному удару»[3]. Каждый из нас двоих играет по нескольким причинам. Отнесемся строго к нашим дефинициям, нашей парадигме, даже признавая, что эта парадигма — способ понимания социальной реальности, а не общеприменимая модель.

Игра в таком идеальном смысле предстает как нечто, что присуще исключительно человеку. От поэта Фридриха Шиллера до историка Йохана Хейзинги прослеживается философская традиция определять этот вид как *Homo Ludens*, человека играющего. Существует даже теология игры, согласно которой Бог является Первым игроком, а богослужение его созданий — подражание *Deus Ludens*[4].

Есть в английском языке различие (отсутствующее во французском и немецком) между понятиями игры (*play*) и забав (*games*)[5]. Игры можно разделить

---

3. *Ashe A., Deford F.* Arthur Ashe. Boston: Houghton Mifflin, 1975. P. 46.

4. См.: *Fink E.* Oase des Glücks. Munich: Karl Alber, 1957; Idem. Spiel als Weltsymbol. Stuttgart: Kohlhammer, 1966; *Miller D. L.* Gods and Games. N.Y.: World Publishing Co., 1969.

5. Здесь и далее, где важно различение игры и забавы, во избежание терминологической путаницы после употребления этих понятий следует указание на аналог из английского текста. *Game* в русском тексте не всегда переводится как «забава» для сохранения стилистики русского языка. — *Примеч. пер.*

на две категории: спонтанную игру (*play*) и игру организованную, которую мы и называем забавой (*game*). Это утверждение кажется парадоксальным. Как что-то может быть свободным, если находится под диктатом организации? Можно ответить, что спонтанные игры (*play*) могут очень близко подходить к пространству чистой свободы, но большая часть игр (*play*) регулируются и ограничиваются правилами. Однако они остаются неутилитарными и в этом смысле не связаны с необходимостью поиска еды, крова и всего, что требуется для поддержания жизни; но забавы (*games*) символизируют добровольное следование абсолютной спонтанности ради сохранения порядка игры (*playful order*). Они выходят за пределы материальной необходимости, но следуют добровольно принятым правилам. Вот примеры таких забав (*games*), которые приходят на ум: вышибалы, съедобное/несъедобное, шахматы, «Монополия», баскетбол. Интересная подборка. Первые два примера отличаются от трех других, но только некоторыми аспектами.

Присмотримся к забавам (*games*) и к тому, как правила усложняют действия. Правила часто преднамеренно нерациональны. Например, не исключена возможность того, что ферзь противника может пересечь всю доску и забрать вашу фигуру. Или в гольфе не разрешают за один раз закатить мячи в лунку. У Бернарда Сьютса есть полезное, хотя и несколько техническое наблюдение о роли правил в забавах (*games*):

> Играть в игру (*to play a game*) — значит пытаться достичь определенной, заранее известной цели, оставаясь в рамках установленных правил, когда эти правила запрещают использовать более эффективные пути, оставляя предпочтительными менее эффективные (конститутивные правила), и когда такие прави-

> ла принимаются просто потому, что делают данные действия возможными (игровое отношение)[6].

Ссылка на предварительно сформулированную цель ставит на первое место волю к победе, волю, которая, разумеется, совместима со спортивным этосом в том виде, как он был артикулирован Винсем Ломбарди, но которая идет вразрез с нашим выделением преимущества деятельности над результатом. Какая цель у чехарды кроме удовольствия от чехарды?

Это ведет нас к следующей необходимой дистинкции, к иному виражу дихотомий. Как известно, чехарда и баскетбол относятся к разным типам забав (*games*). Оба типа имеют правила, которые отсутствуют в спонтанной игре (*play*), но эти правила создают различие, которое часто упускается из виду даже при очень внимательном рассмотрении. Чехарда не является состязанием, как баскетбол. Разумеется, любую активность можно представить как состязание, но чехарда кольцо-вокруг-розы[7] — это такая забава (*game*), которая не имеет исхода победа/поражение. Определение «забавы» (*game*), настаивающее на том, что в ней должен быть победитель, отсекает информацию, касающуюся множества организованных неконкурентных игр (*play*), в которых есть правила, но критерии победы и поражения не указаны. Есть правила «игры в больницу» (*playing doctor*), но победа или поражение в ней не предполагаются.

---

6. *Suits B.* The Elements of Sport // The Philosophy of Sport / R. G. Osterhoudt (ed.). Springfield, IL: Charles C. Thomas, 1973. P. 55. См. также: Idem. What Is a Game? // Philosophy of Science. June 1967. № 34. P. 148–156.

7. Ring-around-the-rosie — английская народная забава. — *Примеч. пер.*

Важность борьбы для нашего общества делает трудноосознаваемым существование буквально тысяч забав (*games*), в которых борьбы нет. Например, есть японская забава (*game*) *kemari*, часто называемая западными зрителями «футболом», поскольку по мячу бьют ногами. Но целью этой забавы (*game*) является просто удержание мяча над землей, а участники ни в коем случае не соревнуются. Мяч просто передается внутри площадки, где по углам растут ива, вишня, сосна и клен, символизирующей гармоничность мира[8]. Никто не выигрывает и не проигрывает. Схожую забаву (*game*) в Микронезии описывает антрополог: «Полное отсутствие интереса к конкурентным аспектам спорта. Важны лишь красота и изящество»[9]. Наши забавы (*games*) не такие, как *kemari*. Важность состязательности для современного общества может быть выведена этимологически. Термин «атлет» происходит от греческих слов *athlos* (состязание) и *athlon* (награда).

Для американцев, чьи детские развлечения проходят, как правило, в форме серьезных организованных состязаний, забавы (*games*) таких лишенных духа конкуренции народов, как наво, могут показаться чудачеством, даже чем-то ребячливым. Но эта реакция открывает нам нечто важное в нас самих.

Существует бесконечное множество состязаний, например шахматы и баскетбол. Но важно, однако, помнить, что состязания, которые мы имеем в виду, являются подклассом множества игр (*play*).

---

8. См.: *Mathys F. K.* Kultischer Fußball in Japan // Olympisches Feuer. April 1959. № 6. P. 12–13.

9. *Youd J.* Notes on Kickball in Micronesia // Journal of American Folklore. 1961. № 74. P. 64.

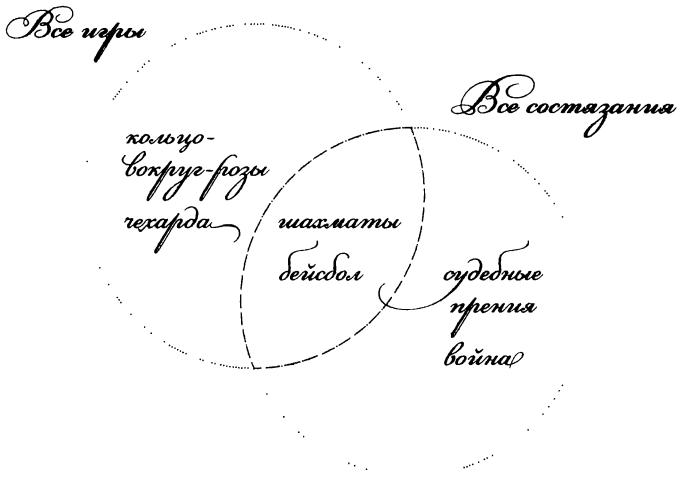


РИС. 1. Игры и состязания

Здесь будет удобно использовать схему Венна (рис. 1). Игровые состязания (*playful contests*) расположены на пересечении двух множеств: всех игр и всех состязаний. Существуют забавы (*games*), не являющиеся состязаниями, и состязания, которые не являются забавами (*games*) в нашем смысле слова («военные игры» (*war games*), и «теория игр» (*game theory*) в военной стратегии не являются подклассами игры (*play*), исключая те случаи, когда люди стремятся получить удовольствие от боевых действий).

Йохан Хейзинга в своей ставшей классической и чрезвычайно влиятельной работе «Homo Ludens» совершенно зря включает правовые споры и даже боевые действия в раздел игр (*play*): «Состязание означает игру (*play*). Нет достаточных оснований отрицать, что любое состязание имеет характер

игры (*play*)»[10]. Это (ошибочное) утверждение Хейзинги ни на чем не основано. Существует логическая возможность, что война станет самоцелью, будет вестись только ради получения удовольствия от процесса. Действительно, четкого различия между средневековым рыцарским турниром и средневековой битвой никогда не существовало. В битве при Бремюле в 1119 году погибли трое, а на турнире в Нойсе в 1240 году — шестьдесят человек[11]. Явные цели были различными, но кто может с уверенностью сказать, что сражавшиеся там рыцари не относились к битвам более серьезно, чем к турнирам? Точно так же известно, что юристы, участвующие в процессе, получают удовольствие, играя свои роли в зале суда, становящемся в некотором смысле их игровой площадкой. Тем не менее разница между состязаниями, которые являются и не являются забавой (*game*), чрезвычайно важна. Их смешение у Хейзинги значительно снижает ценность его книги. Совершенно корректен комментарий к «Homo Ludens» Роже Кайуа:

> Эта работа — не изучение игр, но в большей степени исследование плодотворности игрового духа для культуры, точнее, того духа, который присущ только некоторым играм, а именно регулярным состязаниям[12].

Игнорируя различия между состязательными и несостязательными забавами (*games*), принимая все забавы (*games*) за состязания, Хейзинга умудрился

---

10. *Huizinga J.* Homo Ludens: A Study of the Play Element in Culture. L.: Temple Smith, 1970. P. 98.
11. *Jusserand J. J.* Les Sports et jeux d'exercice dans l'ancienne France. P.: Plon, 1901. P. 58.
12. *Caillois R.* Les Jeux et les hommes. P.: Callimard, 1958. P. 32.

написать изумительную, но далекую от реальности книгу о поэзии, религии, игре, войне, искусстве, музыке и политике.

Определив игру (*play*), забаву (*game*) и состязание чуть более точно, чем Хейзинга, мы можем провести окончательное разделение и определить спорт так: это «игровые» (*playful*) физические состязания, включающие в значительной степени физические и психологические навыки[13]. Хотя мы и будем говорить о «физических состязаниях», их трудно себе представить без использования умственных навыков. В нашем понимании шахматы, безусловно, являются состязанием, но, несмотря на то что о них пишут в журнале *Sports Illustrated*, не являются спортом. Спорный вопрос, насколько «физическими» являются авто- и мотоспорт, а также конный спорт. Скачки — это вообще отдельная проблема, это состязание в большей степени между лошадьми или жокеями. Павсаний, греческий путешественник II века, которому мы обязаны большинством наших познаний в области античного спорта, рассказывает, как олимпийскую гонку выиграла кобыла после падения наездника. Хозяин лошади все равно был объявлен победителем[14]. Сходным образом сейчас ставки делают на лошадей, и животное очевидно является *protagoniste d'action*[15], по крайней мере во французской спортивной прессе[16]. К счастью, нам не нужно разрешать споры такого рода. Наличие ясного определения — существенный мо-

---

13. Наиболее близкое к моему определение дано в работе: *Loy J.* The Nature of Sport: A Definitional Effort // Quest Monograph. May 1968. № 10. P. 1–15.
14. См.: *Finley M. I., Pleket H. W.* The Olympic Games: The First Thousand Years. N.Y.: Viking Press, 1976. P. 31–32.
15. Главный персонаж (*фр.*). — *Примеч. пер.*
16. См.: *Gritti J.* Sport a la une. P.: Armand Colin, 1975. P. 114.

мент, позволяющий проводить различия, основанные на эмпирических данных. Трудно точно определить место скачек, но мы можем быть уверены, что индустрия китобойного промысла, классифицированная одним видным историком как спорт, должна быть исключена из него[17]. Мы также можем избежать обескуражившего всех заблуждения в книге Джеймса А. Мишнера «Спорт в Америке» (1976), где спортсменами называются не только атлеты, но и зрители, а также те, кто просто делает ставки. Мишнер замечает: «Мне неприятно классифицировать зрителей как спортсменов, но они подпадают под определение»[18]. Это не так. Изначальное побуждение Мишнера верно. Наблюдение за физическими состязаниями — совсем не то же самое, что участие в них. Участие в пари несколько ближе, но недостаточно.

Если сделать сейчас шаг назад, то можно увидеть, что у нас есть ряд различений. Как наша схема (рис. 2) связана в этом пункте с теми классификациями, которые в настоящее время используются в антропологических исследованиях? В замечательной серии статей Джон М. Робертс, Брайан Саттон-Смит и их ассистенты предлагают трехчастную классификацию игр, согласно которой они делятся на (1) игры, предполагающие элементы стратегии и удачи или исключающие их; (2) стратегические игры, предполагающие элемент удачи или исключающие его; (3) простые игры наудачу[19]. Эта

---

17. См.: *Gabriel R. H.* Introduction // Krout J. A. Annals of American Sport. New Haven: Yale University Press, 1929. P. 3.
18. *Michener J. A.* Sports in America. N.Y.: Random House, 1976. P. 62.
19. См.: *Roberts J. M., Arth M. J., Bush R. R.* Games in Culture // American Anthropologist. 1959. № 61. P. 597–605; *Roberts J. M., Sutton-Smith B.* Child Training and Game Involvement // Ethnology. 1962. № 1. P. 166–185; *Roberts J. M., Sutton-Smith B.,*

таксономия не делает различия между состязательными и несостязательными играми, что приводит Робертса и Саттон-Смита к спорному выводу о том, что существуют примитивные общества, в которых игр вообще нет[20]. Неконкурентные игры они относят к хобби. Для них важны соревновательные игры всех видов, а не только спорт.

Используя данные, обобщенные сотрудниками Йельского университета в «Материалах по кросскультурным исследованиям» и «Материалах исследований поля межчеловеческих отношений», Робертс и Саттон-Смит пытаются установить корреляцию между типами игр и типами культур, то есть между играми и политико-экономическими ролями, религиозными верованиями, система-

---

Kendon A. Strategy in Games and Folk Tales // Journal of Social Psychology. 1963. № 61. P. 185–199; *Sutton-Smith B., Roberts J. M., Kozelka R. M.* Game Involvement in Adults // Journal of Social Psychology. 1963. № 60. P. 15–30; *Sutton-Smith B., Roberts J. M.* Rubrics of Competitive Behavior // Journal of Genetic Psychology. 1964. № 105. P. 13–37; *Roberts J. M., Sutton-Smith B.* Cross-Cultural Correlates of Games of Chance // Behavior Science Notes. 1966. № 1. P. 131–144; *Sutton-Smith B.* The Sporting Balance // Soziologie des Sports / R. Albonico, K. Pfister-Binz (eds). Basel: Birkhauser Verlag, 1971. S. 105–13; *Sutton-Smith B., Roberts J. M.* The Cross-Cultural and Psychological Study of Games // International Review for the Sociology of Sport. 1971. № 6. P. 79–87; *Sutton-Smith B.* Games, the Socialization of Conflict // SW. 1973. № 3. P. 41–46; *Sutton-Smith B.* Play as Adaptive Potentiation // SW. 1975. № 5. P. 103–118; *Ball D. W.* The Scaling of Gaming // Pacific Sociological Review. July 1972. № 15. P. 277–294; Idem. What the Action Is // Journal for the Theory of Social Behavior. 1972. № 2. P. 121–143; Idem. Control versus Complexity // Pacific Sociological Review. 1974. № 17. P. 167–184.

20. Критику их недостаточного внимания к несостязательным играм см. в работе: *Eichberg H.* Spielverhalten und Relationsgesellschaft in West Sumatra // Stadion. 1976. № 1. S. 13–15.

ми родства, воспитательными практиками, сексуальным поведением и т. д.

> Игры, связанные с использованием физических навыков, рассматриваются ли они как чисто физические или с элементами стратегии, показывают значимую связь между наградой за победу и частотой побед[21].

Стратегически игры коррелируют с высоким уровнем политической интеграции и со строгими требованиями к детской дисциплине. В «культурах удачи» мы находим, что ранние сексуальные связи — это норма, высок уровень тревожности, распространены конфликты, типичной является жесткая окружающая среда, поселения не постоянны, забота о потомстве неустойчива, а браки между двоюродными братьями и сестрами запрещены.

Во многих ценных статьях этой антропологической школы отмечается наличие фактора стресса в состязательных играх. Теоретически стресс трактуется в соответствии с работами Зигмунда Фрейда, чья влиятельная книга «По ту сторону принципа удовольствия» (1924) интерпретирует игры как проявление стремления к господству. Робертс и Саттон-Смит отмечают, что «согласно конфликтной гипотезе объяснения игры, участникам игра сначала просто любопытна, затем они к ней привыкают, а в конце концов достигают высокого уровня вовлеченности из-за разрешения специфических психологических конфликтов»[22]. В этом смысле игры имеют терапевтическое значение. Различные виды игр репрезентируют различные пути достижения победы в психологическом конфликте:

---

21. *Roberts J. M., Sutton-Smith B.* Child Training and Game Involvement // Sport, Culture and Society / J. W. Loy, G. S. Kenyon (eds). N.Y.: Macmillan, 1969. P. 124.
22. Ibid. P. 128.

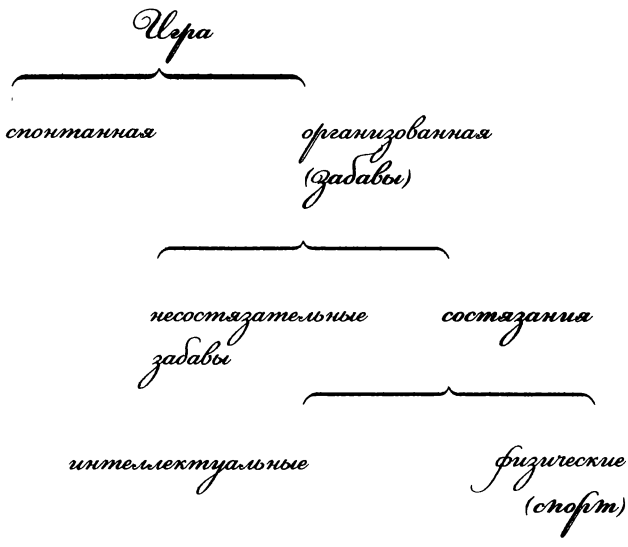


РИС. 2. Игра, забавы, состязания, спорт

> Игры — это модели успешного превосходства над другими при помощи магической силы (как в случае с играми наудачу), напора (как в играх, связанных с использованием физической ловкости), ума (в стратегических играх)[23].

Лежащие в основе этого подхода допущения проясняются следующим комментарием: в играх дети осваивают «необходимое искусство хитрости, обмана, агрессии, предвидения, нечестной игры, которому педагоги их не станут учить, но необходимое для успешного взаимодействия в браке, в делах

---

23. *Sutton-Smith B., Roberts J. M.* The Cross-Cultural and Psychological Study of Games. P. 86.

и на войне»[24]. В этой борьбе за господство игры аналогичны шуткам, как полагает Фрейд.

Французский антрополог Роже Кайуа использует в работе метод, схожий с методом Робертса и Саттон-Смита. Предмет его исследования «Игры и люди» — все игры, а не просто спорт. Он также пытается установить корреляцию типов игры и общественных структур. В его сложной схеме напряжение между полюсами *paideia* и *ludus* образует шкалу, на которой идет переход от спонтанной игры (*paideia*) к регулярной игре с закрепленными правилами (*ludus*). Другие термины оригинальной схемы Кайуа представляют четырехчастную классификацию, в границах которой и располагается шкала *paideia* — *ludus*. Эти четыре категории: (1) игры наудачу, которые Кайуа обозначает через термин *alea*; (2) состязания, обозначенные как *agon*; (3) подражание; (4) игры, вызывающие головокружение и потерю ориентации в пространстве, обозначенные как *ilinx*. В качестве примеров четырех типов игр, связанных с *paideia*, Кайуа предлагает подбрасывание монеты, гонки, детские игры, основанные на подражании, качели. Как варианты четырех типов, относящихся к *ludens*, он называет лотерею, шахматы, театр и альпинизм. Вооружившись этой схемой, Кайуа предлагает построить не социологию игры, но, скорее, социологию, производную от игры: не «социологию игр», а «социологию, отталкивающуюся от игр»[25]. Его проект имеет большой размах, который некоторые ассоциируют с французской антропологией.

Вместе с Робертсом и Саттон-Смитом Кайуа разделяет мнение, согласно которому отдельные виды

---

24. *Sutton-Smith B., Roberts J. M.* The Cross-Cultural and Psychological Study of Games. P. 86.
25. *Caillois R.* Op. cit. P. 142.

игр высокозначимы и поэтому могут быть соотнесены с типами социального порядка. Он пишет:

> Примитивные сообщества — те, в которых распространены маски, переодевания, — тяготеют к мимикрии и *ilinx*. И наоборот, инки, ассирийцы, китайцы и римляне — это пример упорядоченных обществ, — где есть бюрократия, разделение труда, законы, система исчисления, контролируемые иерархические привилегии, — ориентированных на *agon* и *alea*, то есть достоинство и происхождение являются элементарными аспектами и необходимы для включения в социальную игру. Структурированные игры — отражение структурированного общества[26].

Не пытаясь детально критиковать Робертса, Саттон-Смита или Кайуа, мы можем поставить под сомнение их подход, одновременно намечая новое направление исследований. С уверенностью можно сказать, что люди, увлекающиеся шахматами, и те, кто наудачу бросает кости, отличаются по характеру, но очень рискованно описывать целые эпохи или даже отдельное племя через наличие или отсутствие *agon* и *alea*. Тем опаснее делать обобщения на основании типичных игр. Современная спортивная стрельба из лука, к примеру, значительно отличается от стрельбы мастера дзен, которая направлена на единение с Вселенной. В действительности современная стрельба из лука сильно отличается даже от стрельбы в Англии времен Шекспира. Схожим образом гробница в Бени-Хасане в Египте, построенная во времена фараонов, испещрена множеством изображений борцовских приемов, использующихся в наши дни и на университетских соревнованиях. Другими словами, сомнительно, что

26. Ibid. P. 169–170.

та характеристика игры, которую дали антропологи, ценнее культурного осмысления, которое делают сами игроки. Сегодня мы можем многое узнать из того, как определенное общество соотносится с конкретной игрой. Но «одна и та же» игра, скорее всего, будет сильно отличаться по своему значению в разных культурных контекстах. Я постараюсь последовать за Робертсом, Саттон-Смитом и Кайуа и в 4-й и 5-й главах обозначить те причины, по которым бейсбол и футбол являются типично американскими играми. Но мне интереснее отследить изменения «тех же самых» видов спорта с течением времени. Меня в меньшей степени интересует сам факт существования того или иного спорта, чем то, в каком виде он существует. Вернемся к исходной схеме, которая уже почти закончена. Если снова обратиться к начальной точке нашей классификации, игре (*play*) самой по себе, позволителен вопрос: является ли игра единственной альтернативой тому, что можно назвать сферой труда? Очевидно, нет. По меньшей мере искусство должно быть отнесено к тому типу деятельности, который в идеале не имеет утилитарных целей. Можно сомневаться в этой точке зрения, потому что — повторюсь — существует целая научная традиция, посвященная вопросу взаимосвязи спорта с изобразительным искусством. В своей проницательной информативной и провокационной книге «Спорт среди изящных искусств» (1968) Пьер Фрессине аргументирует включение спорта в границы более престижной (для некоторых) категории искусства[27]. Аналогич-

27. См. также: *Lowe B.* The Aesthetics of Sport//Quest Monograph. 1971. № 16. P. 13–17; Idem. A Theoretical Rationale for Investigation into the Relationship of Sport and Aesthetics//International Review for the Sociology of Sport. Vol. 8. 1973. № . 1.

но и Ролан Барт описывает Тур-де-Франс как некую эпопею. И никто не станет отрицать, что современные танцы и специальные гимнастические упражнения для женщин, выполняющиеся под музыкальный аккомпанемент, очень похожи.

Почему нельзя представить спорт видом искусства? Различие между игрой и искусством проясняется теорией выражения. Хотя наверняка не все ученые, занимающиеся эстетикой, согласятся с этой формулировкой, искусство может быть представлено как такой модус выразительности, который в неусеченном виде предполагает коммуникацию артиста и аудитории. Как это часто происходит в литературе, месседж искусства не всегда морален, но искусство все равно должно сообщать нечто: восприятие формы и цвета, понимание структуры звука, интерпретацию человеческих поступков. Художнику необходима аудитория, без которой он иногда вынужден оставаться, в то время как игра не нуждается в аудитории, выражая избыток чувств, для которого не нужно общение. Это деятельность, как уже было сказано, ради самой деятельности. Забавы, состязания и спорт захватывают зрителя. И все близко знакомые с современным профессиональным командным спортом не станут отрицать наличия тесных финансовых связей между спортом, зрителями и телевидением. И тем не менее спорт был, есть и будет существовать в условиях отсутствия аудитории. На самом деле атлет, сме-

---

P. 95–101; Idem. The Beauty of Sport. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1977; *Keenan F. W.* The Athletic Contest as a «Tragic» Form of Art//The Philosophy of Sport/R. G. Osterhoudt (ed.). Springfield, Illinois: Charles C. Thomas, 1973. P. 309–326; *Mitchell R.* Sport as Experience // Quest Monograph. 1975. № 24. P. 28–33; Readings in the Aesthetics of Sport/H. T. A. Whiting, D. W. Masterson (eds). L.: Lepus Books, 1974.

щающий фокус внимания с деятельности на зрителей, рисующийся перед фанатами, ломает код спорта, а зачастую бывает осмеян ревнителями традиций. Самолюбование не вызывает восхищения в пределах того, что Ирвинг Гофман называет «задним планом», где участники взаимодействуют друг с другом. Используя гофмановское различие между «передним» и «задним» планами, Алан Дж. Ингем и Майкл Д. Смит отмечают: «На передних планах, где атлет обращен к своей команде, судьям, зрителям, он должен решать проблему: играть или рисоваться (*to play or to display*)»[28].

Описание профессионального реслинга, сделанное Роланом Бартом, очень точно демонстрирует различие между искусством и спортом. Действительно, действия профессиональных рестлеров похожи на занятия борьбой, но постановочная схватка не является реальным состязанием. Это в большей степени фолк-арт, мелодраматическая аллегория борьбы добра и зла. «То, что предлагается публике, — комментирует Барт, — это впечатляющий спектакль о Боли, Поражении и Справедливости[29]. Профессиональные борцы могут состязаться на публике или в пустом зале, а вот актерам из рес-

---

28. *Ingham A. G., Smith M. D.* Social Implications of the Interaction between Spectators and Athletes // Exercise and Sport Sciences Reviews. 1974. № 2. P. 202. Выражение «играть или рисоваться» отсылает к статье: *Stone G. P.* American Sports — Play and Dis-Play // Chicago Review. Vol. 9. 1955. № 3. P. 83–100. Недавнюю критику спорта как спектакля см. здесь: *Lasch C.* The Corruption of Sports // New York Review of Books. 1977. № 24. April 28. P. 24–30.

29. *Barthes R.* Mythologies. P.: Editions du Seuil, 1970. P. 17. См. также: *Stone G. P., Oldenburg R. A.* Wrestling // Motivations in Play, Games and Sports / R. Slovenko, J. A. Knight (eds). Springfield, IL: Charles C. Thomas, 1967. P. 503–532.

линга необходимо, чтобы аудитория была взбудоражена видимым триумфом Добра и ярким наказанием Зла.

Спорт может стать символическим действом. Масса зрителей на мировых сериях Уимблдона воспринимает состязание как аллегорию. Тем не менее следует помнить, что и бег наперегонки двух детей, домашний теннисный матч, любительская игра в гольф — примеры занятия спортом вне зависимости от того, есть ли публика, которая могла бы воспринимать это действо как аллегорию. И по меньшей мере в последнем примере есть желание абсолютного уединения.

Предложив в эскизной и абстрактной форме предварительную схему исследования игры, забавы, состязаний и спорта и осторожно наметив различие между этими явлениями и высоким искусством, я сталкиваюсь с вопросом, которого не обойти ни одному ученому, занимающемуся темой спорта. Хейзинга в «Homo Ludens» настаивает на том, что игра всегда «идет внутри собственных специфических границ времени и места, согласно установленным правилам и в установленном порядке»[30]. Кайуа соглашается:

> Игра по своему существу — отдельное занятие, тщательно изолированное от других, требующее, как правило, четких временных и пространственных ограничений... В любом случае пространство игры — это реальность отдельная, закрытая и защищенная, чистое пространство[31].

Если отвечать Хейзинге, то мы уже решили, что зафиксированные правила относятся только к ор-

---

30. *Huizinga J.* Op. cit. P. 32.
31. *Caillois R.* Op. cit. P. 37.

ганизованным играм (забавам). Но как быть с выделенными временем и пространством? Хотя мы можем представить универсум, в котором утилитарное и неутилитарное тотально разделены и в котором труд и игра — четко очерченные сферы, никогда не пересекающиеся, мы редко сталкиваемся с трудом и игрой в их чистом виде. Проявления игры внезапно возникают в самые неожиданные моменты, так же как самый экстатический момент детской игры может смениться принуждением. «Давай играть!» — говорит ребенок. Другой соглашается с неохотой, чувствуя давление. Первый играет, второй делает вид. Можно ли сказать, что они находятся в разных пространственно-временных измерениях? У нас есть удивительная возможность трансформировать почти все нудные или неприятные занятия в игру, а также менее приятный вариант разрушить беззаботную игру разными мотивами: от желания поддерживать физическую форму до нанесения увечий противнику ради победы. В фильме «Хладнокровный Люк» группа осужденных озадачивает охранников тюрьмы ускорением темпа дорожных работ, тем, как они бегают из стороны в сторону, стараясь выполнить задание весело, оборачивая наказание в игру. Формально в этой ситуации нет соревнования, так как охранники не являются игроками, но их замешательство — это рациональная позиция в явно нерациональной игре. Если заключенные и начали игру просто для развлечения, просто как дети, поддавшиеся внезапной прихоти, их неутилитарная деятельность феноменологически неотличима от утилитарной работы.

Хейзинга исследовал преимущественно соревнования, а не игры, неконкурентные забавы. Возможно, это доказывает, что путь от игры через за-

бавы и состязания к спорту состоит в увеличении пространственной и временной дистанции. Чем сложнее структурировано событие, тем более четко оно отделяется от обычных временных и пространственных измерений. Но даже четко артикулированные «игровые рамки» могут быть нарушены. Во множестве обличий утилитарный спорт всегда наготове, чтобы развеять иллюзию и позволить яркому миру игры «слиться с повседневностью»[32].

Ответив на вопросы, поставленные Фрессине и Хейзингой, можно вернуться к нашей схеме, в которой спорт является «игровым» физическим соревнованием. Наша схема — это инструмент, эвристический аппарат, полезная модель. Мы предпочли ее более очевидным, основанным на истории схемам, разработанным Робертсом, Саттон-Смитом и Кайуа, не только из-за внеисторичности. Наша схема с необходимостью абстрактна, но, чтобы понять, что есть современного в современном спорте (а это одна из двух наших взаимосвязанных целей), необходимо понять, почему спорт в прежние времена не имел современных характеристик. Пофилософствовав на нескольких страницах, нужно начинать историческое исследование.

---

32. Лучшее обсуждение проблемы «игровых рамок» содержится здесь: *Ingham A. G., Loy J. W.* The Structure of Ludic Action // International Review for the Sociology of Sport. Vol. 9. 1974. № 1. P. 23–60.

ГЛАВА 2

От ритуала к рекорду

Есть только один способ понять какое-либо явление — увидеть его на фоне того, что не имеет к нему никакого отношения. Когда Марк Твен узнал, что выездные футбольные команды Альберта Шпалдинга провели показательный матч на Гавайских островах, он с искренним удивлением отметил культурный контраст:

> Я посетил Сендвичевы острова... где жизнь — одна долгая, непрекращающаяся суббота, где климат — один долгий и сладостный летний день... эти ребята играли там в бейсбол — вот настоящий символ, вот откровенное и очевидное выражение порыва, энергии и усилия, борьбы ярости, спешки и бума всего XIX века! Никто бы об этом и не догадался: так трудно увязать место и событие, все равно как если бы на похоронах выступила цирковая труппа[1].

Цирк на похоронах — не самая точная метафора, но что делать, если облик (*Gestalt*) современного спорта обозначился в предельно резком контрасте с первобытным, древним и средневековым спортом.

---

1. Цит. по: *Palmer H. C.* The Around the World Tour//Athletic Sports in America, England and Australia/ed. Palmer. Philadelphia: Hubbard Broth, 1889. P. 446–447. Восхищение Марка Твена бейсболом и культурным контрастом его с древними играми проявилось и в его повести «Янки из Коннектикута при дворе Короля Артура» (1889), где в эту игру приходится играть средневековым рыцарям под наблюдением Хэнка Моргана.

Если рассматривать вопрос под этим углом, окажется, что основных отличий современного спорта от прежних его форм *не менее семи*. Перечислить их нетрудно, но побочные эффекты, ответвления, взаимовлияния и, главное, конечный смысл нуждаются в точном и часто весьма подробном анализе. Как и прочие культурные факты, эти отличия нередко воспринимаются как само собой разумеющиеся и сводятся к особенностям «природного состояния». Но то, что «естественно» для членов данной культуры, может показаться странным всем, кто смотрит на эту культуру извне. Если попытаться подобрать наиболее отвлеченные слова для этих явлений, с простой целью задать направление анализа, эти семь характерных черт можно обозначить так:

- секулярность;
- равенство возможностей и условий соревнования;
- специализация ролей;
- рационализация;
- бюрократическая организация;
- количественный учет;
- погоня за рекордами.

Вряд ли последователь Макса Вебера или Толкотта Парсонса живо отзовется на этот список характерных явлений. Список скорее вызовет интерес представителей исторической социологии (или социологической истории) спорта. Европейские ученые, особенно немецкие, давно уже развивают серьезные исследования спорта как социального феномена. Настало время объединить усилия американских и европейских ученых, чтобы вывести обсуждение к новым рубежам.

Священное и секулярное

Первобытные культуры не знают слова, обозначающего спорт в нашем понимании[2]. Если придерживаться строгого определения спорта как *неутилитарного физического состязания*, придется сказать, что у первобытных людей вообще не было спорта. Фундаментальная всемирная история спорта, написанная Карлом Димом, открывается категоричным утверждением: «Все физические упражнения были изначально связаны с культом»[3]. Существует множество доказательств тому, что первобытные общества часто включали в религиозные ритуалы и церемонии бег, прыжки, метание, бои и даже игру в мяч.

Этнографы провели обширные исследования игр американских индейцев, особенно индейцев Великих равнин, которые последними подверглись культурному влиянию завоевателей. Стюарт Калин в своей объемной монографии пишет:

> У детей есть и много других развлечений, вроде отбивания мяча, потешных боев и тому подобного подражательного спорта, но в эти игры играют, что нужно отметить прежде всего, только взрослые мужчины

---

2. См.: *Damm H.* The So-Called Sport Activities of Primitive People // The Cross-Cultural Analysis of Sport and Games / ed. Lüschen G. Champaign, Illinois: Stipes, 1970. P. 52–69. Многие антропологи отвергают термин «первобытный» как слишком этноцентричный. Но, к сожалению, предложенные альтернативные термины не кажутся мне удачными, и поэтому приходится использовать это расхожее слово, не вкладывая в него, конечно, никакого морального суждения.

3. *Diem C.* Weltgeschichte des Sports. 3rd ed., 2 vols. Frankfurt: Cotta, 1971. S. 1, 3.

> и женщины или же юноши и девушки, но никогда дети,— и эти игры проходят в строго определенное время в году, в рамках празднеств или религиозных ритуалов... Вообще говоря, во все эти игры играют обрядово, стараясь ублажить богов и тем самым обеспечить плодородие, вызвать дождь, произвести и продлить жизнь, изгнать злых духов или излечить болезни[4].

Собранные Калином этнографические сведения не могут, за редкими исключениями, прояснить религиозную природу спортивных игр. Но есть замечательный пример, который заслуживает подробного рассмотрения.

Юго-восточные апачи-хикарилья «занимаются спортом» с постоянной оглядкой на солнце и луну, тем самым осуществляя ежегодный ритуал плодородия. В мифах апачей драматически отражено сложное равновесие двух основных источников пищи для индейцев Великих равнин. Животная пища ассоциируется с солнцем, а растительная — с луной. «Солнце сопряжено с животными, а луна — с плодами, потому что солнце — мужчина, а луна — женщина»[5]. Такое дихотомическое восприятие естественного порядка описано Клодом Леви-Строссом и множеством других антропологов как неотъемлемый признак *первобытного мышления*. Кете Юе-Керкдаль, писавшая о бразильских индейцах Тимбира, подчеркивала связь между спортом и мировидением: «Соревнования атлетов и дуалистическая социальная организация первобытных людей — это две различных репре-

---

4. Games of the North American Indians. Washington: U. S. Government Printing Office, 1907. P. 31, 34.
5. Цит. по: *Opler M. E.* A Jícarilla Apache Ceremonial Relay Race // American Anthropologist. 1944. № 46. P. 78n.

зентации дихотомической поляризованной картины мира»[6]. Дуалистический миф в действии, что нас больше всего интересует, требует особого состязания, в котором приходится принимать участие всем мужчинам в период между половым созреванием и браком. При этом одна сторона «несет в себе» солнце, а другая — луну. Состязание направляемо сложными ритуалами, и главное требование к участникам — воздержание от мяса и от половых связей. Как считается, главное состязание — это состязание солнца и луны, и дорожка, на которой они состязались в беге, становится Млечным Путем. «Млечный Путь», на котором проводились забеги, представлял собой две круговых дорожки с вырытыми округлыми сосцеобразными лунками — там предводители обеих сторон, возглашая молитвы богам, бросали пыльцу. Затем в этих лунках высаживались деревья. Как этот, так и другие ритуалы проходили под барабанный бой (один барабан символизировал солнце, а другой — луну) и сопровождались танцами, песнями и праздничными гуляниями. Сами беговые состязания проходили на третий день празднества: тогда в центре обоих кругов разводился костер. Все юноши разрисовывали себя, обмазывали пыльцой, украшали перьями и шли на ринг в сопровождении двух молодых девушек, неся початок кукурузы в одной руке и орлиное перо — в другой (это символизировало растительную и животную пищу). Существеннее была сама церемония, чем определение победителя и побежденного. Первыми к цели бежали самые силь-

---

6. Wettkampfspiel und Dualorganisation bei den Timbira Brasiliens // Die Winer Schule der Völkerkunde Festschrift / ed. A. Hackel, A. Hohenwart-Gerlachstein und A. Slawik. Wien: Verlag Ferdinand Berger, 1956. S. 509.

ные, а затем приступали остальные, без какого-то определенного порядка. Некоторые бежали четыре или пять раз, но хотя бы раз нужно было пробежать каждому. Такой бег наперегонки завершался танцами и другими праздничными торжествами[7].

Второй пример культового спорта взят уже не из жизни первобытного общества в строгом смысле. Это зулусский футбол в Дурбане, в который играют люди, находящиеся на переходе от первобытного родоплеменного общества к современной социальной организации. Футбол занял первое место среди современных спортивных игр по числу адептов, но восприятие этой игры среди зулусцев трудно назвать современным — игра была приспособлена ими к иным нормам жизни. Команды зулусских футболистов играют по правилам Международного футбольного союза, но их старания воспроизвести современный футбол явно идут вразрез с традициями народа. Инструктор или тренер, например, может ударить игрока, старшего по возрасту,— как мы видим, требования современного спорта попирают традиционные табу. А местная футбольная культура впитала в себя зулусское видение мира. Так, во время открытия и закрытия сезона они приносят в жертву козу. Ритуал требует, чтобы перед матчем все игроки, тренеры и помощники команды провели ночь единым лагерем, заснув под отблески пламени ритуального костра. К костру все собираются нагими, но при этом никаких половых сношений не происходит. Шаман, которого называют инянга, делает надрезы на коленях, локтях и других суставах (точно так же действует шаман перед ритуальной игрой в мяч у индейцев чероки).

---

7. *Opler A.* Jícarilla Apache Ceremonial Relay Race. P. 75–97.

Также игрокам дают очистительную смесь, вызывающую рвоту. В день игры проводится процессия: участники движутся плотно, так что каждый смыкается со своими соседями. Инянга раздает всем магический напиток. Если команда сыграла плохо, в этом обвиняют инянгу, а не тренера или распорядителя команды и отлучают его от его должности[8].

Приведенные примеры доказывают соперничество спорта и религиозного культа, но Карл Дим настаивает не только на возможности, но и на *неизбежности* такого соперничества. Однако, слыша такое обобщение, нельзя не задаться вопросом: спорт для первобытных людей — это неотъемлемая часть религиозной жизни или же есть независимая область существования, где спорт может присутствовать в своем секулярном виде? При этом предполагается, что у первобытных народов есть секулярная жизнь, где религиозный авторитет не важен, раз невозможно отождествлять первобытную культуру с религиозностью. Вопрос приобретает особый смысл исходя из нашей начальной парадигмы: игра — забавы — состязания — спорт. Если мы считаем, что спорт у первобытных народов всегда был сакральным, всегда был составной частью куль-

---

8. *Scotch N.* A. Magic, Sorcery and Football among the Urban Zulu // Journal of Conflict Resolution. 1961. № 5. P. 70–74. Изучение Скотчем обычаев зулусцев позволило уточнить выводы и о характере бейсбола, см.: *Gamson W. A., Scotch N. A.* Scapegoating in Baseball // American Journal of Sociology. 1964. No. 70. P. 69–72. Другие примеры смешения первобытного и новейшего отношения к спорту см.: *Fox J. R.* Pueblo Baseball: A New Use for Old Witchkraft // Journal of American Folklore. 1961. No. 74. P. 9–16; *Freund Eugene H.* The Transition of a Fertility Rite to an Indigenous Spectator Sport // Quest Monograph. June 1971. No. 16. P. 37–41; Orioles in Spirited Race // New York Times. 1975. September 16.

та, мы вынуждены признать, что в этой среде вообще не было спорта в нашем смысле — любые физические упражнения становились религиозными в силу самой своей природы, но по этой же причине они были утилитарными в широком смысле. Цель этих упражнений была самой возвышенной (например, обеспечить плодородие земли), и о простом удовольствии от телесной активности речь заходила в последнюю очередь.

Прав ли Дим в своих рассуждениях? Я думаю, что нет. В сообщениях этнографов мы находим множество свидетельств о культовом характере спорта, но мы вряд ли должны безотчетно говорить о «религиозности» применительно к тем краям, где все человеческое поведение вписано в круг сакрального. Когда дети дерутся или метают копья в мишень, неужели мы должны думать, что их действия — часть культа? Хотя Кете Юе-Керкдаль и говорит о неистовых «забегах» индейцев Тимбира в Бразилии и проясняет культовый смысл этих соревнований, некоторые из них представляются нам вполне секулярными практиками, смысл которых заключен в них самих[9]. Догматическое отрицание каких-то явлений в духе того, что первобытные люди *не знают* секулярного спорта, вряд ли можно назвать продуктивным. Конечно, выводы Дима содержат важную истину: спорт, в отличие от простых физических действий, входил в жизнь первобытного юношества прежде всего в ореоле богопочитания, и только масштаб нашей секуляризованности мешает нам оценить культовый смысл первобытного спорта.

---

9. Wettkampfspiel und Dualorganisation bei den Timbira Brasiliens. S. 504–533.

К одному из самых задокументированных и хорошо изученных видов ритуального спорта относится игра в мяч у майя и ацтеков, развитую цивилизацию которых следует сравнивать с другими древними цивилизациями, а не с первобытным обществом. Хотя при последующем изучении древнего спорта мы сосредоточимся на классической античности, избегая подробного анализа того, что происходило в Китае, Индии и других знаменитых цивилизациях, все же выдающееся место в антропологической литературе этой игры с мячом не позволяет игнорировать данный пример, интересный во многих отношениях.

Поводом к этой игре стал миф о братьях-близнецах, имена которых в научной литературе передают по-разному. Братья оставили мать и дом и решили бросить вызов подземным богам, сыграв с ними в игру, похожую на футбол. Они проиграли и заплатили за это, согласно пророчеству, ожидаемую цену — смерть. Голова одного из братьев была подвешена к дереву, но случилось так, что на дереве была юная девица. Из уст этой головы излился поток семени, оплодотворивший девицу, после чего та направилась в дом матери близнецов, где и родила детей. Эти дети подросли, окрепли и бросили новый вызов богам на футбольном поле — и выиграли. В результате головы близнецов вознеслись на небо и стали солнцем и луной[10].

Археологическим подтверждением этого солярно-лунарного мифа служит более 40 футбольных полей, расположенных на пространстве от Аризоны до Гватемалы и Гондураса. Поле для игры с мячом отождествлялось с небом и было частью

---

10. *Umminger W.* Supermen, Heroes and Gods / trans. J. Clark. New York: McGraw-Hill, 1963. P. 71–72.

храмового комплекса — лучше всего такой объект сохранился в Чичен-Ице на Юкатане. Ацтеки считали, что игра пользуется покровительством богини Шочикецаль, но каменные круги, через которые прогонялся мяч, украшены резным изображением Кетцалькоатля, знаменитого пернатого змея. Ежегодно этим и другим богам приносили множество человеческих жертв, и иные жертвоприношения совершались непосредственно после игры в мяч. Еще не установлено, приносилась ли в жертву победившая или проигравшая команда, но мы можем с большой долей вероятности предположить, что сама идея состязания подразумевает осуждение побежденных, а не победителей. Но как бы то ни было, археологические находки подтверждают, что игра буквально шла не на жизнь, а на смерть. Шесть рельефов, высеченных на Юкатане, изображают ритуальное обезглавливание игрока. Правила самой игры известны фрагментарно и до сих пор являются предметом споров, поэтому мы будем просто доверять испанским очевидцам этих игр XVI века, которые подчеркивали культовую природу этой спортивной деятельности. Как заметил один из них, «каждое игровое поле у них — храм»[11]. Испанские власти запретили эту забаву, если можно назвать ее забавой.[12]

---

11. Цит. по: *Goellner W.A.* The Court Ball Game of the Aboriginal Mayas // RQ. 1953. 24 May. P. 164.

12. Лучшее исследование по этой игре — только что приведенная статья Гёлльнера. См. также: *Krickeberg W.* Das mittelamerikanische Ballspiel und seine religiöse Symbolik // Paideuma. 1948. No. 3. S. 118–190; *Stern T.* The Rubber-Ball Games of the Americas. Seattle: University of Washington Press, 1949. P. 34–45, 50–71; *Weis K.* Die Funktion des Ballspiels bei den alten Maya // Die Soziologie des Sports / ed. G. Lüschen und K. Weis. Darmstadt: Luchterhand, 1976. S. 115–129.

Хотя спортивные занятия древних греков воспринимаются как прямое предвестие современного спорта, состязания в Олимпии и Дельфах стоят гораздо ближе к первобытным игрищам, чем к современной Олимпиаде. Мы знакомы с древнегреческой культурой с детства, кроме того, некоторые принятые у нас виды спорта действительно возникли в Древней Греции; и эти обстоятельства не дают разглядеть нам фундаментального сходства между аттическими играми и их ближайшим аналогом в культуре апачей и ацтеков. Конечно, недостаток сведений дает о себе знать и здесь, хотя в меньшей степени: предпоследняя песнь «Илиады», в которой повествуется о погребении Патрокла и играх в его память, вероятно, самое важное свидетельство из тех, которые положено знать всем образованным людям. Изображения атлетов на греческих вазах стали частью эстетического опыта западного человека, а «Дискобол» Мирона из Елевфер — это одно из самых выдающихся произведений мирового пластического искусства. Итак, хотя в наших знаниях о древнегреческом спорте есть серьезные лакуны, главная проблема не в фактах, а в их интерпретации.

Олимпийские игры, так же как Пифийские, Истмийские, Немейские и Афинские, представляли собой священные празднества, составлявшие часть религиозной жизни древних греков. По словам исследователя, «Олимпийские игры были священнодействием, поскольку проходили в священном месте и в специально отведенные дни: это был обряд, посвященный божеству. Участники игр посвящали себя богу, и добытые ими награды исходили от самого бога... Корни олимпизма — в религии»[13].

---

13. Слова Людвига Деубнера цит. по: *Drees L.* Olympia: Gods, Artists and Athletes / trans. G. Onn. New York: Praeger, 1968.

ТАБЛИЦА 2.1. Спортивные празднества древних греков

Игры	Место проведения	В честь какого бога	Награда победителю (ветвь или венок)	Интервал (лет)	Год основания (до н.э.)
Олимпийские	Олимпия	Зевс	Олива	4	776
Пифийские	Дельфы	Аполлон	Лавр	4	582
Истмийские	Коринф	Посейдон	Сосна	2	582
Немейские	Немея	Аполлон	Сельдерей	2	573

Олимпийские игры совершались в честь Зевса, Истмийские, проходившие в Коринфе, были посвящены Посейдону, тогда как Аполлону поклонялись бегуны и борцы в Дельфах и Немее (табл. 2.1)[14].

Точная история происхождения Олимпийских игр неизвестна и вряд ли будет установлена. Принято считать, что это место — Олимпия — изначально было посвящено Гее — богине земли. Греческое сказание сообщает также о Пелопсе (имя буквально означает «полноликий») и о его победе в беге колесниц над Эномаем, отцом Гипподамии. Также греки повествовали, что игры над могилой Пелопса учредил Геракл и что Пелопс во время игр вернулся к жизни благодаря принесению в жертву юноши. Таким образом, поражение в атлетическом состязании стало служить символической заменой

P. 24. Противоположная точка зрения представлена в кн.: *Gardiner N. E.* Athletic of the Ancient World. Oxford: Clarendon Press, 1930. P. 32–33.

14. Данные для этой таблицы взяты из книги Гардинера (см. выше), p. 33–37, и из книги: *Harris H. A.* Greek Athletes and Athletics. London: Hutchinson, 1964. P. 36.

ритуального жертвоприношения (заметим, что современные футбольные болельщики, для которых поражение любимой команды — это «смерть», вряд ли догадываются, сколь хорошо они разбираются в антропологии). Известно, что Геракл в минойское время был богом плодородия, лишь завоеватели-эллины понизили его до степени полубога («героя»), и потому неудивительно, что в основе игр лежит, как и везде, ритуал плодородия. Даже в классические времена игры были отмечены синкретизмом — одним из четырех алтарей в Олимпии был алтарь Геи, на второй день игр воспроизводили обряд погребения Пелопса, а на третий день приносили великую жертву Зевсу. Целью этих игр было, таким образом, богопочитание. Все атлетические события «должны были убедить бога воскреснуть и вновь явиться в облике ростка, восходящего из темной могилы земли на солнечный свет»[15].

Время проведения названных игр было столь же священно для греков, сколь и место проведения. Игры совершались во второе или третье полнолуние после летнего солнцестояния. Три вестника отправлялись, чтобы возвестить олимпийское перемирие. Спортсмены собирались в ближайшем к Олимпии городе Элида и 30 дней готовились к выступлению, а после совершали двухдневную процессию, сопровождавшуюся религиозными обрядами, двигаясь к месту торжеств на берегу реки Эврот. Священный характер игр обусловил исключение из числа зрителей женщин, кроме жрицы Деметры. Программа постоянно расширялась — при начале игр (в 776 году до н.э.) в ней был только бег на короткую дистанцию, длиною в один стадий, но во времена расцвета кроме бега проводи-

15. *Drees*. Olympia. P. 31.

лись гонки на колесницах, кулачные бои, борьба, особое сочетание борьбы и кулачного боя, известное как панкратион, метание диска и копья. Были соревнования не только во взрослом, но и в юношеском дивизионе, а в 396 году до н. э. были учреждены состязания для трубных и словесных глашатаев. По многим свидетельствам, пятый и последний дни Олимпиады отводились исключительно религиозным церемониям. Устраивался пир, на котором торжественно произносилась благодарность богам за их покровительство играм, и победители награждались оливковыми ветвями, срезанными в священной роще Зевса мальчиком, оба родителя которого обязательно должны были быть живы. Поэтому невозможно ставить под сомнение религиозный (культовый) характер Олимпийских и других «венценосных» игр — всех тех мероприятий, на которых победителю возлагали на голову «венец» из ветвей оливы, лавра, сосны или сельдерея.

Зная все эти факты, мы можем вернуться к утверждению Фрейсине, что спорт — это форма артистической экспрессии. «Исследование древнегреческих религиозных церемоний доказывает нам, что богов можно было ублажить, принеся им в дар... музыку, танец, поэзию, драматическое представление или атлетическое состязание»[16]. «Венценосные» игры и большое множество местных игр служили, конечно, ублажению богов, но из этого не следует делать вывод, что спорт был видом искусства наравне с музыкой, танцем, поэзией или драмой. Соотношение между спортом и искусством в Древней Греции было совсем не таким, как предполагает Фрейсине. В той мере, в какой древнегре-

16. *Fraysinet P.* Le Sport parmi les beaux-arts. Paris: Arts et Voyages, 1968. P. 27.

ческие атлетические празднества были религиозным ритуалом и артистическим выражением, они, обретая внеположную им цель, переставали быть спортом в нашем строгом понимании. Поэтому чем больше соревнования приближались к нормам искусства, тем больше теряли в своей спортивности.

Олимпийские и другие «венценосные» игры представляли собой священные празднества, а значит, все спортивные события были облечены религиозным значением, но тем не менее мы можем заметить в том же обществе и появление спорта как вполне секулярного явления. При этом нужно обратить внимание на замечание немецкого исследователя: «Когда мы говорим в этом контексте о секуляризации, это вовсе не означает, что изначально религиозное явление становится светским, а только то, что в *спортивной игре*, изначально наделенной религиозным значением, начинают рельефнее выступать ее собственные существенные элементы — игра, упражнение, соревнование»[17]. Вот что на самом деле происходило: спорт постепенно стал частью обычной жизни полиса, а не только формой богопочитания. То, что древние греки ценили физическое совершенство, очевидно для всякого, кто знаком с какими-либо памятниками этой культуры. Города возвеличивали своих победителей на состязаниях, обеспечивая им пожизненное содержание и прочие почести, прославляя их статуями, сказаниями и произведениями высочайшей поэзии (достаточно вспомнить бессмертные олимпийские оды Пиндара). Сократ, участвовавший

---

17. *Kamphausen H.* Traditionelle Leibesübungen bei autochtonen Völkern // Geschichte der Leibesübungen / ed. Horst Überhorst, 6 vols. Berlin: Verlag Bartels und Wernitz, 1972–1989. Vol. I. S. 69.

в Истмийских играх, восхищался физическим совершенством и порицал тех, кто не уделяет достаточного внимания своему телу. Даже Платон, который ни за что бы не расстался с убеждением, что мир чистых идей много выше области чувственного, и тот был в молодости борцом и побеждал на Пифийских, Немейских и Истмийских играх. В диалоге «Государство» Платон настаивал на важности гимнастических упражнений как для мужчин, так и для женщин. Обычные граждане подражали доблести самых одаренных атлетов, и не было ни одного города, где не было бы сооружений для тренировок. Итак, невозможно усомниться в том, что все занимавшиеся в гимнасиях совершали воздаяния богам, но также нельзя не заметить и вполне определенной секуляризации спорта.

Тенденция секуляризации только усилилась в условиях Древнего Рима. У римлян не было ни спортивных соревнований, ни спортивных празднеств. У них было востребовано только мускулистое тело, способное переносить тяготы войны. В своем классическом труде о древнем спорте Э. Норман Гардинер пишет: «Единственные спортивные события, которые интересовали римлян,— это бои: обычный бой, кулачный бой и панкратион»[18]. Римские моралисты обычно клеймили как вырожденцев тех, кто занимался спортом по греческому образцу. «Греческий принцип телесной гармонии и забота о телесном красоте и изяществе считались признаком женственной изнеженности»[19]. Даже Сципион Африканский, прославленный победитель Ганнибала в Третьей Пунической

---

18. *Gardiner E. N.* //Athletic of the Ancient World. 49.
19. *Lindsay P. L.* Attitudes towards Physical Exercise Reflected in the Literature of Ancient Rome // *History* of Sport and Physi-

войне, не смог спастись от насмешек сограждан, когда появился в гимнасии одетым на греческий манер. Также и всего имперского престижа Августа не хватило на то, чтобы заставить граждан проводить «равные Олимпийским» игры, скопированные с греческой модели. Там, где эти празднества продолжались, они превратились в спектакли для римских зрителей, которым хотелось посмотреть на греческих атлетов из Пергама, Антиохии или Александрии. Римский вкус при этом мало занимал бег или метание диска: гораздо зрелищнее были гладиаторские бои, которые восходят к погребальным игрищам на могиле отца Марка и Децима Брута в 264 году до н. э. Все знают, что гладиаторские бои пользовались в императорское время бешеной популярностью, и, конечно же, их религиозный смысл уже не был ясен для толпы, искавшей хлеба, зрелищ и крови.

В своей секулярности, как и по множеству других характерных черт, современный спорт стоит ближе к римскому, чем греческому образцу. Эта всепроникающая секулярность и делала современный спорт подозрительным в глазах многих религиозных лидеров XVII–XIX веков. Но после длительной упорной оппозиции якобы чрезмерному возвеличиванию тела в древнегреческом атлетизме и католики, и протестанты заключили своеобразный конкордат с современным спортом. Современные богословы извиняются за ту суровость, которую высказывали по отношению к спорту их предшественники, и связывают излишнюю аскетическую установку в традиционном христианстве с влиянием платонизма и неоплатонизма. Клирики озабо-

---

cal Education to 1900 / ed. E. F. Zeigler. Champaign, Illinois: Stipes, 1973. P. 179.

чены теперь установлением гармонии современного спорта и христианского учения[20]. Так, в соборе Иоанна Богослова в Нью-Йорке был установлен витраж, на котором изображены бейсбол и другие виды современного спорта. Содружество христианских атлетов настаивает на том, что суровый характер футбола, баскетбола и хоккея заквашен благовестием Иисуса, а в популярной песне 1970-х годов певец умоляет в припеве, чтобы Иисус загнал его одним ударом «в ворота вечной жизни»[21].

Но существует фундаментальное различие между обязательной молитвой игроков в раздевалке перед игрой и поклонением богам на атлетическом празднестве. Когда апачи-хикарилья бегали между кругами солнца и луны или же молодые афиняне состязались в беге на стадионе, в который был превращен священный путь в Дельфы, само по себе состязание было религиозным действом. Тогда как для современных атлетов, даже для тех, кто испрашивают себе помощи свыше во время игры, соревнование — это светское событие. Нагорная проповедь не имеет никакого отношения к штанге или

---

20. См.: *Koch A.*. Die Leibeserziehung im Urteil der antiken und frühchristlichen Anthropologic. Schorndorf: Karl Hofmann, 1965; *Ballon Ralph B., Jr.* An Analysis of the Writings of Selected Church Fathers to A.D. 394 to Reveal Attitudes Regarding Physical Activity // History of Sport and Physical Education / ed. Zeigler. P. 187–199; *Soil G.* Sport in der katholischen theologie des 20. Jahrhunderts // Sport im Blickpunkt der Wissenschaft / ed. H. Baitsch. Heidelberg: Springer Verlag, 1972. S. 43–63; *Schloz R.* Probleme und Ansatze in der protestantischen Theologie. Sport im Blickpunkt der Wissenschaft. P. 64–83.

21. См.: *Deford F.* Religion in Sport // SI, 44. April 19, 1976. P. 88–102; *Deford.* The Word Accordine to Tom. SI, 44. April 26, 1976. P. 54–69; *Deford.* Reaching for the Stars. SI, 44. May 3, 1976. P. 42–60.

канату. Религия остается за пределами спортивного ринга.

Тем не менее спорт сохраняет в себе некоторые черты религиозного отношения к нему. Одним из самых странных изгибов на его длительном тернистом пути от первобытных ритуалов к мировой серии и лиге футбольных мастеров — это тенденция современного спорта превратиться в род секулярной веры. Многие молодые люди, и не только молодые, в буквальном смысле почитают героев современного спорта. Когда журналисты пишут о «страсти Уэлша по регби» или «техасском культе футбола», они невольно относятся к спорту как к массовой религии. Как говорил один австралийский чиновник, «спорт — это самая новая австралийская всеобщая религия, это единственное, во что всякий австралиец страстно верует»[22]. Пьер де Кубертен, основатель современных Олимпийских игр, благоговейно возвещал «религию атлетизма» (*religio athletae*), а французский перевод монументальной документальной киноленты Лени Рифеншталь «Олимпия-1936» звучал как «Боги стадиона». Майкл Новак в своем экстатическом прославлении спорта называет бейсбол, футбол и баскетбол «святой троицей» спортивных игр. Далее он настаивает на том, что виды спорта — это «секулярные религии, религии всех граждан... Атлет может быть, конечно, язычником, но виды спорта сами по себе естественные религии»[23]. Если от философского экстаза мы обратимся к «похвале глупости», то можем вспомнить, какое прозвание дали студенты Университета Нотр-Дам библиотечной мозаике,

---

22. *Dunstan K.* Sports. North Melbourne: Cassell Australia, 1973. P. 1.
23. The Joy of Sports. New York: Basic Books, 1976, xiv, 18–19, 34.

изображающей Христа с воздетыми руками — «Шестиметровый»[24].

Все равно, рассматриваем ли мы страсти, ритуалы или мифы современного спорта как секулярной религии, контраст есть уже между спортом первобытным и спортом античным. Связь между секулярным и сакральным порвана, и привязка к области потустороннего ослабла[25]. Современный спорт — это деятельность, частью осуществляемая ради самой себя, частью ради других целей, столь же секулярных. Мы занимаемся бегом не для того, чтобы земля давала больше плодов. Мы возделываем землю или работаем на заводах и в офисах, и поэтому у нас остается время для спортивной игры.

Равенство

Первая отличительная черта современного спорта — это то, что он гораздо более секулярен, чем первобытный или античный спорт. Вторая, не менее важная особенность современного спорта — это равенство в двух смыслах этого сложного понятия: во-первых, теоретически в спорте каждый может принять участие в соревнованиях, и, во-вторых, условия соревнования остаются теми же для всех участников. В действительности в спорте существует немало случаев неравенства, которые мы рассмотрим, когда обратимся уже не к понятийной модели, а к современному положению дел. Тем не менее принцип равенства сам по себе ясен и категори-

---

24. *Jenkins D.* Saturday's America. Boston: Little. Brown, 1970. P. 88.
25. См.: *Herrmann M.* Religion der Athleten. Stuttgart: Kreuz Verlag, 1968.

чен. Современный спорт подразумевает равенство. В первобытных обществах участие в спортивных состязаниях — это основа членства в касте или другой однородной группе. Согласно классической формулировке Макса Вебера, здесь важно членство, а не достижения. Когда ранее описывались обряды апачей-хикарилья, то мы видели, что важна была не скорость бега, а половозрелость юноши. Молодые девы, сопровождавшие бегунов на кругах солнца и луны, должны были быть девами, а это требование мы явно не назовем спортивным.

Связь между равенством и принципом достижений жизненно необходима[26]. Скорость ног и сила рук не столь важны для первобытного спорта, как членство в своей группе, потому что этот «спорт» часто просто не содержит в себе состязания. Во множестве первобытных обществ исход соревнований определялся религиозной необходимостью, а не способностями атлета. В те времена не было необходимости предоставить каждому равный шанс «сыграть свою игру», потому что была только одна игра, начатая богами за много веков до этого: ведь именно боги разделили деревню на две противостоящие половины. Не было нужды ставить всех в равные условия соревнования, потому что результат явно должен был бы определяться богами, а не способностями участников. Итак, мы видим, что участие было важнее достижений. Когда борцы из двух кланов сходились в схватке, они оказывались вовлеченными в борьбу уровней физического мастерства, а не только в сложный ритуал религии. Но мы должны быть внимательны: они рвали себе сухожилия, потому что боги требовали,

---

26. См.: *Krockow Christian Graf von.* Sport und Industriegesellschaft. Munich: Piper, 1972.

чтобы люди сражались, выкладываясь по полной; оба при этом сознавали, что одному из них *предназначено* победить.

Можно привести этому немало примеров, и вполне образцовый пример предложил Раймонд Ферс. Среди полинезийцев существовал род игры по метанию копья, известной как тека (Маори), тика (Самоа) или тинга (Фиджи). Участники игры назывались тапу, то есть посвященные, и вся игра, судя по всему, представляет собой ритуал плодородия. В каждую из двух команд входило от 12 до 20 игроков, представляющих семьи и кланы, так что человек по самому своему происхождению должен был быть на одной или на другой стороне. Поразительно, что команды назывались «холостяки» и «женатые», хотя обе команды (во всяком случае ко времени визита Ферса) набирались независимо от брачного статуса человека. Очевидно, что ритуал плодородия, который изначально направлял отбор сторон, к тому времени был уже почти забыт. Но столь же очевидно, что новый принцип отбора основывался на простой необходимости набора, а вовсе не на понятии равенства соревнующихся сторон, как, например, при технологии, известной теперь каждому современному ребенку, когда обе стороны при выборе сторон тянут жребий, а дальше все решает талант игрока[27].

Как зулусы из Дурбана иллюстрируют собой странное смешение первобытных и современных черт отношения к футболу, так же и эскимосы из Пойнт-Хоуп на Аляске дают нам почувствовать контраст между отбором команды по участию, а не по достижениям. Хотя все эскимосы в дерев-

---

27. *Firth R.* A Dart Match in Tikopia: A Study of the Sociology of Primitive Sport // Oceania. 1930. No. 1. P. 64–96.

не говорят по-английски, ходят по воскресеньям в приход Епископальной церкви, носят типичную американскую одежду и обожают бейсбол, в который они играют по современным правилам, но они сохранили и любовь к своей старой игре, отдаленно напоминающей футбол. В их традиционном «футболе» ворота отстоят друг от друга на несколько сотен ярдов, и нужно пропустить мяч через ворота, а не загнать его в сетку. В этой игре участвуют и мужчины, и женщины, и дети, и команды называются «люди земли» и «люди моря». «Люди земли» гонят мяч в сторону моря, которое простирается к западу от их поселения, а «люди моря» отбивают его и гонят в обратном направлении. Итак, мы видим в действии систему родства, разделившую игроков на «людей земли» и «людей моря». Наконец, следует сказать, что согласно старым правилам только пожилые мужчины и женщины имели право подбирать мяч и его бросать, то есть даже в первобытном обществе престарелый возраст получал определенные льготы[28].

В среде древних греков достижения стали цениться гораздо больше, чем в первобытном обществе, но при этом никогда не считалось, что любой человек должен быть допущен к участию в соревнованиях. Элегии поэта Секста Проперция, а также статуи, находящиеся в настоящее время в Лувре, Ватиканском музее и Национальном музее в Афинах, доказывают, что в греческом искусстве не было пренебрежения к женщинам-атлетам, но женщины не допускались ни на Олимпийские, ни на какие другие известные игры. Женщины проводили свои соревнования — Герейские игры, которые проходи-

---

28. *Vanstone James W.* Point Hope: An Eskimo Village in Transition. Seattle: University of Washington Press, 1962. P. 122.

ли после более важного олимпийского празднества. Точно так же участие в спортивных мероприятиях было возбранено рабам и «варварам», то есть всем не грекам. Но кто не был ни варваром, ни рабом, ни женщиной, тот вполне мог попробовать себя в соревновании в любом спортивном событии. Исследователи античности М. И. Финли и Х. У. Плекет отмечают, что такое равенство было чем-то невиданным: «Всякий участник соревнования следовал одним и тем же формальным правилам и мог получить награду в случае победы, которой он добивался только своей силой и своими способностями. В мире окостеневшего неравенства это было настоящим прорывом»[29]. Предание, скорее всего недостоверное, гласит, что первый победитель на первых известных Олимпийских играх (776 год до н. э.) был поваром[30].

Равенство условий соревнования было важно для греков, и они были готовы на серьезный риск, чтобы не допустить неравенства. Мужчины отличались от мальчиков по весовой категории и по физической зрелости, а не по календарному возрасту. Рано созревший мальчик выступал среди мужчин, а не среди эфебов, иначе бы он пользовался среди них преимуществом большего физического совершенства. Лучший пример стремления к честному соревнованию — это умащение себя и осыпание пылью. Все древнегреческие атлеты смазывали себя перед выступлением оливковым маслом, а борцы

---

29. *Finley M. I., Pleket H. W.* The Olympic Games: The First Thousand Years. New York: Viking, 1976. P. 58.

30. *Gardiner E. N.* Greek Athletic Sports and Festivals. London: Macmillan, 1910. P. 54; *Pleket H. W.* Zur Soziologie des antiken Sports. Mededelingen Nederlands Institut Te Rome. 1974. No. 36. S. 60.

осыпали себя мелкой пылью, чтобы исключить бессмысленное проскальзывание. Чтобы быть уверенными, что ни один из борцов не изловчился, оставив какую-то часть тела скользкой, было решено, чтобы борцы осыпали пылью друг друга. Но нас может удивить то, что древние греки не делили борцов или кулачников на разряды по размеру/весу, как это принято у нас.

Все время спортивного празднества специальные лица следили за соблюдением правил и публично наказывали нарушителей. Есть немало изображений на вазах, как эти «судьи» снимают с соревнований атлетов, допустивших какие-либо нарушения. Нет нужды говорить и о том, что первобытный спорт, в котором не имело значения, победил ты или проиграл, находился под надзором служителей культа, а не спортивных судей.

Так как римский атлетический спорт был создан по образу греческого, римляне вполне понимали, что такое равенство, и отождествляли его с честным соревнованием. Но очевидно, что гладиаторские бои проходили в ином стиле. На арене люди, вооруженные короткими мечами, сражались с другими людьми, вооруженными уже сетями и трезубцами, также люди сражались против зверей, и аудитория распалялась самыми невероятными зрелищами, введенными с легкой руки безнравственных императоров. Так, в 90 году н.э. император Домициан тешил публику боями карликов с женщинами[31]. Гладиаторы были почти поголовно рабами, а не гражданами, и это представляло полную противоположность гражданскому пафосу спорта у древних греков.

---

31. *Umminger*. Supermen. Heroes, and Gods, 185.

Допущение римлянами неравенства в гладиаторских боях дает нам неожиданный ключ к статусу таких двух несходных видов спорта, как бой быков и альпинизм. Первый вид спорта весьма стар. Настенные изображения, открытые сэром Артуром Эвансом на Крите, показывают акробатический бой с быками, который, вероятно, был частью религиозного ритуала[32]. Второй вид спорта довольно молод — первый клуб альпинистов возник в Лондоне в 1857 году, а вершина Маттерхорн была покорена в 1865 году — явно без всяких религиозных целей. Ни в том, ни в другом виде спорта нет притязаний на равенство условий соревнования. Если мы представим соревнование человека с природой в облике свирепого быка или неприступной вершины, то нам станет ясно неравенство возможностей. А если мы взглянем на вещи еще более абстрактно и вообразим, что это соревнование двух героев, каждый из которых проходит испытание природными трудностями, то окажется, что природные трудности не всегда те же самые. Некоторые быки не так свирепы, как другие, и даже при восхождении на одну и ту же гору может меняться погода. Но все равно слава, добытая первым альпинистом, не может быть оспорена множеством его последователей, которые должны искать себе новые вершины для покорения.

Современный спорт, в чем никто не усомнится, воплотил принцип равенства, который далеко ушел от своего греческого прообраза. Теоретики могут без зазрения совести утверждать, что спорт организован рационально «на основе универсального кри-

---

32. *Palmer. D., Howell M. L.* Archaeological Evidence of Sports and Games in Ancient Crete // History of Sport and Physical Education / ed. Zeigler. P. 69–71.

терия *достижения*», но положение о равном доступе на соревнование отступило перед другим положением, легче поддающимся институциализации,— о равных условиях соревнования[33]. Так как наши прежние сомнения в связи с допущением к участию в соревнованиях только класса *любителей* восходят к средневековым воззрениям, древним грекам неизвестным, следует рассмотреть постепенное развитие положения о равном доступе на соревнование.

В Средние века поединки и турниры были уделом знати. Рыцари, запятнавшие свою честь браком с простолюдинками, не допускались к участию. Когда кто-то из них осмеливался выйти на турнир несмотря на утрату статуса и это обнаруживалось, то его избивали и ломали его оружие. А если крестьяне безрассудно пытались воспроизвести спортивные увлечения своих хозяев, их казнили.

Средневековый спорт развивался в сторону современной организации, но неравенство феодального спорта не могло никуда выветриться. Так, специальными королевскими указами 1388 и 1410 годов слугам и работникам было запрещено играть в придворный теннис — прообраз нашего тенниса[34]: игра должна была остаться удовольствием двора и аристократии. Классовая принадлежность значила больше, чем пол: женщины-аристократки допускались к игре в теннис, и некая Марго де Эно в 1427 году заняла первое место в Париже, обойдя всех игроков-мужчин[35]. В 1541 году, через шесть

---

33. Ingham A. G. Occupational Subcultures in the Work World of Sport // Sport and Social Order / ed. D. W. Ball, J. W. Loy. Reading: Addison-Wesley, 1975. P. 363.
34. *Hole Ch.* English Sports and Pastimes. London: B. T. Batsford, 1949. P. 40.
35. *Floc'hmoan J. L.* La Genèse des sports. Paris: Payot, 1962. P. 46.

лет после того, как Генрих VIII строго ограничил круг теннисистов только аристократами и крупными собственниками, боулинг тоже был закреплен за аристократами и «теми, кто имеют поместья, земли или домовладения с годовым доходом от ста фунтов и более»[36]. Король Яков I повторил в 1618 году этот запрет. Феодальные привилегии действовали даже в колониях: так, в 1674 году в Вирджинии был оштрафован портной, который посмел состязаться в конных скачках с джентльменом[37]. При этом мы не можем сказать, что в нашем современном обществе нет классовых ограничений. Например, в уставе регаты в Хенли от 1879 году мы читаем: «Не может считаться гребцом-любителем на одиночном или парных веслах... лицо, в настоящее время занимавшееся торговлей или работавшее по найму, мастеровой, ремесленник или рабочий»[38].

В очень проницательной статье Эрик Даннинг и Кеннет Шеард анализируют раскол британского спорта в 1895 году, когда недовольные клубы Регбийного союза порвали с руководством союза и сформировали открытую профессиональную Регбийную лигу. Они восстали против жестких правил Регбийного союза, допускавших только любительский спорт: было не только запрещено выплачивать компенсацию за потерю рабочего времени во время соревнования, но также игроки или клубы, получившие медали, находились под угрозой исклю-

---

36. *Brailsford D.* Sport and Society: Elizabeth to Anne. Toronto: University of Toronto Press, 1969. P. 31.
37. *Dulles F. R.,* America Learns to Play. New York: Appleton-Century-Crofts, 1940. P. 34.
38. *Savage H. J.* Games and Sports in British Schools and Universities. New York: Carnegie Foundation, 1927. P. 186.

чения. Однако за этим стояло еще более глубокое несогласие, касавшееся спорта уже как социального института. Острота конфликта во многом обусловлена страхом высшего класса и высшего среднего класса, что «их» игра попадет в руки представителей низшего среднего класса, особенно на индустриальном севере Англии. «Другими словами, хотя элита публичных школ и пыталась подвести рациональную базу под свое умонастроение, представив его исключительно в спортивных терминах и заявив, что она нацеливает себя только на сохранение существенных свойств спорта, вражда классов и регионов и чувство уязвленности тем, что можно утратить былое господство, играло тут важную роль»[39]. Таким образом, пестование любительского спорта стало важным инструментом классовой борьбы.

Американский обозреватель со всей откровенностью писал в 1895 году о классовых разделениях в английском спорте:

> Откуда же такое постоянное стремление столкнуть в спорте два несовместимых слоя общества, которые нигде бы иначе не встретились, тем более на таких невероятных условиях? А ведь все это единственная причина слабости нашего атлетизма... Класс трудящихся у себя все делает как надо, так пусть он живет в мире и занимается спортом так, чтобы это больше всего отвечало его склонностям... А у нас будет свой спорт, для изысканного общества, и пусть никакой дух несогласия не проникает в него[40].

Даже в 1960 году английские власти отстаивали исключение из соревнований мастеровых, ремеслен-

---

39. The Bifurcation of Rugby Union and Rugby League. IRSS, II. № 2, 1976. P. 54.
40. *Whitney C. W.* A Sporting Pilgrimage. New York, 1895. P. 164, 167.

ников и рабочих под предлогом, что «это единственный путь сохранить спорт в чистоте, не пораженным элементом коррупции... С большой вероятностью доказано, что средний рабочий никогда не думает о спорте как о чистом удовольствии»[41].

Стремление удержать спортивные состязания только для аристократов духа остается и в современном анахроническом требовании сохранять спорт «любительским». Вербовка «любителей» частично восходит к средневековому пониманию социальной иерархии, частично — к возрожденческому идеалу придворного, способного ко многим видам деятельности, но при этом не несущего в себе следов глубокого и серьезного опыта, а частично, как мы только что видели, к классовым отношениям XIX века. Так как ни в одном современном состязании нельзя провести разделение участников по классовому принципу, то первое и третье обоснование любительского спорта оказываются до крайности неуместными. А вот второе обоснование, укорененное в том представлении, что человек, всю жизнь занимающийся одним видом деятельности, не обязан соревноваться с тем, чей образ жизни был совсем другим, оспорить труднее. Обычно говорили, что снятие с соревнований хорошо натренированных людей, долго занимавшихся физическими упражнениями, позволяет соблюсти равенство соревнующихся. Но этот довод сомнителен по двум причинам: во-первых, неравенство физических способностей свойственно любому спорту, а во-вторых, прави-

41. *Graves H.* A Philosophy of Sport//Contemporary Review, 78. December 1960, перепечатано из кн.: Sport and the Body/ed. Gerber E. W. Philadelphia: Lea & Febiger, 1972. P. 10.

ло не может исключить вообще участия натренированных и физически развитых людей, но только тех, кто зарабатывает деньги своей большой физической силой. Очевидно, что критерий денежного возмещения не позволяет делать различия между теми, кто посвящает небольшую часть жизни спорту, и теми, для кого спорт стал образом жизни. Непонятно, как правило вербовки любителей обеспечит равенство в том, что немцы называют «спорт высших достижений» (*Höchstleistungssport*). Итак, западные страны должны непременно упразднить различие между любителями и профессионалами, потому что оно давно уже стало анахронизмом, поражено притворством и порицается социалистическими странами, в которых любители уделяют занятиям спортом не меньше времени, чем профессионалы.

Отлучение от соревнований по классовому признаку в структуре современного спорта осознается как недолжное. Отлучение по признаку расы столь же беззаконно. Все мы знаем, как расизм тормозил развитие современного спорта в США, ЮАР и многих других странах. Хотя 14 из 15 жокеев на первом дерби в Кентукки (1875) были чернокожими, вскоре неграм было запрещено заниматься столь доходным занятием, и в последующие десятилетия их совершенно не допускали до скачек. При том что существовало множество успешных чернокожих боксеров, которые могли бы выступить на чемпионате в тяжелом весе, это стало возможно только после знаменитой победы Джека Джонсона над Томми Бёрнсом в 1908 году, когда планка дискриминации была снижена и негритянский боксер смог сразиться за чемпионскую мантию с Джоном Л. Сулливеном, джентльменом Джимом Корбеттом и Бобом Фитцсиммоном. Несмотря

на то что Мозес Флитвуд Уолкер и другие чернокожие спортсмены играли в профессиональный бейсбол в 1880-е годы, постепенно негров стали исключать из основного состава, и им не оставалось никакого выхода, кроме как создать свои собственные лиги, которые знали и время расцвета, и время упадка,— со дна они поднялись вновь в тот достопамятный момент в 1947 году, когда Джеки Робинсон вышел на поле играть за «Бруклин Доджерс». И наконец, хотя Уильям Х. Льюис и Уильям Текумсе Шерман Джексон играли в футбол за Амхёрст Колледж в 1890-е годы, Национальная футбольная лига не принимала чернокожих спортсменов до 1940-х годов[42].

К 1970 году чернокожие спортсмены составляли 24,5% всех бейсбольных игроков большой лиги, 33,7% игроков Национальной футбольной лиги и 54,3% Национальной баскетбольной ассоциации[43]. Афроамериканцы зарабатывали в среднем больше, чем их белые коллеги, но дискриминация и неравенство продолжали существовать в более изощренных формах, чем низкая оплата или неправовое исключение из большого спорта. За чернокожими спортсменами закреплялись определенные позиции на поле (аутфилдеры в бейсболе, раннингбе-

---

42. Самые подробные исследования расовых предрассудков в американском спорте см.: *Henderson E. B.* The Negro in Sports. Washington: Associated Publishers, 1939; *Davis J. P.* The Negro in American Sports. American Negro Reference Book / ed. Davis. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1966. P. 775–825; *Steinkamp E. W.* Sport and Rasse — Der schwarze Sportier in den USA. Ahrensberg: Czwalina, 1976; *Peterson R.* Only the Ball was While. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1970.

43. *Scully G. W.* Economic Discrimination in Professional Sports // Law and Contemporary Problems. 38, 1973–1974. P. 67–84.

ки в американском футболе), и они очень редко занимали административные должности[44]. Кроме того, им все равно недоплачивали в соответствии с их усилиями[45]. Но все же, если сравнивать с ситуацией 1920-х годов, с так называемым золотым веком спорта, видно, что расовый критерий поблек. Под возобновляющимся давлением извне изменился и южноафриканский спорт, который был еще более расистским, чем в США, потому что черные и белые спортсмены не могли выступать вместе ни в самой ЮАР, ни за рубежом[46].

Хотя евреи и не являются отдельной расой, нацисты объявили их таковыми, и возможность исключения евреев из участия в Олимпийских играх 1936 года вызвала жаркую политическую дискуссию в период между 1933 и 1936 годом. Хитрые политические маневры Эвери Брендажа, тогдашнего председателя МОК, исключили бойкот Олимпиады со стороны Американского атлетического союза, а принятое в нацистской партии вольное обхождение с законодательством позволило сначала разре-

---

44. *Loy J. W., McElvogue J. F.* (фамилия на титульном листе ошибочно указана как Elvogue). Racial Segregation in American Sport // IRSS. 5. 1970. P. 5–23; *McPherson B.* The Black Athlete // Social Problems in Athletics / ed. D. M. Landers. Urbana: University of Illinois Press, 1976. P. 122–150.

45. *Yetman N. R., E. D. Stanley.* Black Americans in Sports: Unequal Opportunity for Equal Ability // Civil Rights Digest. 5. August 1972. P. 20–34; *Pascal A. H., Rapping L. A.* The Economics of Racial Discrimination in Organized Baseball // Racial Discrimination in American Life / ed. Pascal Anthony H., Rapping Leonard A. Lexington, Mass.: D. C. Heath, 1972. P. 119–156; *Scully G W.* Discrimination: The Case of Baseball. Government and the Sports Business / ed. Noll Roger G. Washington: Brookings Institute, 1974. P. 221–273.

46. *Lapehick R. E.* The Politics of Race and International Sport. Westport, Connecticut: Greenwood Press, 1975.

шить немецким евреям участвовать в командном зачете, а в последний момент перед Играми всех их исключить, оставив только фехтовальщицу Хелену Майер, которая, будучи еврейкой наполовину, имела германское гражданство. Среди исключенных была Гретель Бергман, рекордсмен по прыжкам в высоту: ее результат в 1,6 м не был засчитан, и победительницей была объявлена Эльфрида Каун, показавшая результат 1,54 м[47].

Дискриминация по половому признаку была третьим анахронизмом, мешавшим спорту принять современную форму. Хотя большая физическая сила и более быстрая реакция мужчин (во всяком случае, если брать возраст от 5 до 55 лет) делает их непосредственное состязание с женщинами бессмысленным, логика развития современного спорта требует, чтобы женщины получили равные возможности отдельно от мужчин заниматься всеми видами спорта. Но на практике исключение женщин из спорта, а именно из соревнований на силу и выносливость, а не из самих тренировок или спортивных игр, продлилось дольше, чем власть расовых предрассудков в спорте. Первые гимнастические залы для женщин открылись в германских землях уже в 1832 году, но первое значимое гимнастическое соревнование среди женщин прошло только в 1913 году[48]. Лишь в 1909 году девушки из Пруссии, соревновавшиеся по прыжкам в длину и в высоту, стали получать призы как за длину/высоту прыжка,

---

47. *Mandell R. D.* The Nazi Olympics. New York: Macmillan, 1971; *Kruger A.* The 1936 Olympic Games-Berlin // The Modern Olympics / ed. Graham Peter J., Überhorst Horst. Cornwall, New York: Leisure Press, 1976. P. 168–182; *Scherer K. A.* Der Mannerorden. Frankfurt: Limperi, 1974. S. 132.

48. *Diem.* Weltgeschichte des Sports. 2. S. 631–633.

так и за качество и общий стиль[49]. Пьер де Кубертен был против участия женщин в Олимпиаде, их не допускали к участию в официальной программе по большинству видов спорта. Пловчихи появились впервые на Олимпиаде в 1912 году, а легкоатлетки — в 1928-м. Взвесив все за и против в идее Олимпиады для девушек, автор журнала «Школа и общество» (*School and Society*) писал в 1929 году, что соревнование — естественный инстинкт самцов, «глубоко противоестественный для женского пола». Автор статьи сражался против «маскулинизации» девушек. «Естественная женская привлекательность, вполне здоровая, включающая в себя физический, эмоциональный и социальный элементы, искажается, если не разрушается, воинственным настроем современного спорта и духом соревнования... который неизбежен при интенсивном занятии спортом»[50]. В 1930 году женский дивизион Национальной любительской атлетической ассоциации обратился с письмом в МОК с требованием исключить выступления женщин из программы Олимпийских игр 1932 года[51]. С точки зрения женского дивизиона, такие напряженные атлетические состязания были физически и психологически недопустимы для женщин.

Предвзятое отношение к женскому атлетизму восходит к викторианскому восприятию женственности как нежности, нуждающейся в бережном отношении, а не к предрассудкам вроде расовых.

---

49. *Hoffmann A.* Frau und Leibesübungen im Wandel der Zeit. Schorndorf: Karl Hofmann, 1965. S. 48.

50. *Rogers F. R.* Olympics for Girls? //School and Society. 30, 1929. P. 193. См. также: *Gerber E. W.* The Controlled Development of Collegiate Sport for Women, 1923–1936 //JSH. 2, 1975. P. 1–28.

51. *Sefton A. A.* The Woman's Division. National Amateur Athletic Federation. Palo Alto: Stanford University Press, 1941. P. 82–84.

По отношению к спортсменкам не высказывалось никакой вражды, просто противники женского олимпизма считали, что женщин нужно беречь. Так, ведущий немецкий педагог в области физического воспитания утверждал в 1853 году, что «если из женщин воспитывать амазонок, то женственности и изяществу настанет конец»[52]. Столетием позже знаменитый британский спортивный журналист и писатель пришел к тем же выводам[53]. Понадобился труд поколений, чтобы выражение «амазонка» перестало звучать для женщины в уничижительном смысле.

Уже в 1890-е годы были женщины, которые пренебрегали обыденным образом «женственности» и требовали участия женщин в атлетическом соревновании, но сами тренеры и чиновники от женского спорта оказывались часто самыми жесткими критиками участия женщин в больших соревнованиях[54]. В 1922 году женский дивизион учредил «дни игр» и «дни спорта» как торжественные мероприятия и сборы, где главным было общение, а не атлетические достижения в отличие от «межуниверситетских встреч». Постепенно, особенно в 1950-е и 1960-е годы, все больше стала распространяться идея межуниверситетских встреч для женщин и даже национальных соревнований в женском разряде. Наконец, в 1971 году была создана Ассоциация женской межуниверситетской атле-

---

52. Ротштейн Х. цит. по книге А. Хоффмана (см. выше).

53. *Glanviilc Brian*. The Amazons // Mademoiselle. 61, May 1965. P. 166–167, 228–229.

54. Об этих женщинах-тренерах см.: *Ballintine H. I.* Out-of-Door-Sports for College Women // American Physical Education Review, 3. March 1898. P. 38–43. Баллинтин рассматривает соревновательный и командный спорт в Колледже Вассар в 1896 году.

тики, что означало, что сами женщины-тренеры и женщины-инструкторы приняли (и даже некоторые стали активно продвигать) принцип равного участия в соревнованиях. Изменение в отношении к женскому соревновательному спорту сопровождалось и реформой *законодательства*. Так, Закон о равных возможностях 1972 года подтвердил параграф 7 Закона о гражданских правах 1964 года и параграф 9 Закона об образовании 1972 года, которыми запрещалась дискриминация по признаку пола в образовании, включая спортивное образование. После вступления закона в Бостоне прошел марафон, в котором наравне участвовали мужчины и женщины, а также был утвержден бюджет спортивного образования, который должен был разделяться строго пополам на подготовку спортсменов и спортсменок[55].

В социалистических странах Восточной Европы усилия добиться равенства для женского спорта с самого начала составили часть официальной политики. Но вопреки утверждениям пропаганды и несмотря на то, что спортивные залы для мужчин и женщин есть там на многих предприятиях и в учреждениях, действительное число участников среди обычных женщин приблизительно то же

---

55. О синхронности изменения отношения и изменения законодательства см.: *Felshin J.* The Social View. The American Woman in Sport / ed. Gerber E. W. Reading: Addison-Wesley, 1974. P. 177–279; Sex Discrimination in High School Athletics // Minnesota Law Review. 57, December 1972. P. 339–371; *Gilbert B., Williamson N.* Sport Is Unfair to Women // SI, 38, May 28, 1973. P. 88–98; *Gilbert, Williamson.* Are You Being Two-Faced? // SI, 38, June 4, 1973. P. 44–54; *Gilbert, Williamson.* Programmed to be Losers // SI, 38, June 11, 1973. P. 60–73; *Gilbert, Williamson.* Women in Sports: A Progress Report // SI, 41, July 29, 1974. P. 27–31.

самое, что и в западных странах: в среднем спортсменов в два раза больше, чем спортсменок. Однако если говорить о международном спорте, то необычный количественный и качественный всплеск женской гимнастики, легкой и тяжелой атлетики, гребли и плавания показывает, сколь перспективен женский спорт как реализация равенства возможностей.

Блистательные достижения Колетт Бессон, Билли Жан Кинг и Корнелии Эндер напоминают нам, что равенство возможностей — это не то же самое, что равенство результатов. Мы узнаем, кто лучше всех, только когда все смогут воспользоваться своим шансом. Но чем больше равенство шанса участия, тем более неравными рискуют оказаться результаты. И в мужском, и в женском разряде дистанция между обычным атлетом и чемпионом международных соревнований увеличивается год от года. К такому положению дел трудно относиться без иронии, что отметил Гюнтер Люшен: «Если во всех остальных сферах современной жизни... есть хотя бы идеологическая тенденция к стиранию социальных границ, спорт содержит в себе элемент иерархической социальной дифференциации с такими точными и объективными градациями, которые мы вряд ли где еще найдем в системе рангов»[56]. Неравенство результатов — фундаментальная характеристика современного спорта, и именно она часто выставляется в оправдание неравенства в других сферах культуры, скажем, в образовании, где меньше равенства и в возможностях, и в условиях соревнования.

---

56. *Luschen G.* Zur Strukturanalyse des Sports // Die Soziologie des Sports / ed. Luschen and Weis. S. 65.

Специализация

Насколько мы можем проследить человеческую цивилизацию с самого ее начала, уже в первобытном обществе, по наблюдениям этнографов, существует специализация функций. Конечно, специализация в спорте аборигенов Новой Гвинеи будет отличаться от специализации в Национальной футбольной лиге, но все равно определенная степень специализации будет отмечаться.

Сразу обращает на себя внимание различие между спортом в первобытном обществе и атлетизмом классической античности. Греки давно поняли, что некоторые физически более пригодны к бегу, а другие — к борьбе или метанию диска. «Еще в конце V века до н. э., — пишет Э. Норман Гардинер, — телесное совершенство выдвинулось на первое место, а успехи атлетов породили понятия специализации и профессионализма»[57]. Предельная отвага, которую тогда показывали в пятиборье, подтверждала, что различные специализации могут быть объединены в одном человеке при испытании его самых общих физических способностей. За весь длительный путь развития греческой цивилизации специализация непременно вела к профессионализации в том смысле, что атлеты пользовались официальным покровительством и, что еще важнее, могли полностью посвящать себя спорту. Пользуясь щедрой поддержкой своих энтузиастических сограждан, атлеты не знали экономической нужды и могли полностью раскрыть весь свой талант. Атлетические празднества стали торжеством профессионалов в спорте, которых побаи-

57. *Gardiner E. N.* Greek Athletic Sports and Festivals. P. 4.

вались традиционалисты вроде драматурга Еврипида, писавшего:

> Из бесчисленных несчастий по всей Элладе нет хуже гнойника, чем атлеты... Рабы брюха и челюсти, они не знают честной жизни... Они шатаются по городу в блеске, как идолы, но, когда приходит горестная старость, их все сторонятся, как выгребных ям[58].

Такое неприятие атлетизма, соединенное с упреком к гражданам в непочтительности к пожилым атлетам,— это просто сатира, направленная против профессионализации спорта. Более чем полутысячелетием позже в Пергаме врач и философ Гален еще более выразительно писал о профессиональном атлетизме:

> Из-за всей массы плоти и крови их души погружены в пучину грязи... В них нет ни здоровья, ни красоты. Даже те, кто хорошо сложены от природы, становятся жирными и неуклюжими, их лица расплываются и испещряются ранами от кулачных ударов. Им часто выбивают глаз или зубы, сворачивают челюсти[59].

В Римской империи всеобщее распространение профессионального спорта вызвало упреки моральных философов, говоривших о неблагородстве спорта: они видели неблагородство не в том, что атлеты брали деньги за свои выступления, но в том, что спортивная специализация лишает гражданина возможности развиться многогранно. Но нет никаких оснований думать, что те тысячи людей, которые набивались в Риме в Большой цирк, чтобы приветствовать громкими возгласами любимого возницу, не воспринимали его с тем же благогове-

---

58. Athletics of the Ancient World. P. 103.
59. Ibid. P. 115.

нием, как миллионы современных людей воспринимают Пеле, Джорджа Беста, Франца Бекенбауэра и других героев спорта.

В Средние века и раннее Новое время спорт был явно менее специальным делом, чем во времена Рима. Ренессансный идеал «придворного», пропагандировавшийся Бальдассаре Кастильоне и другими сочинителями, требовал гармоничного воспитания множества способностей, а не намеренного сосредоточения лишь на физической силе и крепости. А в крестьянской среде специализация не шла дальше выбора самого сильного на деревне, чтобы он сразился с представителями других деревень в бою или поднятии тяжестей. Недифференцируемость средневекового спорта ярче всего сказалась в деревенской игре, отдаленном прообразе современного большого футбола.

В средневековом варианте футбола принимал участие любой желающий, и никто не исполнял никакой строго определенной роли. В игру играли всей деревней, или, что будет уместнее сказать, одна деревня играла против другой. Мужчины, женщины и дети отталкивали друг друга, чтобы пнуть мяч, но дьявол все равно смеялся последним. Если залезть на церковную колокольню, то игроки выглядели бы как рой пчел; сразу бы вскрылось, с каким озлоблением они бьются за обладание мячом. В своей замечательной статье Эрик Даннинг пишет в связи с заметным отсутствием специализации в «народных играх» Средневековья и раннего Нового времени:

> Эти игры были совсем недифференцированными в трех отношениях: (1) элементы, которые впоследствии обратились в высшей степени специализированными играми, такими как регби, европейский футбол, хоккей, бокс, борьба и поло, содержались

в единой игре; (2) среди игроков не было разделения труда; и (3) не было даже попыток произвести серьезное различие между игроками и зрителями[60].

В Средние века существовали акробаты, прыгуны и жонглеры, но не было никакой атлетической специализации.

И какой контраст этому мы видим в современном спорте! Каждый из игроков в американском футболе занимает одну из 22 позиций на поле, за исключением «специальных команд», где действуют только кикеры и игроки, отбивающие или принимающие удар. Поменяться ролями можно, но это происходит как исключение. Так, защитный лайнмен может принять пас форварда и забить гол в миг славы, но он сразу же вернется к своей обычной роли. Что верно для футбола, верно и для других современных видов спорта. Интереснейший пример — это бейсбол: с первых же игр в 1845 году в нем присутствует разделение труда — каждый из игроков занимает одну из девяти особых игровых позиций. А современная игра, во всяком случае, в рамках Американской лиги, еще больше обострила и вывела на новый уровень специализацию, сравнявшись в этом отношении с американским футболом — питчер стал только защитником, а его роль захватил себе назначенный бьющий. Перейдет ли бейсбол окончательно к двугруппной системе американского футбола — нападающих и защитников? Традиционалисты возмущаются, но естественный разрыв между половинными иннингами дает такую возможность, а сложившийся в современном спорте порядок дает основания думать, что рано или поздно это станет реальностью.

---

60. The Structural-Functional Properties of Folk-Games and Modern Sports // SW, 3, 1973. P. 227.

Специализация на современном игровом поле сопровождается столь же резкой специализацией среди вспомогательного персонала спорта. Социологи говорят о первой, второй и третьей степенях участия и обсуждают применительно к этому роли владельцев, менеджеров, инструкторов, тренеров, спортивных агентов, врачей, рефери и суперарбитров, планировщиков, судей на линии, граундменов (выравнивателей игрового поля), контролеров билетов, продавцов попкорна, зрителей, журналистов и, наконец, социологов спорта. Межуниверситетские соревнования, начавшиеся с того, что оксфордские, кембриджские, гарвардские, йельские, амхерстские и уильямские студенты стали соревноваться друг с другом в гребле, регби и бейсболе, в настоящее время переросли в факультеты физкультуры и спорта, где работает множество профессионалов, получивших высшее образование в области спортивного администрирования.

Сама логика развития современного спорта делает специализацию и профессионализацию неизбежной. До определенной степени эти две тенденции совпадают. Как мы говорили в связи с принципами равенства и любительства, решающим фактором профессионализации становятся не деньги, но время — какую часть своего времени лицо может посвятить достижению атлетического превосходства или, говоря другими словами, до какой степени возможно специализироваться в каком-то виде спорта, чтобы достичь совершенства. Если ты достиг вершины в каком-то виде спорта, то вряд ли ты сможешь добиться столь же высоких результатов и в других видах спорта. Еще несколько десятилетий назад это было не так. А это значит, что специализация закономерно бу-

дет все уже и уже. Хотя я вразрез с общепринятым словоупотреблением продолжаю называть «профессионалами» только тех, кто получают плату за спортивные выступления, профессионалом, несомненно, является любой атлет, который достаточно много занимается спортом, стремясь достичь совершенства, так что на длительный период спорт становится главной задачей его жизни. Весьма разумно было бы рассматривать всех, занимающихся спортом ради собственного удовольствия, как любителей, а тех, для кого спорт сам по себе цель, как профессионалов. Но мы предпочитаем этому различению более базовое теоретическое разграничение между *игрой* и *трудом*[61].

Специализация обусловлена ориентацией современности на достижения, что приводит в свою очередь к стремлению освободить атлета от бремени дел, сняв с него путы экономической необходимости. Для такой свободы нужно иметь либо большое наследство, либо щедрого покровителя, либо спортивную стипендию, либо правительственную субсидию, либо постоянные выплаты. Несмотря на то что споры о сохранении принципов любительства в международном спорте были бурными и непримиримыми, всем очевидно, что подготовка к соревнованию мирового класса несовместима с обычной трудовой занятостью. Поэтому кто-то должен оплачивать пируэты на льду Дороти Хэмилл и мастерские передачи Фрэна Таркентона.

---

61. О любительском принципе (игре ради самой игры) см.: *Weiss P.* Sport: A Philosophic Inquiry. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1969. P. 192–211; *VanderZwaag Harold J.* Amateurism and the Olympic Games. The Modern Olympics. P. 83–106.

Рационализация

В любом, даже самом неразвитом спорте должны существовать правила. Ведь спорт — это прежде всего забава, то есть игра организованная и проходящая по определенным правилам. Мы уже упоминали, что ритуальные забеги апачей подчиняются большему числу самых строгих правил, чем современная игра в футбол группы школьников. Антропологи далеко ушли от руссоистского понятия «благородного дикаря», который не знает необходимости и действует в мире свободы. Мы понимаем теперь, что первобытный мир — мир тотемов и табу, где существуют тысячи запретов и ограничений. Поэтому отличие современного спорта от первобытного заключается не в количестве правил, но в их последствиях. Само происхождение этих правил, сама их природа различна. Современные игры рационализированы в смысле «целерациональности» Макса Вебера, то есть логической взаимосвязи средств и целей. Именно так и воспринимаются правила игры — как средства, ведущие к намеченной цели. Более того, новые правила изобретаются, а старые отменяются, когда участники решают, что конвенция в игре важнее, чем инерция прежней конвенции. Правила — это артефакты культуры, а не божественные установления. Так, все участники научной дискуссии о сущности игры в мяч у майя и ацтеков согласны в том, что правила были традиционными, почитались священными, что происхождение этих правил мы никогда не узнаем, но при этом ни на одном из ежегодных игрищ никаких новых правил не было введено.

Вспомним для сравнения историю баскетбола: впервые игра в баскетбол, изобретенный Джеймсом

Найсмитом, состоялась в спортзале ИМКА (Христианского союза молодежи) в Спрингфилде, штат Массачусетс. Уже то, что мы можем назвать изобретателя, время и место появления игры, говорит о ее современном характере. Создавая новую игру, Найсмит откликнулся на просьбу Лютера Галика, директора Международной спортивной школы. Галик сказал, что для поддержания спортивной формы молодежи необходимо создать зимнюю игру, в которую можно было бы играть в помещении. Найсмит проверил, как будет происходить командная игра в мяч в зале, и после множества отвергнутых проб остановился на современном баскетболе[62].

Изобретение оказалось успешным. Его коллега, Амос Алонсо Стагг, сразу же ставший знаменитостью, провел первый баскетбольный матч в Чикагском университете в 1893 году. В том же году У. О. Блек продемонстрировал эту игру в Стэнфорде. Первый межуниверситетский матч (Колледж Хэмлин против Минессотской агрономической школы) был сыгран в феврале 1895 года. На следующий год ИМКА провел международный турнир. В 1901 году уже существовала Межуниверситетская лига. А за пять лет до этого активисты ИМКА познакомили с этой игрой жителей Китая. К 1915 году баскетбол стал популярен во всех развитых странах и во множестве колоний и малых стран.

В этот период спешного до невероятности распространения баскетбола правила игры изменились, или, можно сказать, отчеканились, если мы вспомним, в каком смысле об этом говорили создатели конвейерного принципа Эли Уитни, Томас

---

62. О появлении и развитии данной игры на раннем этапе см.: *Isaacs Neil D.* All the Moves: A History of College Basketball. Philadelphia: Lippincott, 1975.

Эдисон и Генри Форд. Первые команды, организованные Найсмитом, состояли из девяти молодых людей, потому что на его курсы физического воспитания записалось 18 студентов. Но уже через пять лет нормой стала команда из пяти человек. Пивот (поворот ноги на месте) был разрешен в 1893 году, а дриббл (ведение мяча) — в 1896-м (хотя с 1901 по 1908 год существовал запрет дрибблеру совершать бросок). Драки за выбывший за пределы поля мяч прекратились в 1913 году, когда было введено современное правило возвращать мяч в игру. Но мы не ставим целью рассмотреть последовательно большие преобразования и малые улучшения, нам достаточно приведенных примеров. Итак, игра под названием «баскетбол» была рациональным изобретением, культурным артефактом, который специально разрабатывался, входил в употребление и подвергался переработкам. Баскетбол — это настоящее торжество рациональности в области игры.

Правила этой игры не оспариваются ни в одной стране мира, хотя они стали более сложными в сравнении с тем сумрачным декабрьским днем, когда доктор Джеймс Найсмит прибил обычные корзины из-под персиков на противоположные стенки в гимнастическом зале города Спрингфилд. Нынешние усложненные правила известны в любой точке мира, и этим они отличаются, к примеру, от правил метания стрел в Полинезии, которые не менее сложны, но при этом сильно варьируются, и в одном месте могут быть совершенно непохожими на соседские.

Но как же сочетается известная суеверность множества профессиональных атлетов с таким особым упором на рациональность? Если мы продолжим приводить примеры из истории баскетбола, то можно вспомнить, что один из самых знаменитых и успешных тренеров, Джон Вуден из команды

Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, всегда перед игрой выполнял неизменный ритуал. Перед началом соревнования он пытался получить благословение свыше тем, что поворачивался, чтобы подмигнуть своей жене, которая всегда присутствовала на игре и садилась за ним, хлопал по колену помощника, дергал себя за носок и затем наклонялся еще больше и прикасался к полу. В таком ритуале нет ничего от рационального отношения к спорту, но мы вынуждены признать, что такое странное поведение Вудена вовсе не шло вразрез с законами игры. Если бы его суеверие столкнулось с той рациональностью, которая заложена в самой игре, скажем, если бы он размещал игроков на поле в порядке их знаков Зодиака, то вряд ли его университетская команда выиграла бы подряд семь чемпионатов Национальной ассоциации студенческого спорта.

Баскетбол создавался как современный спорт. А теперь будет полезно рассмотреть, как охота, которая была спортом в давние времена, превратилась в стрельбу из лука — современный вид спорта. Ключевым моментом здесь была *рационализация*. Сама по себе охота всегда была утилитарным занятием: невозможно усомниться, что пещерные люди забивали животных камнями или дротиками для того, чтобы потом употребить их в пищу, а не ради удовольствия от удачного попадания. Но охота стала спортом в древнейших цивилизациях: Ассирии и Египте, Китае и Индии, Греции и Риме. Это был самый популярный аристократический спорт в Средние века, и он продолжает находить своих адептов уже во всех социальных слоях. Как и в бое с быками, на охоте пренебрегают принципом равенства условий соревнований. Охотник на львов пользуется большим вниманием окружающих, чем крестьянский сын, который может застрелить белку. Хотя львы могут

оказаться разными: мой лев оказался свирепее твоего и был убит в более сложных и опасных для меня обстоятельствах. Как говорится у Джорджа Оруэлла в «Скотном дворе», некоторые звери равнее других. И каким образом охота могла тогда сделаться спортом *современным*? Ответ один — следовало создать «зверя», который всегда будет равен самому себе, то есть мишень. Мишень всегда стандартного размера, она стоит на месте, не рычит и не огрызается. Так произошла рационализация охоты, превратившая ее в стрельбу по мишени из лука или пистолета. Итак, рационализация — ключевой момент развития любого спорта, в котором есть мишень. Попасть в бегущего быка легче, чем попасть ему при этом прямо в глаз, но такое меткое попадание нельзя назвать частью современного спорта. Необходимо было произвести рационализацию так же, чтобы вскакивание на коня на ходу превратилось в упражнение с гимнастическим конем.

Уже древние греки имели в виду рационализацию правил, когда проводили различия между обычаями своих предков и своими собственными. Несмотря на все старания, приложенные филологами и археологами, о рациональности критериев оценки в древнегреческом или древнеримском спорте мы знаем не так много, как хотелось бы. Например, существует несколько реконструкций системы оценки результатов в пентатлоне, и крупнейшему специалисту по древнему спорту недавно пришлось пересмотреть свои взгляды по этому вопросу[63]. Но это толь-

63. Пересмотр Харрисом своих воззрений, выраженных в кн.: Greek Athletes and Athletics, см.: *Harris H.* A. The Method of Deciding Victory in the Pentathlon. Greece and Rome, 19, April 1972. P. 60–64. См. так же: *Ebert J.* Zum Pentathlon der Antike. Berlin: Akademie Verlag, 1963.

ко один аспект рационализации, который наилучшим образом иллюстрирует различие в культурах древности и знакомой нам современности. Как мы уже говорили, рассуждая о равенстве условий соревнований, когда древнегреческие спортсмены соперничали друг с другом за победу, они метали с размаху один и тот же диск или дротик. Но на этом и заканчивались все попытки стандартизации спортивного инвентаря. Диск, взлетавший над склонами Дельф в честь Аполлона, был иного размера и веса, чем тот, полет которого в Афинах славил эту мудрейшую богиню. Диаметры дисков, которые мы видим в музеях, варьируются от 13 до 35 сантиметров, а вес — от 1,5 до почти 7 килограмм. Бег на стадий был стандартным на всех спортивных празднествах в Древней Греции, но размер стадия различался в разных концах греческого мира. Мы понимаем, что четырехсотметровый трек в Монреале может отличаться только на сантиметр или два от мюнхенского или московского. Но когда мы обращаемся к древности, то видим, что стадион в Олимпии имел длину 192,27 метра, стадион в Дельфах — 177,5, в Эпидавре — 181,3, а в Пергаме — целых 210 метров. Греки и, тем более, римляне были достаточно подкованы технологически, чтобы выровнять эти дистанции, но они предпочитали этого не делать.

Древние греки рационализировали спорт совсем иначе. Они были первыми, кто стал уже на каких-то научных основаниях изучать технику атлетического действия и вскрывать физиологические причины спортивных достижений. У других древних народов имелись пособия по спортивной подготовке, существовала и устная передача правил тренировки и гигиены собственного тела, но только древние греки породили целое ответвление науки. Большая часть трактатов по физиологии спорта до нас не дошла,

но очевидно, что именно в Древней Греции была заложена основа для всех современных учебных пособий, руководств и научных исследований по спортивной медицине и спортивной психологии. Вот как красноречиво говорил об этом Аристотель: «Об искусстве управления кораблем пишут больше, чем о подготовке атлетов, потому что управление кораблем пока еще не стало хорошо собранным знанием»[64].

Хотя у первобытных народов мальчишеские игры, требовавшие физической активности, готовили участников к взрослой роли охотника и воина, первобытные взрослые вряд ли продолжали делать какие-то специальные упражнения, чтобы улучшить свое охотничье умение. Так, например ифугао, живущие на Филиппинах, «считают, что они попадают или промахиваются по воле богов и по действию магических сил. Поэтому выйдя из мальчишеского возраста, они уже больше не метают копье и не ставят целью поддерживать спортивную форму. И это при том, что все практические навыки, которыми они пользуются на протяжении всей своей жизни, восходят к этому мальчишескому метанию копья»[65]. Греки перестали заниматься спортом только ради будущей практики, они начали тренироваться. Различие между практикой и тренировкой существенно, потому что тренировка означает рационализацию всех спортивных действий, подразумевает выход к новым пределам опыта и постоянную проверку результатов. В Древней Греции спортсмены следовали специальной диете, в которую входило больше мяса, чем это было

64. Цит. по: *Harris*. Greek Athletes and Athletics. P. 173.

65. *Barton R.* Philippine Pagans. London: George Routledge, 1938. P. 38n. См. также (о Ндембу в Замбии): *Turner V.* The Forest of Symbols. Ithaca: Cornell University Press, 1967, 9–11, 289–290.

принято среди обычных людей. Также существовали «тетрады» — четырехдневные циклы подготовки, сосредоточенности, расслабления, умеренности (соответственно, простые упражнения, напряженные упражнения, восстановление сил и технически сложные упражнения). Таким образом, атлетизм стал нормой жизни и сосредоточен был на единственной цели — атлетическом совершенстве.

Как и в прежних разделах, изучив начальный вид, мы переходим сразу к современным предельным воплощениям. Научное изучение физиологии и психологии в университете означает передачу технической информации, которую применит потом любой инструктор и тренер. В США, однако, связь научных исследований и актуальной практики не загнана в определенные рамки. Результаты лабораторных исследований публикуются в специализированных ежеквартальных журналах или отдельными монографиями, из которых любой может почерпнуть интересующую его информацию. Но целыми десятилетиями тренеры пренебрегали результатами научных исследований, в которых было доказано, что достижения атлета вовсе не предопределяются безудержным «накачиванием мышц». В наши дни тренеры стали понимать, что, чтобы поддерживать в форме, скажем, юных хоккеистов (а в большой хоккей играют уже лет с десяти), нужно направить их на аэробику или общеукрепляющую гимнастику. В социалистической Германии и в других странах Восточной Европы научное изучение спорта еще более рационально, чем, например, в Америке: существуют специализированные НИИ, в которых осуществляются масштабные исследовательские программы, причем полученные результаты сразу требуют ввести в оборот на всех тренировках. Таким образом,

разрыв между наукой и подготовкой к состязаниям в социалистических странах меньше, чем в США. Потрясающий успех ГДР на Олимпийских играх 1976 года во многом обязан тому, что в этой стране к исследованиям в области спортивной физиологии подошли очень серьезно. Восточногерманские специалисты по спорту способны определить перспективных чемпионов, назначить им программу интенсивной тренировки и психологически их подготовить к соревнованиям. Так, спортивный потенциал пловчихи Корнелии Эндер был открыт благодаря изучению состава крови. Конечно, сейчас наблюдается реакция против беспощадно рациональной подготовки атлетов, которых иногда описывают как «роботов», но несомненно, что такая рационализация — неуклонная тенденция развития спорта от первых трактатов в Древней Греции через возрожденческие книги по искусству фехтования до комплексного подхода в Лейпциге, Праге, Варшаве и Москве. Западная Германия старается ответить на вызов коммунистических стран, а США, как всегда, пытаются преодолеть возникший «разрыв». Но невозможно представить, чтобы растущую тенденцию к рационализации можно было остановить протестами тех граждан, для которых спорт — это призвание, а не победа разума над чувствами.

Бюрократизация

Кто в современном мире определяет правила спорта и кто распоряжается сложной системой спортивных исследований? Мы все знаем, что это делают бюрократические организации. Здесь нам нужно прежде всего вспомнить вскрытое Максом Вебером различие между первобытной иерархией *предписанного по-*

ведения и современной бюрократией *функциональных ролей*. Мы можем быть уверены, что правила спорта в первобытные времена менялись медленно и что все изменения вносились адептами соответствующего ритуала. А в наши дни спортивные журналисты могут ссылаться на руководителей Национальной футбольной лиги, или Национальной ассоциации студенческого спорта, или Международной федерации плавания как на «жрецов» современного спорта, но такое благоговение перед ними — это простая метафора. Альвин «Пет» Розелль, Уилли Дом и даже лорд Килланин Майкл Морисс, определяющие работу МОК,— это выборные администраторы в большой бюрократической организации. Одна из их непременных функций — следить за тем, чтобы правила игры соблюдались повсеместно.

Не нужно и говорить о том, что в первобытном обществе вообще не существовало никакой бюрократии, тем более спортивной. Конечно, как и в других областях, у греков мы можем увидеть сходство с современным обществом и, проследив зародыши институциональных форм, сказать, что спортивная бюрократия у них была, хотя и в зачаточном состоянии. В Афинах и других полисах демократия требовала выбора всех чиновников или назначения их по жребию. В каждом греческом полисе был гимназиарх, то есть управляющий гимнастическим залом. Контроль над соревнованиями атлетов осуществлял агонатет — распорядитель соревнований. Трудно сказать, какая часть управления спортивными празднествами оставалась в руках жрецов, а какая перешла в руки светских начальников. Но мы можем с уверенностью сказать, что спортивная бюрократия уже в римское время почувствовала себя уверенно. Самым знаменитым управляющим здесь был Герод Аттик, которого император Адриан на-

значил атлотетом, то есть распорядителем всего спорта; именно Герод Аттик воздвиг большой стадион в Афинах[66]. Именно стадион Аттика греки восстановили и использовали по назначению на первых Олимпийских играх в 1896 году.

Наиболее замечательной формой самоорганизации римской спортивной бюрократии было объединение ксистов (отметим, что употреблен греческий термин), то есть имперский союз атлетов, который выбирал руководство, детально прописывал правила и нормы, создавал кодекс надлежащего поведения и даже выдавал парафернали — своеобразные удостоверения своим членам. Здесь мы уже можем говорить о рождении спортивной администрации современного типа.

Отсутствие бюрократической организации среди первобытных народов и ее наличие в Риме объяснить нетрудно, но гораздо труднее понять, почему в современном обществе эти административные формы распространились повсеместно. Как и во многих других областях, так и в бюрократизации спорта лидирует Англия. Так, Мэрилебонский клуб крикета, основанный в 1787 году, постепенно стал высшей властью во всех вопросах, связанных с игрой в крикет. В начале XIX века Клуб ввел всемирные стандарты этой игры, включавшие указание веса мяча, ширины биты, дистанции между воротами, их размеров и т. д.

За немногими исключениями вроде бейсбола и американского футбола любой современный вид спорта признает над собой международную организацию, которая контролирует работу десятков национальных отделений. Первой такой ор-

---

66. См. о нем: *Politis N. G.* The Olympic Games in 1896. Athens and London: Charles Beck/H. Grevel, 1897. P. 31–48.

ганизацией стал Международный союз яхтенного спорта (1875). На 1959 год существовало уже 73 таких организации, самой влиятельной из которых стала Международная федерация футбольных союзов, в которую по данным 1964 года входило 126 национальных организаций-членов[67]. Международные федерации тесно сотрудничают с Международным олимпийским комитетом и с национальными олимпийскими комитетами. Конечно, весьма часто приходится выяснять и границы юрисдикций, и совместимость интересов, но в целом можно говорить о развитой бюрократии спорта, приобретшей всемирный масштаб.

Первые национальные спортивные организации возникли в Англии в середине XIX века. К концу XIX века число таких организаций резко возросло, и в 1894 году был учрежден Международный олимпийский комитет. В XX веке все развитые государства создали правительственную спортивную бюрократию, которая должна была либо заменить добровольные спортивные объединения, либо осуществлять надзор и контроль за ними, оказывая им соответствующую финансовую помощь. Даже в Российской империи существовала должность генерального инспектора, занимавшегося вопросами физического развития народов России[68]. Но в США до сих пор не существует должности министра спорта, и спортсмены, выступающие на международных соревнованиях, получают помощь только от добровольных объединений.[69] Однако

---

67. *Meynand J.* Sport et Politique. Paris: Payot, 1966. P. 77, 81.

68. См.: *Morton H. W.* Soviet Sport: School for Communism. Ph.D. dissertation. Columbia University, 1959. P. 49.

69. Подробнее об актуальном состоянии спортивных институтов в США и других государствах см.: *Кыласов А. В.* Окольцо-

мы вполне можем рассчитывать на скорое появление единого учреждения, вне зависимости от того, будет ли оно создано на официальных или на коммерческих началах. Мы думаем, что последний отчет президентской комиссии по олимпийскому спорту (1977) — важный шаг в этом направлении.

Одна из важнейших функций бюрократии — следить за тем, чтобы все правила и нормы были унифицированными на всей планете. Другая функция — упростить процесс соревнований, которые всегда представляют собой пирамиду от местных состязаний к национальным и, наконец, мировым чемпионатам. Также бюрократия непосредственно заинтересована и в другой области приложения своих сил, а именно признании рекордов. Так, Международная федерация любительского спорта была основана в 1913 году и уже на следующий год стала публиковать списки официально зафиксированных рекордов[70]. Но нельзя говорить о рекордах, пока не рассмотрено необходимое условие установления рекорда — количественный учет.

Количественный учет

Невозможно найти американца, француза или японца, который в детстве, играя в мяч в одиночку, не подсчитывал количество ударов по мячу или его ловли. Если есть броски мяча, то почему бы их не подсчитать? Такая детская игра типична для современного общества, но совсем неизвестна перво-

---

ванный спорт. Истоки и смысл современного олимпизма. М.: АИРО XXI, 2010. — *Примеч. пер.*

70. *Quercetani R. L.* A World History of Track and Field Athletics. London: Oxford University Press, 1964. P. xvii.

бытному, где количественный учет не является насущной частью жизни. Нимрод, могущественный охотник Библии, дал название «шкале Нимрода», впервые упомянутой в книге Роуланда Уорда «Рекорды большой игры» (1892) как типичной для современного спорта[71].

И ссылаться на древнейшие времена для обоснования современных практик — это не натяжка. Так, полинезийцы из Тикопии фиксировали результаты метания стрел с помощью сложной системы учета. Такие же системы существовали для подсчета результатов во многих древних играх с мячом, но современный спорт характеризуется необоримой тенденцией превращать любое атлетическое свершение в материал подсчетов и измерений. Сбор и обработка статистических данных по всем аспектам, касающимся хода игры, отличительная черта футбола, бейсбола, баскетбола, хоккея и многих видов спорта на открытом воздухе, где точность подсчетов достигла таких высот, что секундомер оказывается весьма примитивным устройством. Секундомер, надо сказать, часто признается символом развития современного спорта — изобретен он был около 1730 года как инструмент для фиксации победителей на бегах. Электронные таймеры позволяют замерять сотые или даже тысячные доли секунды, и эти различия в тысячную долю расцениваются зрителями и самими спортсменами как нечто весьма важное. После этого не кажется случайным, что основатель Международной федерации любительского спорта Зигфрид Эдстром был инженером.

В газетах печатается ежедневная статистика по самым популярным командным видам спор-

---

71. *Umminger*. Supermen, Heroes and Gods. P. 144.

та — в США по бейсболу, американскому футболу, баскетболу и хоккею, а в других странах — по европейскому футболу. Количественно указанные результаты по гольфу и теннису часто также присутствуют на страницах газет. Спорт на треках и на открытом воздухе, атлетика и поднятие тяжестей вообще имеют специализированные журналы, в которых печатаются таблицы сводной статистической информации. В ГДР, самой бюрократической и самой подсчитывающей стране во всем мире, правительство публикует ежегодник под названием «Рекорды детей ГДР» (DDR-Bestenliste der Kleinsten), где указываются самые лучшие спортивные достижения за год учащихся младших классов школы[72]. Кроме того, по многим видам спорта выпускаются энциклопедии. Один из ведущих современных теоретиков даже предположил, что спорт следует определять как физическую деятельность, которая может быть измерена в очках или по системе «сантиметр — грамм — секунда»[73].

Статистика по играм — часть и образчик статистики по современному обществу. В одном ряду стоят среднее число очков на пробежке [в бейсболе] и валовой национальный продукт, полученные ярды рашинга [в американском футболе] и средний балл в школе. Мы живем в мире чисел. Компьютеры сообщают нам о новом достижении бэттера (отбивающего) до начала второго бейса точно так же, как они сообщают нам индекс Доу-Джонса и уровень преступности в 25 столичных районах. Когда табличная сводка золотых, серебря-

---

72. *Kramer H. J.* Korpererziehung und Sportunlerricht in der DDR. Schorndorf: Karl Hofmann, 1969. S. 78.

73. *Altrock H.* Die kulturellen Aufgaben des Deutschen Sports. Kevelaer; Verlag Butzon und Bercker, 1949. S. 9.

ных и бронзовых медалей кажется неадекватной для сравнения результатов в Олимпийских играх, то усердный статистик сразу же выведет логарифмическую формулу $P = 100(1 - \log x / \log n)$, где P — количество очков, x — место атлета или команды и n — число соревнующихся на данном спортивном событии[74]. Первое место получает 100 очков (потому что логарифм единицы равен нулю), а последнее место — 0 очков (потому что тогда отношение логарифмов равно единице), тогда как четвертое место при пяти участниках дает 13,86 очка, а много более впечатляющее четвертое место при 50 участниках — уже 64,56 очка. Психолог, разработавший эту систему, также ввел и таблицы эквивалентности, с помощью которых можно сравнивать несравнимые единицы, такие как прыжки в высоту и метание диска, — это развитие системы очков в декатлоне. По его утверждению, фантастический прыжок в длину Боба Бимона на 8,9 м соответствует пробегу мили за 3'43"3[75]. Числа обступают нас со всех сторон.

В Древней Греции такого не было. Пифагор, Архимед, Евклид и другие ученые внесли огромный вклад в развитие математики, особенно геометрии, но греческая цивилизация не испытывала нужды все подсчитывать и вычислять. Для нее человек был мерой всех вещей, а не объектом нескончаемых подсчетов. Чтобы надеть венок из листьев, нужно было просто оказаться лучшим среди тех, кто в этот солнечный день решил сразиться за славу

---

74. *Jokl E.* Medical Sociology and Cultural Anthropology of Sport and Physical Education. Springfield, Illinois: Charles C. Thomas, 1964. P. 56–61.

75. Nahe der absolulen Grenze. Rekorde aus der Retorte / ed. H. Acker. Stuttgart: Deutsche Verlag-Anstalt, 1972. S. 82. В связи с мечтаниями об абсолютной сравнимости см.: *Weiss.* Sport. P. 230–242.

и почет в Олимпии или Коринфе. Насколько далеко улетел диск? Насколько быстро бегун пробежал дистанцию? Эти вопросы никого не интересовали. Среди всех литературных свидетельств греческого мира о спорте есть только несколько кратких эпиграмм, в которых упомянуты числа. Так, про Фаилла из Кротона говорится, что он прыгнул в длину на 16, а диск метнул на 29 метров. Второй результат нас не впечатляет, тогда как первый не вызывает доверия. Из этого мы делаем вывод, что эта эпиграмма — не отражение реальности, но ирония и сатира, хотя некоторые исследователи считают, что речь идет о тройном прыжке, впрочем, не представляя этому никаких доказательств[76].

Почему же мы не знаем, насколько быстро мчался тогдашний бегун? Проще всего ответить, что у древних греков не было точных приборов для измерения времени. Такой ответ будет верным, но мне кажется, что дело можно повернуть иначе: греки именно потому не создавали точных приборов, что точная скорость бегуна их не интересовала. Ведь они не замеряли ни длину прыжка, ни дальность метания копья; а уж здесь мы никак не можем сказать, что древние не смогли бы это измерить. Их технологии уж точно позволяли размотать веревку и замерить дистанцию. Но их этот вопрос совсем не занимал. Неважно было, бросил ли победитель одной Олимпиады копье дальше, чем победитель предшествующей Олимпиады, или ближе. Равно как не имело значение, кто дальше бросил диск: победитель на Панафинеях или победитель в Немее или Пергамоне. После этого нас уже не удивля-

---

76. См.: *Gardiner*. Athletics of the Ancient World. P. 152–153. Противоположное воззрение на вопрос см.: *Harris*. Greek Athletes and Athletics. P. 80–82.

ет, что диски различались и по размеру, и по весу. Если атлетов сравнивали, то только тех, кто собрался на данных Играх в данном месте, поэтому ни к чему были замеры результатов. Единственным приближением к современному пониманию подсчета рекордов был подсчет побед одного лица. Так, Геракл совершил 12 подвигов, а Милон Кротонский пять раз победил на Олимпийских играх, семь — на Пифийских играх, десять — на Истмийских и девять — на Немейских.

Прославлять число побед еще более греков полюбили римляне и развили этот учет в сторону уже современного спорта. Римляне не собирались вводить количественные измерения в греческие виды спорта, к которым они были довольно равнодушны. Тем более, незачем было подсчитывать победы рабов-гладиаторов, которых без жалости лишали жизни. Но вот конные состязания и в Риме, и в Константинополе приковывали внимание всех именно числом побед. Насколько мы знаем, замера времени на ипподроме не было. По скорости колесниц у нас также нет данных, как и по скорости бегунов. Но римляне восхищались, когда один и тот же возница занимал многократно первые места. Скажем, надпись в честь Гая Апулея Диокла, впервые выступившего в 122 году, сообщает, что в ристаниях на квадригах он участвовал 4 257 раз, причем первое место занял 1462 раза, второе — 861 раз, а третье — 576 раз. Но все же наших знаний недостает, чтобы определить, означают ли слова «взошел на колесницу и победил» непременно первое место?[77] Итак, это второй род подсчетов, начатый греками и развитый уже римлянами. Профессиональные атлеты

---

77. *Harris H. A.* Sports in Greece and Rome. Ithaca: Cornell University Press, 1972. P. 198–199.

часто хвастались, сколько раз они оказывались первыми, на скольких празднествах сколько раз побеждали и до каких пределов земли разнеслась слава о них. Конечно, от такого простого типа фиксации результатов был долгий путь к современным многостраничным статистическим выкладкам, на основании которых пишутся биографии спортсменов, но важно, что первый шаг был сделан. Мы приветствуем возрожденные Олимпиады, мы грезим о себе как о наследниках Древней Эллады, но мы ближе в этом отношении, как и во многих других, к орущим толпам «синих» и «зеленых», потрясавших константинопольские ипподромы.

Когда в 1896 году проходили первые Олимпийские игры, американский журналист заметил, что выступления гимнастов пользовались наименьшей популярностью, потому что это не было настоящее атлетическое состязание, доступное точному измерению[78]. Таким образом, невозможно недооценивать тех подсчетов, которые необходимо востребованы современным обществом. В новейшей культуре все те состязания, которые сопротивляются числу и точной мере, вынуждены все равно приспосабливаться к господствующей моде. Конечно, очень легко измерить длину беговой дорожки или плавательного бассейна, а с помощью точных электронных датчиков определить время забега или заплыва, но неужели можно рационализировать и подсчитать изящество и благородную красоту гимнастов? Ответ на это был дан сразу: главное — установить время выступления и посадить группу компетентных судей, велев им оценить в баллах свои субъективные впечатле-

78. *Richardson R. B.* The New Olympian Games // Scribner's Magazine, 20. September 1896. P. 279.

ния (не давая при этом ни высшего, ни низшего балла). Так, Надя Команечи заработала 79 275 очков в Монреале, ни больше ни меньше. Так что мы видим, что человек измеряющий не только точен, но и изобретателен.

Рекорды

Если соединить стремление к подсчетам со страстью к победе, к выдающимся результатам, к тому, чтобы быть лучшим,— получится понятие рекорда. Даже в первобытном спорте есть стремление превзойти предыдущий результат, добившись того, чего не добивались раньше. Так, метатели копья из Тикопии отмечали на камне, кто оказался самым сильным, и другие племена тоже повествовали о баснословных достижениях, хотя они могут оказаться порождением скорее фантазии, чем измерения. Стрельба из лука, вероятно, была первым видом спорта, где были одержаны рекорды. Турецкая надпись XIII века восхваляет султана Махмуд Хана за выстрел на расстояние в 1215 длин стрелы, а миниатюра XVII века изображает стрелков на стамбульском Окмейдане (название означает просто «стрельбище»), где были зафиксированы выстрелы, удивительные по пройденному расстоянию[79]. Среди японцев рекорды по выстрелам из лука в различных усложненных условиях фиксировались уже в XVII веке[80]. Но современный рекорд порожден современной тягой все подсчитать и измерить. У древних греков не было понятия

79. *Diem C.* Weltgeschichte des Sports, I. S. 352–355.
80. *Sasajinia K.* History of Physical Exercises and Sport in Japan // Geschichte der Leibesübungen / ed. Oberhorst. 4. P. 199.

рекорда; как утверждают исследователи античности М. И. Финли и Х. У. Плекет, в греческом языке не было даже выражений вроде «установить» или «побить рекорд». Само слово *рекорд* (от латинского слова, означающего фиксацию, то есть самое быстрое зафиксированное время) появилось только в 80-е годы XIX века[81].

Что такое рекорд в нашем нынешнем понимании? Это изумительная абстракция: ведь подразумевается соревнование не только между теми, кто собрались в данном месте и в данное время, но и с теми, кто далек в пространстве и во времени. Благодаря этой непонятной абстракции австралиец может соревноваться с финном, умершим за десять лет до его рождения. Рекорд становится психологической идеей в уме каждого, кто интересуется спортом, например, как это было на треке в Иффли, когда в 1954 году Роджер Баннистер впервые пробежал милю за четыре минуты. Рекорд — это пункт в книге рекордов, это правый верхний угол на телеэкране, это стимул к покорению небывалых высот спорта и физический барьер, требующий удвоить усилия, это случай безумия, рационализированное помешательство, символ нашей цивилизации. В патетический момент своей жизни французский спортсмен 1920-х годов высказывал надежду, что его дочь «в будущем услышит хвалу не войнам, но рекордам, которые прекраснее, чем подвиги Геракла»[82].

Американские медиа заходились от экстаза, когда бейсболист Хенри «Хенк» Аарон достиг и, наконец, превзошел абсолютный рекорд Бейба Рута.

---

81. The Olympic Games, 22; *Kloeren M.* Sport und Rekord. Leipzig: Verlag von Bernhard Tauchnitz, 1935. S. 184.
82. *Obey A.* L'Orgue du stade. Paris: Gallimard, 1924. P. 35.

Газета «Правда» писала о рекордах не менее торжественно. Так, в редакционной статье от 6 августа 1950 года говорится: «Множество спортивных рекордов еще несколько лет назад казались непревзойденными. Но наши молодые атлеты должны побить эти рекорды и установить новые, несравненно лучшие»[83]. Пятью годами ранее «Правда» обещала премии по 25 тысяч рублей тем спортсменам-любителям, которые установят новые мировые рекорды[84]. Мы видим результат такой борьбы за рекорды: СССР и другие социалистические страны занимают все больше призовых мест на Олимпийских играх.

Мы уже отметили, что измерить красоту выступления можно благодаря судейству: именно так обстоит дело в фигурном катании, синхронном плавании и гимнастике. Сам факт числового измерения вводит погоню за рекордами даже в этих балетных видах спорта. Так, на Олимпийских играх рекордные результаты показала Надя Команечи, и о ней говорили как о «непревзойденном» совершенстве. Семь раз она получала высшую оценку судей, и это магическое число семь было рекордным, поскольку Нелли Ким только единожды получала такую оценку. Когда мы восторгаемся достижениями Нади Команечи, то мы вполне искренне чувствуем, что ее движения были тоньше и изящнее, чем у Людмилы Турищевой в 1972 году. Поэтому законно, что общий счет Команечи 79 275 лучше, чем 77 025 у Турищевой. Мы знаем, что Джон Уолкер пробежал милю быстрее, чем любой другой спорт-

---

83. Цит. по: *Morton*. Soviet Sport. P. 177.

84. Ibid., P. 232. О восточногерманских гонорарах спортсменам-любителям за рекорды см.: *Pfetsch F. R.* Leistungssport und GeseUsehaftssystem. Schorndorf: Karl Hofmann, 1975. S. 196.

смен из тех, чьи результаты фиксировались Национальной федерацией любительского спорта. Рекорд отрицать невозможно, и все мы верим теперь, что блистательное выступление Нади Команечи — лучшее во всех смыслах. У майя и ацтеков были свои суеверия, а у нас — свои.

Но что будет с нашей навязчивой погоней за рекордами, когда атлеты достигнут (а это будет весьма скоро) пределов человеческих возможностей? Что будет, когда никакая Корнелия Эндер или Дуайт Стоунс не сможет ответить на яростный запрос публики, требующей мировых рекордов? В конце замечательной книги «О гимнастике современного спорта» (1965) Жак Ульман противопоставляет дух античного спорта современному: «Греческая гимнастика была неотделима от понимания тела, встроенного в метафизику конечности. Спорт современного человека — это философская задача, часто неявная, но подчиняющаяся теории прогресса»[85]. Идея прогресса, которую Дж. Б. Бьюри в своей одноименной монографии возводит к концу XVIII века, стала господствовать в умах мыслителей XIX века. Суть этой идеи — линейное развитие, означающее, что любое улучшение может быть улучшено далее. Джонни Вайсмюллер потряс весь мир в 1924 году тем, что проплыл 400 метров за 5'04"2, тогда как в наши дни с таким результатом он не вышел бы в финал даже женской сборной. После того как Корнелия Эндер проплыла стометровку за 55"65, все стали ждать нового рекорда, но человек не может проплыть это расстояние за 30". Где-то он вынужден будет остановиться, но где?

---

85. De la Gymnastique aux sports modernes. Rev. ed.: Paris: J. Vrin, 1971. P. 336.

Навести на ответ нас может эпизод из истории японского спорта. В древнем религиозном центре Киото есть храм Санцу Санген-до (Тысячи Будд), обнесенный галереей. Между карнизом храма и галереей есть зазор в 4,54 метра. XVII век дал Японии соревнование среди лучников, главной задачей на котором было произвести как можно больше выстрелов по мишеням через этот зазор, не задев при этом галерею, за 24 часа. Первый турнир прошел в 1606 году, турниры проводились еще и в 1842 году, но интерес к этим состязаниям особенно возрос после 16 апреля 1686 года, когда некий Дайкакиро Ваза произвел 13053 выстрела, из которых 8132 поразили цель. Современный японский историк комментирует: «Так как все сочли, что этот рекорд побить невозможно, состязания в храме Санцу стали выходить из моды»[86]. Конечно, интерпретация современного историка может быть сочтена надуманной, ведь соревнования длились еще 156 лет как минимум, но она очень убедительна с точки зрения того исключительного места, которое занял «рекорд» в нашем современном мире. Что случится, когда на соревнованиях уже нельзя будет собрать урожай новых рекордов и в каждом виде спорта появится свой Ваза? Начнем ли мы тогда понимать спорт в греческом смысле, как драматическое соперничество мужчины с мужчиной (или женщины с женщиной), или мы как-то иначе научимся удовлетворять фаустовское желание увидеть нечто небывалое и несравнимое? Лучше сейчас подождем, а после все увидим своими глазами.

---

86. *Sasajima.* History of Physical Exercises and Sport in Japan. P. 199.

Характерные черты современного спорта

Итак, мы рассмотрели семь отличительных признаков современного спорта. Уникальность современного спорта теперь может быть сведена в привычной нам, как современным людям, таблице (табл. 2.2). Эти свойства выбраны нами неслучайно. Если мы рассмотрим их в обратном порядке, начиная с погони за рекордами, то увидим, насколько они все переплетены. Они не могут состояться друг без друга. Поэтому нам придется, руководствуясь условной телеологией, доказать, что если в современном спорте ставятся рекорды, то неизбежны и все остальные его свойства.

Современная погоня за рекордами не состоялась бы, не будь современных количественных подсчетов. Но нельзя поставить какой-либо рекорд, если не пройти тренировок, которые требуют специализации и рационализации. Специализация и рационализация, в свою очередь, подразумевают бюрократическую организацию, без которой не будет ни чемпионатов, ни правил соревнований, ни подтверждения рекордов. Зрелищные события Олимпиад в Монреале и Инсбруке были результатом нескольких лет работы тысяч людей. Специализация, рационализация и бюрократизация современного спорта подразумевают и равенство возможностей. Ведь всякий рекорд обернулся бы фарсом, если бы лучший бегун или самый ловкий защитник был снят с соревнований из-за рода занятий, цвета кожи или вероисповедания. И наконец, само понятие измеримого числом достижения отвечает стандартам секулярной культуры, а не духовности, в которой возможно двигаться только

ТАБЛИЦА 2.2. Характерные черты спорта в различное время

Характерные черты	Первобытное время	Греческая античность	Римская античность	Средние века и раннее Новое время	Новое и новейшее время
Секулярность	±	±	±	±	+
Равенство	-	±	±	-	+
Специализация	-	+	+	-	+
Рационализация	-	+	+	-	+
Бюрократизация	-	±	+	-	+
Подсчеты	-	-	±	-	+
Рекорды	-	-	-	-	+

в сторону сакрального. Конечно, это трудно уяснить и еще труднее обосновать, но все же динамичное развитие атлетизма началось после секуляризации общества. Когда качественные различения поблекли и утратили силу, начались различения количественные. Мы теперь можем не отличать священное от мирского и даже добро от зла, но для нас ощутимо различие между подающим с ВА.308 и с ВА.307. Когда боги покинули Олимп и когда опустел дантовский Рай, нам некому стало молиться о спасении души. Но мы способны установить новый рекорд — и это пока единственная доступная нам форма бессмертия.

ГЛАВА 3

Капитализм, протестантизм и современный спорт

Современный спорт как общераспространенная и уникальная форма неутилитарных физических соревнований сформировался за период примерно в 150 лет: с начала XVIII до конца XIX века. Мы можем достаточно точно указать время и место его появления. Современный спорт зародился в Англии и распространился из места своего возникновения на Соединенные Штаты, Западную Европу, а затем и весь мир. Истоки современного спорта описаны в сотнях книг и статей, а отдельные виды спорта получили своих кропотливых летописцев. И лишь небольшое число ученых, в основном европейских, пытались *объяснить* бурное развитие современного спорта. Наиболее убедительные объяснения были стимулированы открытиями Карла Маркса и Макса Вебера, хотя ни один из них не писал о спорте много.

Марксистская интерпретация

Марксистские объяснения успешного развития современного спорта начинаются с материалистической концепции истории. Согласно марксистским взглядам, спорт неизменно связан с организацией способов производства. Даже в каменном веке

«физические упражнения изначально были одним из производственных процессов» (*Arbeitsprozeß*)[1]. Мужчины бегали, поднимали камни и бросали копья для совершенствования своих охотничьих навыков. Выживание зависело от физической ловкости. Что было сутью спорта в каменном веке, остается ею и сегодня, но проявляется в других обстоятельствах. Марксистские историки сознательно анализируют расцвет современного спорта в этой материалистической перспективе. Средневековый спорт был отражением феодального общества, современный — продукт либерального капитализма, то есть общества буржуазного. В таком объяснении есть доля правды, поэтому стоит пойти в нашем исследовании по этому направлению. Далее я буду писать, опираясь на данную точку зрения, не оговаривая этого всякий раз. Мои критические замечания появятся в разделе III[2].

Средневековый спорт служил интересам феодальной знати, которая была эффективным правящим классом Средневековья[3]. Существовало много типов спорта; даже у крестьян имелись свои грубые игры, забеги, борьба, бои на палках, собственная жесткая и примитивная версия игры, развившейся в конце концов в современный футбол. Крестьянский спорт был направлен на сохранение физической формы для выполнения тяжелых аг-

---

1. Слова Вольфганга Айхеля цит. по: Geschichte der Leibesübungen: In 6 Bde/H. Überhorst. Berlin: Bartels und Wernitz, 1972. Bd. 1. Ursprungstheorien. S. 17. См. также: *Voigt D.* Soziologie in der DDR. Cologne: Wissenschaft und Politik, 1975. S. 29–31.
2. Имеется в виду третий раздел данной главы — «Критикуя критику». — *Примеч. пер.*
3. Лучшее описание этому предложено Анжеем Волем в: *Wohl A.* Die gesellschaftlich-historischen Grundlagen des bürgerlichen Sports. Koln: Pahl-Rugenstein, 1973. S. 9–30.

рарных работ. Спорт оказывался одним из средств поддержания производительной силы (*Arbeitkraft*) на необходимом для эксплуатации уровне.

Спорт знати также несет на себе печать своего происхождения. С одной стороны, это была охота, рыбалка, соколиная охота — развлечения, в равной степени доступные для леди и лордов, но зазорные и недопустимые для низших сословий, которые зависели от охоты и рыбалки как источников пропитания. Эти сословия несли экономический ущерб от забав своих господ на обработанных полях. Часто правом охотиться и запускать ястребов обладала только знать. Браконьеров жестоко наказывали. Помимо «полевого спорта», который возник из мира производительного труда, существовали виды, непосредственно связанные с реалиями политической власти. Это были рыцарские турниры и поединки: постановочная битва между большим числом вооруженных всадников в первом случае и схватка двух рыцарей на лошадях — во втором. В мире, основанном на праве физической силы, сама игра символизирует отношения между классами. Турнир был имитацией битвы, видом спорта, демонстрацией военного искусства, тонким предостережением для тех, кто смел мечтать о более эгалитарном социальном порядке.

Классовые отношения в капиталистическом обществе управляются отличными от средневековых способами производства. Иные социальные обстоятельства приводят к иному типу спорта и, что более важно, иным концепциям природы спорта.

Огромное неравенство в распределении богатства, приобретенного при промышленном и финансовом капитализме, приводит к возрастающей дифференциации в видах спорта, предпочитаемых богатыми и бедными. Хозяева земель стали

помещиками и отказались от боевой техники времен феодализма. Спорт теряет свою прямую политическую функцию: невозможно подавить восстание силами гольф-клуба. И некоторые виды становятся выражением принадлежности к праздному классу[4]. Гольф и теннис остаются прерогативой правящего класса, но теперь нет необходимости закреплять их за состоятельными людьми королевским эдиктом или угрозой страшного наказания. Достаточно их экономической стоимости. Теннис, к примеру, требует дорогостоящего корта и долгого обучения, которое обычно включает профессиональные уроки и всегда предполагает значительные затраты времени. Традиционная безупречно белая теннисная форма была ненавязчивым напоминанием для выскочек: приличная одежда не по карману большинству. Для очень состоятельной публики, в глазах которой даже гольф и теннис выглядели слишком популярными, существовали поло и яхты. Загляните, к примеру, в «Книгу спорта», опубликованную в Нью-Йорке в 1901 году. Это роскошное, богато иллюстрированное издание содержит статьи о гольфе, теннисе, лаун-теннисе, сквоше, поло, лисьей охоте, парусном спорте, управлении коляской. О последнем, управлении экипажем на лошадиной тяге, Оливер Бельмонт высказывает следующее мнение: «Ни один вид спорта, требующий совершенства навыков, смелости, нервного напряжения, не будет оставлен без внимания американцами»[5]. Однако ни одна игра, в которую играет большинство американцев, в «Книге спорта» не упоминается.

---

4. *Wohl A.* Op. cit. S. 30–57.
5. *Belmont O. H. P.* Coaching // The Book of Sport / W. Patten (ed.). N.Y.: J. F. Taylor Co., 1901. P. 219.

В капиталистическом обществе такими видами, как футбол и бейсбол, занимается рабочий класс. Своей главной целью эти виды спорта ставят поддержание рабочей силы в максимально производительном состоянии. «То, что происходит и чему позволяют происходить в свободное от работы время, определяется необходимостью для капиталистического общества воспроизводить рабочую силу (*Arbeitkraft*)»[6]. Также необходимо компенсировать физический дискомфорт, связанный с конвейерным производством, чтобы заболеваемость не свела усилия рабочих к нулю.

Элитарный спорт предполагает такой тип социализации, который позволяет правящему классу развивать черты характера и лидерские способности, необходимые для доминирования внутри страны и за ее пределами. Спорт пролетариев, с другой стороны, оказывается средством социализации иного типа. Как правило, это командные виды, которые приучают к субординации и подчинению власти, непосредственным символом которой выступает фигура тренера. Это погружает молодежь в рутину промышленной системы и помогает вытеснить потенциально революционную энергетику из сферы политики.

Вот почему Англия, родина промышленного капитализма, с неизбежностью стала местом рождения современного спорта. На поразительное желание англичан делать ставки на скачки, забеги и боксерские бои указывали многие наблюдатели. По словам французского исследователя английских нравов XVIII века, «перспективы развития судоход-

---

6. *Vinnai G.* Fußballsport als Ideologie. Fr.a.M.: Europäische Verlagsanstalt, 1970. S. 13. Виннай — неомарксист, но это замечание — марксистское.

ства — предмет их расчетов. <...> Эту же привычку исчисления они перенесли на игры, ставки и на все азартные явления»[7].

Это желание ставить на лошадей, медведей, на корабли и кулачных бойцов шло с параллельно возрастающей готовностью к рискованным вложениям капитала в развитие растущей английской промышленности. Стремление к риску и ставкам приводит к необходимости измерения времени и расстояния. Расчетные книги капиталистов очень похожи на спортивные таблицы. Мы внезапно вступаем в мир бухгалтерии и букмекерства.

В XIX веке такие государственные школы, как Рагби, Итон, Хэрроу и Винчестер, объединяются с Оксфордом и Кембриджем ради создания этоса честной игры, спортивного поведения, деловой хватки. Знаменитый роман Томаса Хьюза «Школьные годы Тома Брауна» (1857) — воплощение ценностей правящего класса в школе Томаса Арнольда Руби, где дети среднего класса заучивают урок буржуазного либерализма. В Оксфорд и Кембридж приходят выпускники государственных школ. А из Оксфорда и Кембриджа выходят энергичный британский военный, государственный служащий или бизнесмен и едут в Ванкувер, Мадрас, Кейптаун или Мельбурн. И несут с собой чудо современного спорта.

Уже в начале 1830-х жившие в Германии англичане основали Гамбургский клуб гребли. В течение пяти лет после изобретения в 1873 году майором Уолтером Уингейтом тенниса на траве новая увлекательная игра распространилась в Германии, Соединенных Штатах, Бразилии, Индии и Австралии. Британцы основали Дрезденский футбольный клуб

---

7. Слова Дж. Б. ЛеБлана цит. по: *Kloeren M.* Sport und Rekord. Leipzig: Bernhard Tauchnitz, 1935. S. 272.

в 1890 году, а на следующий год — клуб *White Rovers* в Париже. Через три года англичанин из семьи, проживавшей в Бразилии, привез футбол в Сан-Паулу. В 1896 году сын венгерских иммигрантов в Англии поехал к родне и продемонстрировал футбол в Венгрии. Похожая история может быть рассказана еще о дюжине видов спорта — от регби до бадминтона. Мы можем ощутить мощь британской модели, заметив, что Гамбургский спортклуб, организованный в 1880 году, учредил забеги на английских дистанциях, а также увидим, что самые известные французские спортивные клубы обычно получали английские имена, как *Le Racing club de France* (1880).

Восприимчивость к органичной экспансии современного спорта является показателем промышленного развития нации. Несмотря на исторические несостыковки и другие недостатки подобной точки зрения, остается показательной корреляция распространения современных спортивных организаций с развитием капитализма. Согласно исследованию В. В. Ростова «Этапы экономического роста» (1960), первыми пятью государствами, вошедшими в период устойчивого экономического роста, стали Великобритания, Франция, Соединенные Штаты, Германия и Швеция. Таблица 3.1 наглядно демонстрирует, что первые промышленные государства первыми учредили современные национальные спортивные организации, причем примерно в том же порядке[8]. Сосредоточившись

8. Идея этой таблицы позаимствована из: *McIntosh P. C.* Sport in Society. L.: C. A. Watts, 1963. P. 63, 85. Интерес к данным исследования Ростова актуализирован работой: *Ibrahim H.* Sport and Society. Long Beach, CA: Hwong Publishing Co., 1975. P. 117.

ТАБЛИЦА 3.1. Распространение современного спорта (по дате организации)

	Англия	США	Франция	Германия	Швеция
Футбольная ассоциация	1863	1913	1919	1900	1904
Любительская ассоциация пловцов	1869	1878	1889	1886	1904
Союз велосипедистов	1878	1881	1881	1884	1900
Столичная ассоциация гребли	1879	1872	1890	1883	1904
Любительская атлетическая ассоциация	1880	1888	1887	1891	1895
Ассоциация тенниса на траве	1888	1881	1889	1902	1906

на национальных организациях, я стараюсь минимизировать неточности, вызванные такими факторами, как организованный группой британских бизнесменов единственный в стране футбольный клуб, который никак не связан с характером местного традиционного спорта. Если посчитать коэффициент конкордации Кендалла, который составит 1,0 в случае последовательности Англия — Америка — Франция — Германия — Швеция и составит 0 в случае обратной последовательности, то коэффициент конкордации достаточно высок (0,637), что явно показывает связь между темпом индустриализации и распространением современного спорта[9].

9. О коэффициенте конкордации см.: *Ferguson G.A.* Statistical Analysis in Psychology and Education. 3rd ed. N.Y.: McGraw-Hill, 1971. P. 312–314.

В начале XIX века современный спорт — как и капитализм — был прогрессивной силой, более демократичной, чем вытесненный им средневековый спорт. Однако развитие промышленного капитализма привело к таким формам эксплуатации, которые оказались еще более жестокими, чем феодальные. Возрастает консервативная и реакционная роль спорта. Одним из следствий этого процесса стала повсеместная — за исключением сфер влияния СССР и КНР — интенсивная коммерциализация спорта. Тенденция к преобразованию человеческого поведения в последовательность рыночных сделок превращает спорт в сферу прибыли и убытка. Структура любительского спорта предполагает продажу билетов на школьные игры, а также сбор спонсорской помощи для таких организаций, как *AAU*[10]. Индустрия спортивных товаров и развлечений огромна и сложно устроена. Структура профессионального спорта коммерциализирована в более открытой форме. Корпорации и дельцы владеют командами и используют для получения прибыли налоговые льготы, хотя и продолжают жаловаться на убыточность таких вложений. Высшая бейсбольная лига решением Верховного суда подпадает под специальное освобождение от антимонопольного законодательства, в то время как другие профессиональные командные виды спорта страдают от амортизационных отчислений за игроков, чрезмерных доходов коммерческого телевидения, работы стадионов, дотируемых коррумпированными муниципалитетами, и инструментов внесудебного давления. Что в результате? Подростки продают себя в полурабство за миллионы

---

10. *Amateur Athletic Union* — Любительская лига легкой атлетики. — *Примеч. пер.*

долларов, спортсмены-«любители» получают такие *серые* доходы, что, став профессионалами, жалуются на финансовые потери. А использование запрещенных препаратов сопровождает отчаянное желание выиграть. Картина в целом выглядит отталкивающе[11].

Вдобавок к коммерциализации спорт все чаще тяготеет к милитаризму, национализму и империализму. В 1920-е и 1930-е годы лидеры спортивного движения были готовы к принятию фашизма. Французский романист Анри де Монтерлан написал книги «Олимпийцы» (1920, 1938) и «Греза» (1922), где атлетизм выступал метафорой фашистского мировоззрения. Эдмунд Нойендорф, лидер клуба *Deutsch Turnerschaft*, поздравил Гитлера со вступлением на пост канцлера и заверил его, что члены Немецкого гимнастического общества будут маршировать плечом к плечу с гитлеровскими штурмовиками[12]. Олимпиада 1936 года, прошедшая в Берлине при Гитлере, символизировала союз нацизма и современного спорта. Начиная со Второй мировой войны в Соединенных Штатах и государствах Западной Европы спорт продолжает использоваться как средство заражения масс вирусом милитаризма, национализма и империа-

---

11. Полная документация о коммерциализации взята из немарксистских источников, особенно из: *Durso J.* The All-American Dollar. Boston: Houghton Mifflin: 1971; *Parrish B.* They Call It a Game. N.Y.: DialPress, 1971; *Douglas P.* The Football Industry. L.: George Allen & Unwin, 1973; Government and the Sports Business/R. G. Noll (ed.). Washington: Brookings Institute, 1974; *Davidson G., Libby B.* Breaking the Game Wide Open. N.Y.: Atheneum, 1974; *Gallner Sh. M.* Pro Sports: The Contract Game. N.Y.: Scribner's, 1974.

12. *Dieckert J.* Die Turnerjugendbewegung. Schorndorf: Karl Hofmann 1968. S. 111–116; *Überhorst H.* Edmund Neuendorff. Berlin: Bartels und Wernitz, 1970. S. 69–72.

лизма. По случаю основания Восточногерманской национальной спортивной организации *Deutscher Turn- und Sportbund* (1957) ее президент заявил:

> *DTSB* привносит в спорт социальную демократию и находит себе твердое основание в принципе демократического централизма. В Западной Германии, напротив, демократия попрана. Небольшая группа империалистов и милитаристов управляет большинством народа. И это находит свое отражение в спорте[13].

Через двадцать лет, на новом витке противостояния, глава теоретического журнала спортивных исследований *Theorie und Praxis der Körperkultur* продолжал обличать милитаризм и империализм буржуазного спорта[14].

Финальная стадия исторического развития начинается с появления социализма, который элиминирует отношения эксплуатации между капиталистом и рабочим. После преобразования производственных отношений спорту также, безусловно, предстояло измениться. В Советском Союзе и государствах Восточной Европы спорт продолжает служить средством социализации, но уже в совершенно иных формах. В дополнение к рекреационной функции спорт становится фактором национальной безопасности и экономической производительности. В Советском Союзе существует целая система физической культуры с обязательными упражнениями для дошкольников, секциями в школах и вузах,

---

13. *Reichert R.* Zur Gründung des Deutschen Turn- und Sportbundes // Theorie und Praxis der Körperkultur. 1957. № 6. S. 481–488.

14. См.: *Volkert R.* Zur bürgerlichen Theorie der «Leistungsgesellschaft» und zu dem dieser Gesellschaftstheorie unterstellten Modellcharakter des Sports // Theorie und Praxis der Körperkultur. 1975. № 24. S. 1082–1095.

на заводах и в офисах, регулярными спартакиадами, в которых участвуют десятки миллионов соревнующихся из огромных регионов СССР. Семь уровней спортивных разрядов: от «второго юношеского»[15] до «заслуженного мастера спорта»; передовые достижения в организации множества университетских центров и постоянно растущий контроль государства и партии. Можно отследить идеологическое становление этой системы начиная с III съезда комсомола в октябре 1920 года, когда в присутствии Ленина делегатами была принята следующая резолюция:

> Физическое воспитание молодого поколения является существенным элементом всеобщей системы коммунистического воспитания, нацеленного на появление гармонично развитых личностей, творческих граждан коммунистического общества. Сегодня физическое воспитание имеет также прямые практические цели: (1) подготовка молодежи к труду и (2) подготовка к вооруженной защите советской власти[16].

Согласно этой политической линии министры спорта и туризма агитируют население каждой коммунистической страны поддерживать свою физическую форму посредством зарядки и спорта для подъема уровня производительности и содействия обороноспособности социалистического общества. Важность данного вопроса была закреплена конституционно. Например, согласно статье 18 Конституции Германской Демократической Республики, «физическая культура (*Körperkultur*), спорт

---

15. Самым низшим в СССР был III юношеский разряд. — *Примеч. пер.*

16. Цит. по: *Riordan J.* Marx, Lenin, and Physical Culture // Journal of Sport History. 1976. Vol. 3. P. 159.

и туризм — элементы социалистической культуры и, более того, всестороннего духовного и физического развития граждан»[17]. Не такой официальной, но едва ли менее значимой задачей было соперничество с атлетами капиталистических государств ради демонстрации превосходства социалистического образа жизни.

При социализме спорт стал доступен, как никогда прежде, людям обоего пола, любой расы и класса. «Всеобщий спорт, — пишет ведущий польский социолог, — требует уничтожения всех социальных разделений. <...> Спорт предполагает упразднение любой социальной, национальной и расовой дискриминации»[18]. Спорт перестает ассоциироваться с национализмом и империализмом. Он содействует становлению того, что марксисты называют «новым социалистическим человеком»[19]. «Общеизвестно, что Советский Союз успешно решает задачу всестороннего развития человека». Спорт — составляющая этого успеха.

Это краткое изложение объяснения исторического развития современного спорта марксистскими учеными. Прежде вынесения оценки этой интерпретации будет полезно рассмотреть работы неомарксистов.

---

17. Цит. по: *Kramer H. J.* Körpererziehung und Sportunterricht in der DDR. Schorndorf: Karl Hofmann, 1969. S. 29.
18. *Wohl A.* Prognostic Models of Sport in Socialist Countries // International Review of Sport Sociology. 1971. Vol. 6. P. 26; *Idem.* Die gesellschaftlich-historischen Grundlagen des bürgerlichen Sports. S. 181.
19. *Ponomarev N. I.* Free Time and Physical Education // International Review of Sport Sociology. 1966. Vol. 1. P. 167.

Неомарксистская критика

Марксистская интерпретация развития современного спорта начинается с достаточно объективного анализа и кончается острой полемикой. Чем ближе эта дискуссия подходит к нашим дням, тем менее скучной и более страстной она становится. Неомарксистская критика начинается с фундаментального сомнения в западном спорте, которое было присуще марксистским ученым, и расширяет эту критическую позицию до всестороннего обличения и неприятия не только извращенного капиталистического спорта, но и самой идеи спорта. Если марксистские теоретики обвиняют в пресловутом милитаризме и империализме западногерманский спорт, а американские радикалы, такие как Джек Скотт и Гарри Эдвардс, обличают авторитаризм и расизм спортивного истеблишмента Соединенных Штатов, то неомарксисты еще более радикальны. Они отвергают не только недостатки в работе, но и институт как таковой. Они считают, что спорт в своей *идеальной* форме, в которой его описывают тренеры, преподаватели физкультуры и администраторы, является извращением человеческого духа.

Теоретические истоки неомарксизма отчасти восходят к Марксу, особенно к ранним, более философичным работам, и к Фрейду, чья теория бессознательного оказывается необходимым элементом для утверждения о том, что рабочие (или спортсмены), которые кажутся удовлетворенными своим *status quo,* являются жертвами «ложного сознания», то есть не сознают свои интересы. Институционально неомарксизм расцветает в 1920-е во франкфуртском *Institut für Sozialforschung*, где

плодотворно сотрудничали Теодор Адорно, Макс Хоркхаймер и Герберт Маркузе. Хотя никто из лидеров довоенного неомарксизма не посвятил целой книги феномену спорта, фрагменты работ Адорно «Призмы» (*Prismen*, 1955) и «Воспитание в духе зрелости» (*Erziehung zur Mündigkeit*, 1970) стали важным стимулом для Беро Ригауэра, Герхарда Винная, Жана-Мари Брома и других представителей неомарксистской критики спорта, которая появилась во Франции и Германии в 1960-е.

Как и в предыдущем параграфе, важно понять неомарксистскую позицию прежде, чем ее оценивать. Вновь я буду обобщать чужую точку зрения, оставляя свою критику на потом.

Из семи характерных черт современного спорта неомарксисты готовы принять только первые две — секулярность и равенство. Уже специализация представляется им истоком зла. Посмотрим, к примеру, на филд-голкипера в американском футболе. Есть ли более абсурдный символ специализации в современном спорте? Это спортсмен или персонаж Чарли Чаплина? Воплощение тезы «в здоровом теле — здоровый дух»? Чувствует ли он всплеск животного удовольствия, когда его нога прикасается к мячу и его пятисекундное участие в игре заканчивается? Рассмотрим также собранность, которая необходима, чтобы стать лучшим в мире прыгуном в высоту или метателем молота. Пронаблюдаем месяцы и годы жестких тренировок, ограничений, самодисциплины, аскетизма и культивации одностороннего развития. В чем разница между прыгуном или метателем молота и рабочим у конвейерной линии? В «Немецкой идеологии» (1845–1846) Маркс писал о целостном человеке и его всесторонней способности к бесконечному числу вариаций деятельности:

> Дело в том, что как только начинается разделение труда, у каждого появляется какой-нибудь определенный, исключительный круг деятельности, который ему навязывается и из которого он не может выйти: он — охотник, рыбак или пастух или же критический критик и должен оставаться таковым, если не хочет лишиться средств к жизни, — тогда как в коммунистическом обществе, где никто не ограничен каким-нибудь исключительным кругом деятельности, а каждый может совершенствоваться в любой отрасли, общество регулирует все производство и именно поэтому создает для меня возможность делать сегодня одно, а завтра — другое, утром охотиться, после полудня ловить рыбу, вечером заниматься скотоводством, после ужина предаваться критике, — как моей душе угодно, — не делая меня, в силу этого, охотником, рыбаком, пастухом или критиком[20].

Неомарксисты расширяют список ограниченных идентичностей: охотник, рыбак, пастух, критик, спринтер, левый защитник, второй питчер, вратарь.

Из-за специализации человек становится механическим, атлет превращается в шестеренку спортивной машинерии. «Чемпион, — пишет французский критик, — создан по образцу рабочего, а трек — по образцу фабрики. Действия атлета стали формой производства и перенимают все особенности производства промышленного»[21]. Немецкий ученый придерживается схожей точки зрения: «Человек стал такой же заменимой деталью на игровом поле, как в офисе и на фабрике. Человек становится своего рода машиной, и его телодвиже-

---

20. Die Frühschriften / S. Landshut (Hrsg.). Stuttgart: Alfred Kröner, 1971. S. 361.

21. *Laguillaumie P.* Pourune Critique fondamentale du Sport // Sport, culture, et repression / G. Berthaudetal (ed.). P.: Francois Maspero, 1972. P. 41.

ния, контролируемые приборами, становятся механическими»[22]. Конечным результатом специализации парадоксально становится механическое совершенство при отсутствии таких человеческих качеств, которые могли бы препятствовать взаимозаменяемости.

Рационализация спорта также несовместима со спонтанностью и креативностью. Нет современного вида спорта без систематизированных правил. Но почему мы не можем играть, как хотим, в той манере, которую сами выберем? Ограниченность правилами делает современный спорт атлетическим эквивалентом раскраски с заданными контурами рисунка.

Подавление спонтанных импульсов в «Homo Ludens» — это еще не рационализация. Буржуазные теоретики гордятся тем, что спорт утверждает модель *fair play* через соблюдение правил. Неомарксисты утверждают, что социальные нормы являются эксплуататорскими, весьма несправедливыми и безнравственными. Спорт помогает социально адаптироваться к принятым нормам, которые по сути несправедливы. Заставляет ошибочно полагать, что справедливостью можно пренебречь при условии, что игра чистая. «Индивид вынужден следовать „правилам игры", на которые он не может повлиять и которые консервируют привилегии правящего класса»[23]. Истинной задачей является осознание классовой природы социальных правил. Это рациональные пути достижения иррациональной цели: сохранения репрессивной власти капиталистического класса.

---

22. *Vinnai G.* Op. cit. S. 17–18.
23. *Böhme J.-O., Gadow J., Cüldenpfennig S., Jensen J., Pfister R.* Sport im Spätkapitalismus. 2. Aufl. Fr.a.M.: Limpert, 1974. S. 47.

Бюрократическая организация? От самой этой фразы несет антигуманизмом. Атлеты становятся беспомощными пешками властной структуры, состоящей из бывших спортсменов, правительственных чиновников или преуспевающих бизнесменов, у которых есть интересы (часто связанные с получением прибыли) в спорте. Решения принимаются авторитарно, причем чиновники не обязаны перед кем-либо отчитываться, в том числе перед атлетами, чьими жизнями они хладнокровно распоряжаются. Указы издаются без дискуссий и права на обжалование. «Отдельный спортсмен превращается в объект отчужденного централизованного администрирования»[24]. AAU и NCAA[25] борются за власть, а беспомощный спортсмен обнаруживает себя дисквалифицированным, временно отстраненным, униженным.

Квантификация? Живой, простой и уникальный человек, прославленный Уитменом, о котором писали Вордсворт и немецкие романтики, исчезает в числовой абстракции. «Во всех человеческих отношениях, на всех уровнях социальной жизни капитализм порождает квантификацию»[26]. В капиталистическом обществе человеческая индивидуальность обращается в зарплату, серийный номер, посредственность. Невзирая на элегантную риторику о том, что во время игры на числа внимания не обращают, зритель поглощен беспрестанным поиском квантификаций. Не остается времени на мысли о грации, нет места для чистой игры, нет

---

24. *Vinnai G.* Op. cit. S. 39.
25. National Collegiate Athletic Association — Национальная ассоциация студенческого спорта (США и Канада). — *Примеч. пер.*
26. *Brohm J.-M.* Sociologie politique du sport // Sport, culture, et repression. P. 23.

шанса на реакцию кинестетического чувства от физического избытка. Явление отчуждения, в котором исчезает рабочий, превращаясь в фетиш произведенного им товара, может быть выявлено еще более четко, когда личность спортсмена исчезает в абстракции и становится человеком-десяти-секунд или бьющим-на-триста. Джимми Браун, безусловно один из величайших футбольных фулбэков, доказывает это своим признанием: «Я установил больше дюжины рекордов, а сам в результате превратился в статистику»[27].

Крайней формой проявления этой тенденции является, как мы уже заметили, акцент на рекорде, наиболее репрессивной форме квантификации. Фетиш достижения — это уже не удовлетворение от победы в соревновании. В капиталистическом обществе даже победитель забега становится проигравшим, когда его время разочаровывает толпу. Чем были бы Олимпиада или Суперкубок без урожая рекордов? Стремление к рекордам становится двигателем все более интенсивной специализации, более длительных, тяжелых, изматывающих тренировок. В результате почти каждый, за исключением небольшого числа спортсменов, устанавливающих (иногда) рекорды, остается с чувством фрустрации и провала.

К марксистской критике капиталистического спорта и отталкивающих особенностей современного спорта последователи Адорно и Маркузе добавляют специфические обличения скрытых функций спорта. Главное обвинение касается того, что спорт создан для сексуальной сублимации. Спорт высвобождает сексуальные импульсы через агрес-

---

27. *Brown J., Cope M.* Off My Chest. Garden City: Doubleday, 1964. P. 63.

сию. Если бы эти импульсы оставались подавленными, они могли бы вырваться в форме политической революции, которой капитализм избегает ради самосохранения. Репрессия сексуальности, согласно Маркузе, есть необходимая часть капитализма, а спорт становится предохранительным клапаном, когда репрессия чрезмерна. Спорт впитывает репрессированную сексуальную энергию, которая по каким-то причинам не может быть с выгодой использована экономической системой. Через психологический механизм идентификации зритель участвует в сублимации, которую получают игроки на поле.

Важно точно определить форму этой сублимации. Репрессия сексуальности продуцирует агрессию, и эта агрессия выпускается через спорт. Агрессия, которая в ином случае могла бы дестабилизировать всю систему политического контроля. «Агрессия, производная от репрессии сексуальности, таким образом, может выйти (*kompensiert*) через спортивные достижения и состязания»[28]. К сожалению, трансформация сексуальных энергий в физическую агрессивность несовершенна. Сексуальность проявляется в спорте, но только в перверсивных формах садизма, мазохизма, нарциссизма и гомосексуализма.

> Эротическая жизнь спортсменов демонстрирует шизофренические странности; в своих физиологических аспектах она гетеросексуальна, но в своих психических проявлениях связана с детскими эротическими склонностями, включая гомосексуальные[29].

---

28. *Böhme J.-O., Gadow J., Cüldenpfennig S., Jensen J., Pfister R.* Op. cit. S. 37.
29. *Vinnai G.* Op. cit. S. 65.

Жена спортсмена может утолять его похоть, но объекты его любви — товарищи по команде. Американский футбол, согласно Полю Хоху,— «главный псевдомаскулинный ритуал Америки», ироничная, неосознанная демонстрация той крайней извращенности, которую спортсмены и зрители наиболее презирают[30].

Обобщая вышесказанное, спорт — это «искаженная капитализмом форма игры»[31]. Спорт — не бегство из мира труда, но, скорее, четко структурированная и функциональная копия этого мира. Спорт не компенсирует фрустрации, вызванной отчуждением труда в капиталистическом обществе, он заманивает незадачливого спортсмена или зрителя во вторичный мир работы, более авторитарный и репрессивный и менее различимый, чем сама экономическая сфера. Капиталистическое общество по своей сути ориентировано на высокие достижения и соревнование, а спорт оказывается чистой моделью такого общества. Вот что не так со спортом. Общество нуждается не в большем напряжении для достижений, а в свободе от бесконечной погони за рекордом и от «бесчеловечного абсурда воли к победе»[32]. Обществу нужна игра, а не спорт, не «принцип реальности» (*Realitätsprinzip*), а «принцип удовольствия» (*Lustprinzip*). Спорт репрессирует, игра эмансипирует. При коммунизме спорт исчезнет, а игра по праву займет его место.

---

30. *Hoch P.* Rip off the Big Game. N.Y.: Doubleday — Anchor Books, 1972. P. 154.
31. *Prokop U.* Soziologie der Olympischen Spiele. Munich: Hanser. P. 21.
32. *Brohm J.-M.* Critiques du sport. P.: Christian Bourgeois,1976. P. 23.

Критикуя критику

Я бы никогда не начал эту работу без уверенности в том, что существует взаимосвязь между спортом и обществом. Вопрос заключается в том, каков тип этой взаимосвязи. Один из способов ответить на него — исследовать характеристики современного спорта и продемонстрировать, что они в значительной степени являются характеристиками и современного общества — в том виде, как его описали Макс Вебер и Толкотт Парсонс. Что мы и предприняли во второй главе. Иной способ ответить — рассмотреть исторический процесс развертывания современного спорта из народных игр и аристократического спорта Средних веков. Марксисты и неомарксисты согласны в том, что эволюция современного спорта может быть объяснена развитием промышленного капитализма. При поддержке того неоспоримого факта, что Англия стала родиной и современного спорта, и промышленной революции, эта теория весьма привлекательна, но я готов отстаивать и альтернативное объяснение. Важно, однако, что мы не можем *полностью* принять марксистскую и неомарксистскую интерпретации.

Марксистское утверждение о том, что природа спорта детерминирована способами производства, неубедительна. Несмотря на обилие детализированной информации, этот анализ все еще не проясняет суть отношений между данным спортом и данной экономической системой. Схватка двух вооруженных рыцарей на лошадях была бесспорным элементом феодального порядка, но тип производства был по сути дела аграрным, каким он был задолго до этого и сохранится после. Так как аграрная экономика сохранялась и до, и после это-

го вида спорта, связь между поединками и сельскохозяйственным трудом вызывает сомнения. Если подтверждается, что турниры и поединки — это военные упражнения, непосредственно связанные со статусом правящего класса, который господствует за счет прямой физической силы, тогда объяснение смещается из области экономики в область политики и войны. Поворот аргументации приводит и к иным проблемам. Если политические цели правящего класса — ключ к объяснению различных видов спорта в средневековом обществе, следует задаться вопросом: почему английский правящий класс упорно настаивал на том, что стрельба из лука — спорт, предпочтительный для йоменов? Было ли благоразумно поощрять развитие среди неимущих боевых навыков, которые могли положить конец превосходству конных рыцарей?

Еще более неясной и менее убедительной оказывается аргументация, отталкивающаяся от специфики видов спорта, которыми занимаются в современном мире. Генерализации можно проверить конкретным вопросом. Как действительно связаны промышленный капитализм и футбол? Саму игру можно обнаружить и в Средние века. Сейчас ее популярность в тех странах, которые остались преимущественно аграрными, не меньше, чем в промышленно развитых странах Европы. Она популярна в Польше, Чехословакии и других коммунистических странах, в которых действительно развита промышленность, но которые едва ли можно назвать капиталистическими. Если игра в футбол в силу своей структуры содействует эксплуатации рабочего класса, почему спортсмены-энтузиасты из Советского Союза свободны от эксплуатации, в отличие от игроков из Сан-Паулу и Ливерпуля? Если утверждается, что важен именно социальный

контекст, создающий различие, тогда важен сам контекст, а не вид спорта. Гуманное общество делает гуманными все виды спорта. Признать это — значит отбросить тезис о том, что различные виды спорта являются отражением различных типов производства.

Схожим образом современные исследования степени участия дают статистическое подтверждение разумному замечанию, согласно которому виды спорта варьируются от одного социального класса к другому[33]. Можно пойти дальше, подтвердив тот факт, что футбол действительно популярнее у фабричных рабочих, чем среди служащих, в то время как противоположное соотношение имеет место в случае крикета, но это не объясняет необходимость связи между этими корреляциями и обучением игроков управлять и подчиняться. Если в американском футболе есть что-то, помогающее игрокам мириться со своей нелегкой долей, то почему эта игра была популярна в Гарварде, Йеле и Принстоне в то время, когда практически была неизвестна рабочему классу? И после основания Национальной футбольной лиги в 1920 году американский футбол остается типично школьным видом, более популярным среди менеджеров и администраторов, чем среди рабочих[34]. Если эта игра прививает

---

33. Среди лучших исследований: *Loy J. W.* Social Origins and Occupational Mobility Patterns of a Selected Sample of American Athletes // International Review of Sport Sociology. 1972. Vol. 7. P. 5–23; *Lüschen G.* Social Stratification and Social Mobility among Young Sportsmen // Sport, Culture, and Society / J. W. Loy, G. S. Kenyon (eds.). N.Y.: Macmillan, 1969. P. 258–276; *Eggleston J.* Secondary Schools and Oxbridge Blues // British Journal of Sociology. September 1965. Vol. 16. № 3. P. 232–242.

34. См.: *Gallup G. H.* The Gallup Poll: In 3 vols. N.Y.: Random House, 1972. Vol. 3. P. 1699–1700.

раболепие и послушание, правящий класс во главе с Ричардом Никсоном сам себя приносит в жертву. Марксистская и неомарксистская интерпретация ценностей, транслируемая через отдельные виды спорта, является продуктом идеологии, а не результатом тщательного анализа.

В равной степени неубедительным оказывается и заявление о том, что западный спорт является школой национализма и империализма. Если и в самом деле американские или итальянские атлеты и спортивные администраторы более милитаристски и националистически настроены, чем их коллеги с Кубы или из Югославии, то объяснение этого должно лежать в иной плоскости, не касаясь видов спорта, являющихся по сути одними и теми же. Конечно, теоретически возможно, что спортсменов на Западе заставляют принимать недемократические ценности, в то время как на Востоке поддерживается противоположное направление. Но значительные эмпирические данные приводят к выводу, что милитаризм и национализм намного сильнее связаны со спортом в коммунистических странах.

Пока армия Соединенных Штатов и армии Западной Европы включают спорт в программу досуга, организация спорта в Советском Союзе и у его союзников часто имеет явный военный уклон. Двенадцать «дружественных армий» Варшавского договора состязаются в спорте так же, как и солдаты НАТО[35]. Гражданские лица изучают военное дело вместе со спортивными упражнениями. Мотоциклисты в спортклубах Советского Союза учатся водить быстро и хорошо, а также ездить «в противогазах, метая гранаты и стреляя — и все это верхом на мо-

35. *Keßler H.* Die 1. Sommerspartakiade der befreundeten Armeen... // Theorie und Praxis der Körperkultur. 1958. № 7. S. 758–763.

тоцикле»[36]. Русские награждают знаком ГТО («Готов к труду и обороне») за физическую подготовку по восьми дисциплинам. Шесть из них — вполне мирные, но вот седьмая называется стрелковой подготовкой, а восьмая дается на выбор: можно метать диск, копье, ядро или ручную гранату[37]. Пока критики американского спорта, говоря о футболе, используют такие метафоры, как «долгая бомба», китайский спорт включает стрельбу, бег по пересеченной местности, штыковой бой, метание гранат, прыжки с парашютом, противовоздушную оборону — и это все среди гражданского населения[38]. В 1960-е годы в Восточной Германии награждали значком «туристического» пентатлона детей 12–14 лет. Пятью видами, составлявшими пентатлон, были: спортивное ориентирование (8 км), бег по пересеченной местности, метание биты в цель, заплыв на длинную дистанцию, стрельба из пневматической винтовки[39]. В своей речи восточногерманский министр образования напомнил своей аудитории:

> Неслучайно Фридрих Энгельс большое значение придавал военной подготовке молодежи посредством гимнастических упражнений. До сих пор мы недооцениваем начальную военную подготовку. Нужно преодолеть педагогический пацифизм на уроках физкультуры. Эти уроки должны стать частью боевой подготовки нашей молодежи[40].

---

36. *Morton H.* Soviet Sport: School for Communism. PhD thesis. Columbia University, 1959. P. 273.
37. *Sendlak S.* Leibesübungen und Sport in der Soviet Union // Geschichteder Leibesübungen. Vol. 4. S. 114–115.
38. См.: *Kolatch J.* Sports, Politics, and Ideology in China. Middle Village, NY: Jonathan David, 1972. P. 148–164.
39. *Kramer H. J.* Op. cit. S. 55.
40. *Martin D.* Schulsport in Deutschland. Schorndorf: Karl Hofmann, 1972. S. 88.

Наконец, спортсмены из коммунистических стран скорее, нежели их западные коллеги, согласятся с тем, что они бьются за свою родину. Китайцы приписывают свои достижения идеям председателя Мао, восточные немцы — модели Вальтера Ульбрихта, кубинцы — образцовому руководству Фиделя Кастро. По словам восточногерманского «мастера спорта», «главным и наиболее замечательным аспектом спорта высших достижений (*Leistungssport*) является возможность представлять свою страну на национальных или интернациональных соревнованиях»[41]. Вполне естественно, что в материалах прессы в коммунистических странах много информации о международных соревнованиях и успехах коммунистических спортсменов[42]. Принимая во внимание акцентирование коммунистами на символической социальной значимости спортивного превосходства над капиталистическими странами, такая позиция неудивительна.

Обвинение западных стран в милитаристской и националистической организации спорта не следует принимать всерьез. Но есть иное обвинение, истину которого нужно допустить. Западный спорт, особенно американский, предельно коммерциализирован. Тем, что делает в Советском Союзе или Болгарии государство, а в Западной Германии или во Франции — частные клубы, в Соединенных Штатах занимаются сразу и школы, и частные корпорации. Граница между «серьезным» школьным спортом и открытыми профессиональными спортивными лигами часто довольно размыта, труд-

---

41. *Weber-Dempe S.* Die Frau als Leistungssportlerin // Theorie und Praxis der Körperkultur. 1955. № 4. S. 820.

42. См., напр.: *Denz D. et al.* Zur Entwicklung von Körperkultur und Sport in der DDR // Theorie und Praxis der Körperkultur. 1974. № 13. S. 589–601.

норазличима для иностранца и невозможна для соблюдения NCAA. Однако не стоит ошибочно предполагать, что лишь коммерциализация ответственна за все болезни современного спорта. Но есть много проблем, связанных с ней: чрезмерные расходы на инфраструктуру, ограничивающие доступ к ней, прерывание телетрансляций на рекламу, манипуляции с расписанием, чтобы привести его в соответствие с прайм-таймом. Большинством недугов современного спорта, однако, заражены все современные общества, поэтому нельзя связывать эти недуги только с коммерциализацией: чрезмерный интерес к победе, мошенничество, использование допинга, тренировка маленьких детей для участия в высокосоревновательных видах, стремление превратить игру в соревнование.

Это возвращает нас к фундаментальному утверждению, сделанному во второй главе[43]: характерные черты современного спорта сущностно неизменны во всех современных обществах, будь то общество либеральное, социалистическое или коммунистическое. Различия все же существуют, но они незначительны по сравнению с отличием современного спорта от первобытного, античного и средневекового. Этот факт серьезно ослабляет неомарксистскую критику. Действительно, для американского и французского спорта характерен высокий уровень квантификации, но этот социальный факт не объяснить только ссылкой на капитализм, раз столь же — если не более — высокий уровень квантификации существует в Польше и Советском Союзе. Бюрократическая организация действительно управляет состязательным спортом Западной Германии,

43. См.: Настоящее издание. Глава 2. От ритуала к рекорду. С. 34–103.

но мы должны отнестись с большим скептицизмом к утверждению ведущего восточногерманского социолога: «Фундаментальный принцип социалистической демократии — самостоятельная разработка, обсуждение, согласование спортсменами планов и направлений дальнейшего развития спортивных показателей»[44]. Может быть, это и фундаментальный принцип, но вот принцип «демократического централизма» сделал нынешний спорт на практике более бюрократизованным, чем в Западной Европе, и капитализм не может быть причиной этого. Западный спорт на самом деле институализирует принцип достижения, часто доводя его до крайности, но достижение оказывается гордым слоганом и коммунистических государств: «Повсюду в нашей социальной жизни возрастает значение принципа достижения. <...> Спорт высоких достижений отражает гуманистический характер нашей социалистической физической культуры»[45]. Если капитализм в большей степени несет ответственность за стресс от соревнований, тогда марксизм мог бы найти более адекватную им замену. В незначительной степени известная на Западе спортивная психология Восточной Европы, связанная с научным исследованием мотивации, сама мотивирована сильным желанием увеличить уровень спортивных достижений[46].

---

44. *Erbach G.* Physical Culture and Sport in the Social Planning Process//Sport in the Modern World/Ommo Grupe (ed.). Berlin: Springer Verlag, 1973.

45. *Kunath P.* Persönlichkeitsentwicklung und Sport//*Theorie und Praxis der Körperkultur*. 1968. №17. S. 596; *Gras F.* About the Way of Life and Development of Personality of Competitive Sportsmen//International Review for the Sociology of Sport. 1976. Vol. 11. №1. P. 77–81.

46. См.: *Smieskol H.* Sportpsychologie in den sozialistischen Ländern

Неудивительно тогда, что западногерманские неомарксисты охотнее направляют свой критический пыл на Запад, чем на специализацию, рационализацию, бюрократизацию, квантификацию и достижительность коммунистических стран. Их теоретическая модель просто не может вместить институциональные реалии коммунизма. Это окончательно подтверждает реакция марксистов на неомарксизм. Коммунистические ученые отрекаются от всей неомарксистской критики спорта с таким же раздражением, какое Ленин проявил к «инфантильному левому уклону». Они называют неомарксистов «леворадикальными троцкистами», работы которых содержат «политическое пристрастие и ошибки, исходящие из антимарксистских и антиленинских базовых допущений»[47]. В то же время французские неомарксисты, следуя своей логике аргументации, без колебаний приходят к выводу о том, что коммунистический спорт почти так же плох, как капиталистический. Они устроили разнос Французской коммунистической партии за ее преклонение перед ересью современного спорта. ФКП находит слова для самозащиты. Котел идеологии кипит[48].

То, что Советский Союз невозможно исключить из сколько-нибудь рациональной критики современного спорта, тем не менее не означает, что современный спорт нельзя рационально критиковать.

Europas//Sport im Blickpunkt der Wissenschaften/H. Baitsch (ed.). Berlin: Springer Verlag, 1972. S. 160–172.

47. Цит. по: *Schmitz J.N.* Sport und Leibeserziehung zwischen Spätkapitalismus und Frühsozialismus. Schomdorf: Karl Hofmann, 1974. P. 21–23.

48. См.: *Brohm J.-M.* Une Politique ouvrière: le PCF et la collaboration de classe // Sport, culture et repression. P. 141–169; *Hermier G., Passevant R., Zilbermann M.* Le Sport en questions. P.: Éditions sociales, 1976.

Одно дело сказать, что неомарксисты ошибаются, ссылаясь при объяснении всех злоупотреблений на капитализм, и совсем другое — сказать, что проблем нет. Вопрос в том, являются ли ошибки выражением извращений современного спорта или они сущностно принадлежат этому феномену. Является ли спорт проклятием современности? Отчуждает ли он атлета от продуктов его труда? Является ли он формой сексуальной сублимации?

Когда мы перемещаемся из мира забав и несостязательных игр в мир соревнований, мы совершаем важный переход, пересекаем своего рода игровой Рубикон. В совместной японской игре в мяч *kemari*[49] нет ни победителей, ни побежденных, а современный спорт по определению организован так, чтобы произвести итог победа/поражение. Ничьи возможны, но общеспортивная тенденция современности — их исключение через дополнительные подачи в бейсболе, добавленное время, переигровки и некоторые приборы, которые кладут конец двусмысленности. Из психологической тяги к победе произрастают тысячи проблем. Вот корни того, что психиатр Арнольд Бейссер называет «спортивным бешенством»[50]: желание победить любой ценой, которое разъедает простое удовольствие от игры и в конце концов приводит к запрещенному насилию и использованию допинга. Когда восьмилетние хоккеисты выходят на лед и начинают приводить в действие план по «выведению из строя» звезды команды-оппонента, ломая ему ногу клюшками, «принцип достижения» явно заходит слишком далеко.

---

49. Традиционная несостязательная японская игра с мячом, напоминающая европейский футбол. — *Примеч. пер.*

50. *Beisser A.* The Madness in Sports. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1967.

Допустим, все так и есть. Давайте отметим также, что ко всему этому приводит структура современного спорта, но поражение половины участников состязаний неизбежно. А в лигах и чемпионатах пропорция проигравших с необходимостью возрастает. Когда олимпийская гонка выиграна, победителю вручают золотую медаль, а все остальные проигрывают. Но проигравшие живут дальше со своим разочарованием. Они цитируют слова Пьера де Кубертена о победе и участии. Если мы не предполагаем, что спортивная выдержка — это полное лицемерие, мы должны заключить, что победа — не всегда самое главное. Другими словами, должен быть такой психологический механизм, который позволяет всем нам переживать поражение и жить с тем фактом, что не каждому дано стать лучшим. Если стресс от спортивной победы всегда деструктивен, особенно когда в игру вовлечены дети, тогда, быть может, спорт — важный способ нашей социализации в мире, где разочарование и фрустрация неизбежны. Я не стремлюсь перехваливать «хорошего лузера» из викторианской проповеди, но я настаиваю, что победитель не может быть единственным, кто извлекает пользу из соревнования. Поражение слишком распространено, чтобы быть таким деструктивным, как утверждают.

Точно так же заявление об отчуждении в спорте гиперболизированы. На тезис о том, что современный спорт отчуждает атлета от самого себя, Ханс Ленк отвечает, что отчуждения в спорте меньше, чем где-либо еще в современном мире. Спорт остается подклассом области свободы, в которой спортсмен выбирает: участвовать или нет. Именно в этом свободно выбираемом мире спорта можно отождествиться с «продуктом своего труда», то есть со своими достижениями как спортсмена. Спортивные

достижения дают чувство цельности, недоступное где-либо еще. Здесь, как в искусстве, покоряются дисциплине, которая освобождает. «Спортивное достижение — однозначно собственное, в отличие от достижений конвейерного производства»[51]. В пространстве спорта собственные достижения доступны всем, в отличие от физики, каждый спортсмен может добиться признания вне круга специалистов. Спортсмен — это тот, кто (в терминологии Ирвинга Гоффмана) способен «подарить себя другим»[52].

Предполагаемое «отмирание индивидуальности» в рамках абстракции рекорда тоже преувеличение. Если спортсмен не является яркой личностью, скорее всего, верно, что момент его славы будет длиться ровно столько, сколько актуален его

---

51. *Lenk H.* Leistungssport in der Erfolgsgesellschaft // Leistungssport in der Erfolgsgesellschaft / F. Grube, G. Richter (Hg.). Hamburg: Hoffmann & Campe, 1973. S. 21. См. также: Idem. Sport, Arbeit, Leistungszwang // Leistungssport. 1971. H. 1. P. 63–70; Idem. Notizen zur Rolle des Sports und der Leistungsmotivation in einer künftigen Gesellschaft // Die Leibeserziehung. 1971. 20. S. 82–87; Idem. Leistungssport: Ideologie oder Mythos? Stuttgart: Kohlhammer, 1972; Idem. «Manipulation» oder «Emanzipation» im Leistungssport // Sportwissenschaft. 1973. 3. Jg. S. 9–40; Idem. Sozialphilosophie des Leistungshandelns. Stuttgart: Kohlhammer, 1976; *Slusher H. S.* Man, Sport and Existence. Philadelphia: Lea & Febiger, 1967; *Boutron M.* La grande Fete du sport. P.: Andre Bonne, 1970; *Vander Zwaag H. J.* Toward a Philosophy of Sport. Reading: Addison-Wesley, 1972; *Adam K.* Leistungssport: Sinn und Unsinn. Munich: Nymphenburger Verlagshandlung, 1975.

52. См.: *Plessner H.* Die Funktion des Sports in der industriellen Gesellschaft // Leibeserziehung und Sport in der Modemen Gesellschaft / G. Klahn (Hg.). Weinheim: Julius Beltz, 1961. S. 18–32; *Gebauer G.* «Leistung» als Aktion und Prasentation // Philosophie des Sports / H. Lenk, S. Moser, E. Beyer (Hg.). Schorndorf: Karl Hofmann, 1973. S. 42–66; *Graf von Krockow Ch.* Selbst-Bewußtsein, Entfremdung, Leistungssport // Sportwissenschaft. 1974. 4. Jg. S. 9–20.

рекорд. Но верно и то, что признание, полученное этой личностью, было недостижимо для нее в другом месте. Мимолетная слава лучше бесславности. Более того, нельзя отрицать, что популярность многих атлетов не снижается, даже если их достижения оказываются превзойдены. Ганс Ленк задается вопросом: «Рекорды Нурми, или Запотека, или Уильяма Рудольфа были побиты и забыты, но разве исчезли имена и образы личностей вместе с рекордами?»[53] Совершенно очевидно, что нет. Имена Джима Торпа, Бейба Рута и Биг Билла Тилдена не сохраняются так долго в памяти, как Милона из Кротона и Фиогена с Тасоса, но связь между рекордом и личностью явно надумана.

Если принять, что мужчины и женщины настолько обманываются «ложным сознанием», что полностью теряют осознание своих эмоций, нам нужно обратить внимание на то, что люди говорят о своем спортивном опыте. Отнесемся с подозрением к опубликованным биографиям и автобиографиям известных спортсменов, большинство из которых пропитано восторгом от мира спорта. Обратим внимание на тщательно собранные свидетельства в феноменологической работе Мишеля Буэ «Мотивировка спортсменов» (1969) и серьезное эмпирическое исследование Хартмута Габлера, чей количественный анализ плавания входит в число наиболее исчерпывающих исследований, которые предпринимались когда-либо[54]. Результаты ясны. Из про-

---

53. *Lenk H.* Zu Coubertins Olympischen Elitismus // Sportwissenschaft. 1976. 6. Jg. S. 410.

54. *Bouet M.* Les Motivations des sportifs. P.: Éditions universitaires, 1969; *Gabler H.* Leistungsmotivation im Hochleistungssport. Schorndorf: Karl Hofmann, 1972; Idem. Zur Entwicklung von Persönlichkeitsmerkmalen bei Hochleistungssportlern // Sportwissenschaft. 1976. 6. Jg. S. 247–276.

токолов опроса Буэ, проведенного среди 1634 спортсменов и спортсменок, следует, что спорт является источником «чувства существования», «самоисследования», средством «самореализации», «поиска самовыражения», «самопознания», «нелингвистического общения», «получения признания от других», «доминирования» (Буэ слишком честен, чтобы цензурировать неприятные моменты). Спорт «дает человеку шанс аутентично доказать другим свое существование»[55]. Психологические тесты Габлера менее драматичны, но их достаточно для опровержения обыденного мнения о том, что спортивные достижения связаны с невротичностью[56]. Раз уж мы начали наш поиск природы современного спорта с цитаты Роджера Баннистера[57], который описывает волшебный момент спонтанной игры, можно сослаться на его мнение, сотканное из мнений тысяч других спортсменов, которые пытались сформулировать свои ощущения от спорта. Баннистер старался передать свое эмоциональное состояние, к которому приблизился, впервые пробежав милю за четыре минуты:

> Это был момент, когда радость и страдание смешались, мой разум был ошеломлен. Я быстро мчался, опережая свое тело, направляя его вперед. Я чувствовал, что пришел важнейший момент моей жизни. Боли не было. Было лишь великое единство

---

55. *Bouet M.* Op. cit. P. 45–55.

56. Разумеется, существует расхожее представление о том, что атлеты отличаются бóльшим психологическим здоровьем и находятся в «лучшей форме», чем не атлеты. Габлер в вышеупомянутых работах приходит к обратному выводу о практическом тождестве первых и вторых.

57. См. введение к книге Гуттмана: *Guttmann A.* Capitalism, Protestantism and Modern Sport // From Ritual to Record. P. 1. — *Примеч. пер.*

> движения и цели. Мир казался замершим или несуществующим. Я почувствовал, что получил шанс сделать нечто в высшей степени замечательно. Я поднажал, подгоняемый страхом, смешанным с гордостью[58].

И когда все кончилось, когда огласили время Баннистера, он подхватил своих друзей Брешера и Четуэя. «И вместе мы бросились бежать по треку в порыве спонтанной радости»[59].

Хотя иногда считают, что атлеты немногословны, действительно замечательно, как многие из них пытаются выразить себя в поэтической форме, особенно на страницах таких профессиональных журналов, как *Quest*. В стихах они, как правило, пытаются передать то, что, разумеется, по сути своей невыразимо: удовольствие от физического действия. В своем сборнике стихов «Моя кожа только покрывает меня» (1975) бывшая пловчиха Барбара Лэмблин ярко показывает как удовольствие от спорта, так и деструкцию этого удовольствия из-за чрезмерного стресса от победы.

Барбара Лэмблин не одинока. Многие спортсмены пришли к разочарованию в практике и даже в идеалах современного спорта. Некоторые рассказывали о чувстве униженности и отчуждения[60]. Неомарксисты утверждают, что спортсмены, от-

---

58. *Bannister R.* The Four Minute Mile. N.Y.: Dodd, Mead & Co, 1957. P. 213–214.

59. Ibid. P. 215.

60. См. в особенности: *Meggysey D.* Out of Their League. Berkeley: Ramparts Press, 1970; *«Chip» Oliver R.* High for the Game. N.Y.: William Morrow, 1971; *Shaw G.* Meat on the Hoof. N.Y.: St. Martin's Press, 1972; *Dwertmann Fr.* Sporthilfe: einegemeinnützige Einrichtung // Sport in der Klassengesellschaft / G. Vinnai (ed.). Munich: Fischer Taschenbuch Verlag, 1972. S. 56–81.

крыто признающие чувство отчуждения, пребывают в реальности, а те, что рассказывают о позитивных ощущениях, исходят из «ложного сознания». В конечном счете нет способа разрешить разногласие такого рода. Мы упираемся в такой же тупик на зыбкой почве психоанализа. Что можно ответить на обвинение в том, что репрессированная сексуальная энергия сублимируется в гомосексуальную спортивную агрессию? Как и большинство психоаналитических теорий, интерпретация неомарксистами связи сексуальности и спорта недоступна опровержению. Наверное, лучший ответ в том, что викторианская сексуальная мораль рассматривала спорт как субститут сексуальной активности. Энергичная игра и холодный душ укрощали распаленных юношей. Но современный спорт давно свободен от викторианских взглядов на сексуальность. Любой тренер и учитель физкультуры может публично заявить, а сами спортсмены открыто демонстрируют: гетеросексуальная активность — это дополнительный бонус спортивной жизни. Что Бейб Рут делал скрыто, под защитой морализирующих журналистов, Уилт Чемберлен и «Бродвейский Джо» Намат делают открыто, даже с гордостью. Пусть бегун выразит то, что кажется почти всеобщим мнением: «Спортсмены любят физическую экспрессию, и секс — одна из лучших ее форм»[61]. Такие доказательства преимущественно гетеросексуального поведения неомарксисты встречают обвинением в том, что гетеросексуальность спортсмена не аутентична: «репрессивное косметико-товарное сексуальное псевдовосполнение»[62]. Аргумент пря-

61. *Huey L.* A Running Start: An Athlete, A Woman. N.Y.: Quadrangle, 1976. P. 209.
62. *Hoch P.* Op. cit. P. 199.

мо птолемеевский. На подобное обвинение невозможно отвечать.

По иронии судьбы неомарксистские радикалы не рискуют отстаивать права гомосексуалистов в спорте. Чтобы в этом убедиться, достаточно обратиться к значимому американскому роману Патрисии Нелл Уоррен «Первый бегун» (*The First Runner*). Неомарксисты не находят утешения в книге, которая прославляет одновременно и удовольствие от спорта, и гомосексуальную любовь олимпийского чемпиона со своим тренером.

По крайней мере один аспект неомарксистской критики поддается эмпирической проверке. Аргумент, согласно которому спорт функционирует для отвлечения от политической активности, может быть легко опровергнут. Многочисленные исследования показывают значительную корреляцию активного и пассивного спортивного участия. Тот, кто непосредственно занимается спортом, с большей вероятностью станет зрителем — как на стадионе, так и через СМИ — в отличие от того, кто не занимается[63]. Если активные участники спорта всегда составляют меньшинство народонаселения, это не означает, что большинство зрителей — активные участники. Однако они вероятнее, чем их соотечественники, избегающие роли зрителя, станут участвовать сами. Исследования показывают, что даже в европейском футболе, где соотношение активного и пассивного участия намного ниже, чем во многих других видах спорта, около двух третьих зрителей на стадионе сами являются актив-

---

63. См.: *Bloss H.* Sport and Vocational School Pupils // International Review for the Sociology of Sport. 1970. Vol. 5. P. 25–56; *Hanhart D.* Freizeit und Sport in der industriellen Gesellschaft // Arbeit, Freizeit, und Sport. Bern: Paul Haupt, 1963. S. 13–68.

ными игроками[64]. Еще большее число эмпирических исследований отмечает, что активное участие в спорте положительно коррелирует с рядом иных культурных занятий, в том числе с увлечением политикой[65]. Этот последний пункт особенно важен. Тщательно собранные данные, безусловно, приводят к опровержению обвинения в том, что интерес к спорту «инфантилизирует» или «критинизирует» спортсмена или зрителя.

Можно дискутировать дальше. Если спорт в целом — это репрессия, отчуждение, приводящее к апатии, как считают неомарксисты, тогда нужно согласиться, что правящий класс современного общества решил предаваться отчуждению еще интенсивнее, чем те, кого он больше всего притесняет. Это неопровержимое доказательство, окончательно демонстрирующее, что менеджеры и профессионалы участвуют в спорте чаще, чем рабочие; образованные участвуют чаще, чем необразованные; мужчины чаще женщин[66]. Эти соотношения

---

64. См.: *Andersen H., Bo-Jensen A., Elkaer-Hansen N., Sonne A.* Sports and Games in Denmark in the Light of Sociology//Acta Sociologica. 1956. Vol. 2. P. 1–28; *Rosenmayr L.* Sport as Leisure Activity of Young People//International Review for the Sociology of Sport. 1967. Vol. 2. P. 19–32.

65. См.: *Hanhart D.* Op. cit. P. 13–68; *Jaeggi U., Bosshard R., Siegenthaler J.* Sport und Student. Bern: Paul Haupt, 1963. P. 119–22; *Andersen H., Bo-Jensen A., Elkaer-Hansen N., Sonne A.* Op. cit. P. 1–28; *Grossing S.* Sport der Jugend. Vienna: Verlag fur Jugend und Volk, 1970. P. 26; *Curtis J. E., Milton B. G.* Social Status and the «Active Society»//Canadian Sport/R. S. Gruneau, J. G. Albinson (eds.). Don Mills, ON: Addison-Wesley, 1976. P. 302–29; *Voigt D.* Op. cit. P. 55.

66. См.: *Zürn M.* Tourism and Motor Activit yo Cracow Inhabitants// International Review for the Sociology of Sport. 1973. Vol. 8. № 1. P. 79–92; *Ponornarev N. I.* FreeTime and Physical Education//International Review for the Sociology of Sport. 1966. Vol. 1. P. 167–173; *Robinson J. P.* Time Expenditure on Sports

справедливы в равной степени для коммунистических и некоммунистических стран. Причем они верны в большей степени для высокосостязательных, а не развлекательных видов. Если спорт — это механизм отчуждения, можно лишь согласиться, что обеспеченные люди подвергаются ему в большей степени, чем бедные.

И последний комментарий к неомарксистской критике. Предпочтение игры современному спорту — то, что объединяет «новых левых» с Й. Хей-

---

across Ten Countries // International Review for the Sociology of Sport. 1967. Vol. 2. P. 67–87; *Wohl A.* Engagement in Sports Activity on the Part of Workers // International Review for the Sociology of Sport. 1969. Vol. 4. P. 83–121; *Dumazedier J.* Sport and Sports Activities // International Review for the Sociology of Sport. 1973. Vol. 8. № 2. P. 7–34; *Lopata L.* The Structure of Time and the Share of Physical Education // International Review for the Sociology of Sport. 1968. Vol. 3. P. 17–35; *Takenoshita K.* The Social Structure of the Sport Population in Japan // International Review for the Sociology of Sport. 1967. Vol. 2. P. 5–18; *Prenner K.* Leistungsmotivation im Spitzensport // Die Leibeserziehung. 1971. 20. S. 370–375; *Gruneau R. S.* Sport, Social Differentiation and Social Inequality // Sport and Social Order / J. W. Loy, D. W. Ball (eds.). Reading: Addison-Wesley, 1975. P. 121–184; Idem. Class or Mass // Canadian Sport. P. 108–141; *Krawczyk B.* The Social Role and Participation in Sport // International Review for the Sociology of Sport. 1973. Vol. 8. № 3–4. P. 47–59; *Bausenwein I., Hoffmann A.* Frau und Leibesübungen. Mühlheim: Cehorlosen Druckerei und Verlag, 1967; *Luschen G.* Social Stratification and Social Mobility among Young Sportsmen // Sport, Culture, and Society. P. 258–276; Idem. Soziologische Grundlagenvon Leibeserziehung und Sport // Ein Aführungin die Theorie der Leibesetziehung / O. Grupe et al. (Hg.). Schorndorf: Karl Hofmann, 1968. S. 93–111; *Loy J. W.* The North American Syndrome // Sports or Athletics? / J. A. Murray (ed.). Windsor, ON: University of Windsor Press, 1974. P. 76–96; *Thomas R.* La Reussite sportive. P.: Presses universitaires, 1975. P. 17–25; *Linde H., Heinemann K.* Leistungsengagement und Sportinteresse. Schorndorf: Karl Hofmann, 1968.

зингой, который поколением ранее жаловался, что игровой инстинкт атрофировался «из-за роста систематизации и классификации в спорте»[67]. Это предпочтение игры — часть романтического отказа от основных сторон современного общества. В такой перспективе неомарксистская позиция намного ближе к консерватизму «Homo Ludens», чем к радикализму «Капитала».

Веберианская интерпретация

Критика марксистов и неомарксистов вновь подводит нас к факту безусловного существования некоторой связи между расцветом современного спорта и развитием общества модерна. Что это за связь? Ответ неизбежно будет представлять собой обобщение более высокого порядка. Такие обобщения, конечно, должны быть результатом пристального исследования и вопросом для детального обсуждения. Но есть по крайней мере одно объяснение, которое не идет ко дну под напором очевидного противоречия между теорией и фактами.

В описании различий между архаичным и современным спортом[68] я вкратце изложил свое понимание веберианского взгляда на социальную организацию. Веберовский анализ перехода от традиционного к современному обществу имеет аналог в классических формулировках Фердинанта Тенни

---

67. *Huizinga J.* Homo Ludens. L.: Temple Smith, 1970. P. 223. Джон М. Хоберман предполагает, что неприятие рекордов можно также признать типичным для фашизма; см.: *Hoberman J. M.* Political Ideology and the Record Performance // Arena Newsletter. February 1977. Vol. 1. № 2. P. 7–11.

68. См.: Наст. изд. Гл. 2. С. 34–103. — *Примеч. пер.*

Gemeinschaft и *Gesellschaft* (*community* и *society*), в теории перехода от статуса к контракту сэра Генри Мэйна и в различении Толкоттом Парсонсом партикулярного и универсального модусов. Я выбрал термин «веберианский» отчасти для удобства.

Огромное преимущество модели Вебера в том, что она дает возможность увидеть в микрокосме современного спорта характеристики макрокосма современного общества: секулярность, равенство, специализацию, рационализм, бюрократическую организацию, квантификацию. Шесть этих характеристик плюс погоня за рекордами, которая проявляется в спорте сильнее, чем в остальном порядке социального, независимо и систематически связывают элементы идеального типа современного общества. Они происходят из фундаментальной идеи Вебера о различии между приписываемым статусом традиционного общества и достигаемым статусом современного.

Другое преимущество веберианской интерпретации состоит в том, что она не сводит объяснение к вездесущему марксистскому экономическому детерминизму. Проблема с этим последним в данном конкретном случае заключается в том, что индустриализация как универсальный объяснительный фактор оказывается недостаточной. Хотя первые индустриальные страны, несомненно, были первыми и в развитии национальных организаций современного спорта, другие страны, как Болгария и Куба, достигли впечатляющего уровня спортивных достижений без экстенсивной индустриализации (не говоря уже об индустриальном капитализме). Индустриализм уже не кажется универсальным объяснительным ключом.

Последние статистические исследования Гилми Ибрахима — попытка соотнести национальные

успехи в олимпийском первенстве с индустриализацией, измеренной Индексом социальной дифференциации Роберта Марша. Этот индекс ранжирует государства по процентному соотношению неаграрного труда и уровня энергопотребления. Из этих общеизвестных неполных переменных Ибрахим выводит, что государства, высоко стоящие в рейтинге Марша, хорошо выступают на Олимпиаде, но менее индустриализованные страны часто выступают еще лучше, особенно в последние годы[69]. Используя данные Ибрахима, можно подсчитать коэффициент ранговой корреляции олимпийского успеха и индустриализации. Если ранжирование в первой категории то же, что и во второй, корреляция равна 1. Если порядок обратный, корреляция равна –1. Для топовой пятерки победителей в медальном зачете 1968 года соотношение спортивного успеха и уровня индустриализации фактически равно –0,8.

Тем не менее экономические факторы остаются существенными для достаточного объяснения природы современного спорта. Например, в каждом современном обществе средний класс избыточно представлен в активных и пассивных участниках спорта. Этот избыток не может не быть связан с такими экономическими факторами, как здоровье, доход, профессия. Марксистская наука бьет тревогу из-за такой связи. Но верно также, что в современный спорт молодежь вовлечена в большей степени, чем старшее поколение, мужчины — больше, чем женщины, образованные — чем необразованные, протестанты — чем католики, высокомобильные люди — чем немобильные. Классовая принадлежность важна, но возраст, пол, образование, рели-

69. *Ibrahim H.* Op. cit. P. 108–113.

гия, мобильность также важные факторы, которые нельзя игнорировать, если мы стремимся осмыслить природу современного спорта. Еще раз повторим, что общим для этих факторов является акцент на достижении. Если статус присуждается на основе возраста, пола или религиозной принадлежности, тогда социальная мобильность, если она имеет место, едва ли окажется функцией достижения, а образовательный процесс не будет выделять индивидуальные усилия в качестве пути к успеху. Очевидно, мы не живем и никогда не жили вполне в том обществе, которое психолог Дэвид МакКлелланд назвал «обществом достижений». Не только в ориентированном на достижения мире спорта влияние этого статуса полностью отсутствует. У тренеров всегда есть свои фавориты, а чиновники имеют собственные предпочтения. Но веберианская модель лучше согласуется с социальной реальностью, чем любая другая. Эта согласованность особенно явно наблюдается в случае с современным спортом.

Но для веберианского объяснения связь спорта с религией особенно важна, так же как связь экономики и религии оказалась классической проблемой социологической работы Вебера. Известно, что современный спорт пришел из протестантской Англии и быстрее распространялся в протестантских странах, а не в католических (хотя Франция здесь — серьезное исключение). Нам известно также, что протестанты в большей степени, нежели католики, вовлечены в спорт, что они чаще оказываются спортсменами мирового уровня (хотя это не исключает избыток участия католиков в некоторых видах спорта, таких как профессиональный американский футбол). Таблицы 3.2 и 3.3, взятые из исследований Гюнтера Люшена и Хан-

ТАБЛИЦА 3.2. Спорт и религия в Западной Германии

	Доля в численности, %			
	Всего	членов спорт. клубов	участников соревнований	участников соревнований высокого уровня
Протестанты	52	60	67	73
Католики	44	37	31	26
Иные	4	3	2	1
Количество, чел.		1880	366	111

ТАБЛИЦА 3.3. Спорт и религия на Олимпийских играх

	Доля в численности, %	
	золотых медалистов Олимпиады	религиозного населения Земли
Протестанты	54,5	7,6
Католики	20,0	23,6
Мусульмане	1,6	15,5
Буддисты, синтоисты	1,2	7,3
Иудеи	1,0	0,4
Иные	1,6	45,4

са Ленка, показывают избыточную представленность протестантов в немецком спорте и на олимпийских состязаниях[70]. Эти данные подталкивают

70. *Luschen G.* The Interdependence of Sport and Culture // International Review for the Sociology of Sport. 1967. Vol. 2. P. 132; *Lenk H.* Werte, Ziele, Wirklichkeit der modernen Olympischen Spiele. Schorndorf: Karl Hofmann, 1972. S. 77. Обе таблицы воспроизведены с согласия издателя. См. также: *Seppanen P.* Die Rolledes Leistungssports in den Gesellschaften der Welt // Sportwissenschaft. 1972. 2. Jg. H. 2. S. 133–155.

нас воспользоваться веберовским концептом «секулярного аскетизма» и объяснить несоответствие уровня представленности и достижений самодисциплиной физических тренировок, которые оказываются равнозначны необходимости откладывать удовольствие для аккумуляции капитала и реинвестирования прибыли[71].

К несчастью для этой линии рассуждения, совершенно справедливо считается, что английские и американские пуритане — это протестанты среди протестантов. Известно, что пуритане к спорту относятся крайне отрицательно. Автобиография Джона Буньяна описывает его переход к праведной жизни в тот самый момент, когда он нечестиво предавался «игре в кошки» (прообраз бейсбола). Пуритане Массачусетса и Коннектикута «запретили игру в кости, карты, набрасывание колец на колышки, боулинг, кегли и любые иные недозволенные игры в доме, во дворе, в саду, выделяя в отдельную категорию игру под названием „шаффлборд" (*shuffle board*) в зданиях общих развлечений, в которой большая часть игрового времени проводится в праздности»[72]. Запрет шаффлборда не говорит об особой склонности к спорту.

Яков I Английский доказывал в своей «Книге спорта» (*Book of Sports*, 1618), что народ его королевства не должен возмущаться «всяким законным развлечением. Таким как танцы мужчин и женщин, мужская стрельба из лука, вольтижировка или иные безвредные развлечения...» Но пуритане Содружества дали палачу сжечь королевскую

---

71. См.: *Graf von Krockow Ch.* Sport und Industriegesellschaft. Munich: Piper, 1972. S. 28–32.

72. *Dulles F. R.* America Lerns to Play. N.Y.: Appleton-Century Crofts, 1940. P. 6.

книгу[73]. Дэнис Брейлсфорд в истории спорта и общества от королевы Елизаветы до королевы Анны суммировал взгляды пуритан: «Пуритане видят свою миссию в вычеркивании спорта и всех игр из жизни людей»[74]. Это похоже на саркастическое замечание Маколея о том, что пуритане запретили медвежью травлю не из-за страданий животного, а из-за того удовольствия, которое получают зрители. Но находка Брейлсфорда — лишь элемент кропотливого научного исследования. Другие историки отмечают внезапное возрождение английского спорта в 1660 году, когда «веселый король» Карл II вернул запрещенные забавы на площадке и на траве[75]. Вот достаточные доказательства протестантского нежелания — до XX века — относиться благосклонно к современному спорту[76].

Наличие этой враждебности ставит одну проблему. Другая возникает, если обдумать спортивный энтузиазм Советского Союза и Японии, который достаточно далек от протестантского духа. Мы не можем объяснить также достижения польских, кубинских, болгарских и венгерских спортсменов, ссылаясь на протестантизм, лучше, чем через тезис об императивах капиталистического развития. Путеводная нить из этого лабиринта понимания мо-

---

73. Ibid. P. 10, 12. См. также: *Malcolmson R. W.* Popular Recreations in English Society, 1700–1850. Cambridge: Cambridge University Press, 1973.

74. *Brailsford D.* Sport and Society: Elizabeth to Anne. Toronto: University of Toronto Press, 1969. P. 141. См. также: *Mayer H.* Puritanism and Physical Training // International Review for the Sociology of Sport. 1973. Vol. 8. № 1. P. 37–51.

75. *Kloeren M.* Op. cit. P. 19–37, 205–265.

76. Напр.: *Hogan W. R.* Sin and Sports // Slovenko R., Knight J. A., Menninger K. A. Motivations in Play Games and Sports. Springfield, IL: Charles C. Thomas, 1967. P. 121–147.

жет быть успешно найдена в известном эссе Роберта Мертона «Пуританизм, пиетизм и наука» (1936). В этом эссе Мертон показывает, что протестанты были более удачливыми, чем католики, сторонниками «новой науки» XVII века:

> Эмпиризм и рационализм были канонизированы, беатифицированы, так сказать. Вполне возможно, что пуританский этос не повлиял напрямую на метод науки, который просто развивался параллельно с внутрицерковной историей. Но несомненно, что психологическое принуждение к определенному типу мышления и сопровождающий его комплекс ценностей сделали основанную на опыте науку достаточно респектабельной, в то время как в Средневековье ее порицали или — в лучшем случае — терпели[77].

Исходя из наших интересов, можно сделать вывод о том, что корреляция между протестантизмом и спортивным участием скрывает фундаментальную каузальную связь между двумя зависимыми переменными и одной независимой, действующей в соответствии с ними. Основной объясняющий фактор — научное мировоззрение, которого придерживаются и японцы, и любое марксистское общество. Действительно, марксисты любят считать себя единственными научными философами.

Иными словами, математические открытия XVII века были популяризованы в XVIII веке, когда наблюдалось зарождение современной навязчивой квантификации в спорте. В течение эпохи Просвещения мы видим смещение от ренессансного концепта «эталона» (*measure*) в смысле умеренности и баланса к современному концеп-

---

77. *Merton R. K.* Social Theory and Social Structure. Glencoe: Free Press, 1957. P. 579.

ту точного измерения (*measurement*). Это движение филологически проявляется так же хорошо в немецком языке, в движении от *Maß* к *Messen*[78]. Появление современного спорта репрезентирует не триумф капитализма, не развитие протестантизма, но, скорее, медленное развитие опытного, экспериментального, математического мировоззрения (*Weltanschauung*). Изначальное лидерство Англии связано не столько с протестантской этикой, сколько с интеллектуальной революцией, воплощенной в именах Исаака Ньютона и Джона Локка и институционально оформленной Королевским научным обществом, которое было основано во время Реставрации в 1662 году для продвижения науки.

Это объяснение было предложено Хансом Ленком: «Спорт высоких достижений, то есть тот спорт, в котором достижения доступны здесь и сейчас за счет соответствия измерений, тесно связан с научно-экспериментальной установкой современного Запада»[79]. Предположение было развито Хеннингом Айхбергом в работе «Путь спорта в индустриальную цивилизацию» (*Der Weg des Sports in die industrielle Zivilization*)[80]. Оснащенные этой догадкой о роли научного *Weltanschauung* в расцвете современного спорта, мы можем удовлетворительно объяснить поствоенный всплеск спортивных достижений в государствах Восточной Европы, где следы досовременной организации и идеологии были внезапно и даже жестко стерты безжалостной современностью.

---

78. *Eichberg H.* Der Beginn des modernen Leistens // Sportwissenschaft. 1974. 4. Jg. H. 1. S. 21–48.
79. *Lenk H.* Leistungssport. S. 144.
80. *Eichberg H.* Der Weg des Sports indieindustrielle Zivilisation. Baden-Baden: Nome Verlag, 1973. S. 135–137.

В той мере, в какой религиозная традиция склоняет к ненаучной или даже антинаучной позиции, переход от народных забав к современному спорту будет задерживаться и отставать, но причина этой задержки и отставания в меньшей степени связана с упорством в религиозной вере, чем с негативной оценкой современной науки. Подтверждение этому можно обнаружить в канадском спорте, где французское население совершенно не представлено. В самой Франции католицизм связан с расцветом математической науки таким образом, что французы со времен Декарта и Паскаля до Пуанкаре и де Бройля внесли огромный вклад в развитие естествознания. Во Франции современный спорт появляется рано и развивается достаточно быстро (несмотря на бытующее мнение, будто спорт «на самом деле не выражает духа Франции»[81]). В Канаде тем не менее католицизм как будто поощрял среди прихожан негативное отношение к современности, проявляющееся в статистике спортивного участия. Хотя примерно 30% населения в Канаде — этнические французы, из этой группы вышли только 8,1% из 4297 атлетов, представляющих Канаду на играх Содружества, Панамериканских и Олимпийских играх. Так как мы знаем, что экономические факторы играют значительную роль в уровне участия в современном спорте, мы не можем просто сказать, что только религия ответственна за эту разительную несоразмерность. Но будет ошибкой игнорировать мощное влияние католической церкви в Квебеке и приморских провинциях. Социологи, чьи эмпирические исследования я только что упоминал, предлагают следующее объяснение спортивной

81. *Joubert E.* Sport in France//Sport and Society/A. Natan (ed.). L.: Bowes & Bowes, 1958. P. 29.

отсталости Квебека: «Среди французских канадцев традиционная ментальность долго покоилась на аграрной идеологии и религиозном по сути взгляде на мир, который благоговеет перед прошлым»[82].

Убедительность этого объяснения возрастает при неглубоком анализе уровня спортивного участия среди студентов в зависимости от академической сферы. Опросив 387 студентов из двух швейцарских университетов, авторы исследования обнаружили, что изучающие теологию меньше других вовлечены в спорт, причем с большим отставанием, в то время как студенты, изучающие естественные и социальные науки, оказались самыми активными[83]. Исследование 345 студентов Амхерст-колледжа обнаружило характерную связь между профилирующей академической дисциплиной и уровнем вовлеченности в спорт. Было выявлено, что специализирующиеся на социальных науках занимаются спортом очень часто, отставая только от студентов-естественников. Гуманитарии оказались явно менее активными ($t = 2{,}366$, $p < 0{,}01$; $t = 2{,}097$, $p < 0{,}025$)[84]. Эти закономерности, которые могут быть выявлены только эмпирически, довольно типичны и подтверждают корректность моей аргументации по поводу спорта и научного *Weltanschauung*.

Хеннинг Айхберг отметил важность математически-эмпирического естествознания, но также, хотя и менее убедительно, пытался найти корреляцию между расцветом современного спорта и революцией романтиков, которая охватила большую часть

---

82. *Boileau R., Landry F., Trempe Y.* Les Canadiens Francaetles Grands Jeux Internationaux//Canadianm Sport. P. 158, 163.

83. *Jaeggi U., Bosshard R., Siegenthaler J.* Op. cit. S. 27.

84. Рассчитано мной на основании данных, собранных Дэниелом Линквистом осенью 1976 года.

Европы и Америки в конце XVIII — начале XIX века. На мой взгляд, вероятнее, что романтизм, склонный к сциентизму, поддерживал пережитки досовременного спорта — охоту, рыбалку — и задерживал развитие современного спорта. Это можно явно увидеть на примере Германии, где романтическая революция также была достаточно сильной. Я имею в виду немецкий вариант гимнастики, известный как *Turner*.

Появление *Turner* обычно связывают с новаторскими педагогическими работами Йоханна Кристоф Фридриха Гутсмутса и Фридриха Людвига Яна. Оба верили в важность физического воспитания. Оба создали системы, обширный ряд гимнастических упражнений, известные нам как трековые и полевые виды спорта. Оба — страстные националисты. Когда Гутсмутс переиздал свою книгу «Гимнастика для юношества» (*Gymnastik für die Jugend*, 1793) в 1817 году, он убрал греческое слово из названия и заменил его немецким, поставив на место универсальной отсылки националистическую. Книга стала называться «Книга [упражнений] по гимнастике для сынов Отечества» (*Turnbuch für die Söhne des Vaterlandes*). В ней Гутсмутс писал: «Мы должны дать нашей молодежи патриотическое воспитание для духа и настоящую военную подготовку для тела»[85]. Во введении к своей работе «Немецкое народничество» (*Deutsches Volkstum*, 1810) Ян провозглашает: «Государство без народа — ничто, бездушный артефакт. Народ без государства — ничто, пустая, бесплотная абстракция»[86]. Сам Ян

85. *Gutsmuths J. C. F.* Tumbuch für die Söhne des Vaterlandes. Fr.a.M.: Wilmans, 1817. S. xvii.

86. *Jahns F. L.* Werke / C. Euler (Hg.). Hof: Verlag von G. A. Grau, 1884–1885. Bd. 1. S. 160.

был настолько увлечен, что стал активным участником немецкой национальной революции, восставшей против наполеоновской оккупации отечества.

Из *Turnplatz* Яна, организованного в 1811 году на полях неподалеку от Берлина, движение быстро распространилось по всей Германии, Европе и даже Соединенным Штатам. Как правило, движение было в равной степени политическим и спортивным. Хотя первые участники *Turner* были чаще либеральными националистами, что привело их к затяжному конфликту с прусскими властями, политическая ориентация движения постепенно смещалась вправо, особенно после провала либеральной революции 1848 года и расцвета более радикального *Turner* в Америке[87]. Все в большей мере *Turner* связывается с национализмом романтиков, с *праздником* мистериального немецкого духа, рожденного в мистическом единстве *Volk* и *Vaterland*. Мистицизм достигает пика в литературной реконструкции *Turner* в книге «Вильтфебер, вечный немец» (*Wiltfeber: Der ewige Deutsche*, 1912) Германа Бёрта, безусловно, одном из самых романтических романов из когда-либо написанных.

Хотя Гутсмутс и Ян были не лишены склонности к квантификации, стремления к рекордам, поощрения состязаний, *Turner* становится все более враждебным к тому, что его знаменитый лидер XX века назвал «антидухом суетного чемпионства»[88]. Участники *Turner* как защитники романтического национализма стали врагами современного спорта, который понимался как либеральный, интернацио-

---

87. *Neumann H.* Die Deutsche Turnbewegung in der Revolution 1848/1849 und in der amerikanischen Emigration. Schorndorf: Karl Hofmann, 1968.

88. Слова Эдмунда Нойендорфа цит. по: *Dieckert J.* Op. cit. S. 20.

нальный, негерманский: «*Der Sport ist undeutsch*»[89]. Это неприятие современного спорта представителями *Turner* имеет решающее значение. Их журнал *Der Deutsche Turnzeitung* осуждает бокс и бег и называет современный спорт семитским[90]. В ответ на известие о восстановлении Олимпийских игр германская *Reinische-Westfälische Zeitung* заявила протест: «Спортивный клуб или индивидуальный немец, навредивший своей стране через поддержку или просто посещение этих игр, заслуживает изгнания из возмущенного народа»[91]. Когда пришло приглашение из Афин, *Deutsche Turnerschaft* его отклонило[92]. Когда группа гимнастов все же уехала, позже они были лишены членства в обществе[93]. Через четыре года после первых современных Олимпийских игр председатель *Deutsche Turnerschaft* заявил, что спорт — «страстная форма физических упражнений, чуждая немецкому образу жизни настолько, что нет соответствующего немецкого слова»[94]. Уже в 1933 году автор *Die Schar* призывает отказаться от «бетонного стадиона, трека из шлака, финишной черты, секундомера, остриженного га-

---

89. «Спорт — не немецкое явление». — *Примеч. пер.* Цит. по: *Krämer G.* Wie Fern lst Uns Olympia? Osnabrück: A. Fromm, 1971. S. 17.

90. *Diem C.* Weltgeschichte des Sports. 3. Aufl. Fr.a.M.: Cott, 1971. Bd. 2. S. 945.

91. *Krämer G. Wie Fern Ist Uns Olympia?* Osnabrück: A. Fromm, 1971. S. 28.

92. *Krüger A.* Sport und Politik. Hannover: Fackel-Träger Verlag, 1975. S. 30–31.

93. *Überhorst H.* Return to Olympia and the Rebirth of the Games // The Modern Olympics / P. J. Graham, H. Überhorst (eds.). Cornwall, NY: Leisure Press, 1976. P. 14.

94. Цит. по: *Geyer H.* Stellvertreter der Nation // Die Vertrimmte Nation / J. Richter (Hrsg.). Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Verlag, 1972. S. 80–81.

зона и беговых туфель... на их место приходит простой луг, свободная природа»[95]. Даже участники *Turner* из рабочего класса, несмотря на свое марксистское видение социал-демократической Германии, заявляют о своем нежелании признать соревновательную гимнастику, тем более включать ее в соревнования высокого уровня[96]. Соревнование, как командное, так и индивидуальное, в конце концов стало частью немецкой гимнастики, но современный спорт оставался под подозрением. С конца XIX века и до роспуска *Deutsche Turnerschaft* при Гитлере повторялось обвинение спорта в том, что он был английским, а не германским, символом либерального интернационализма, угрозой романтическому единству немецкого *Volk* на *Vaterland*. И Англия, родина современного спорта, возвращала этот «комплимент», полностью игнорируя *Turner*[97]. Потому есть некая извращенная историческая ирония в том, что Адольф Гитлер, воплощение романтического национализма в его самой иррациональной и деструктивной форме, отказался от своего изначального нежелания устраивать Олимпийские игры в 1936 году. Следуя пропагандистскому курсу фюрера, спорт в конце концов достиг своего немецкого апофеоза[98].

---

95. Цит. по: *Eichberg H.* Der Weg des Sports in die industrielle Zivilisation. Baden-Baden: Nomos-Verlagsgesellschaft, 1973. S. 120. См. также: *Überhorst H.* Edmund Neuendorff. S. 19.
96. Idem. Frisch, Frei, Stark und Treu. Düsseldorf: Droste Verlag, 1973. S. 50, 136.
97. *McIntosh P. C.* Op. cit. P. 58.
98. *Mandell R. D.* The Nazi Olympics. N.Y.: Ballantine Books, 1971; *Bernett H.* Sportpolitik im Dritten Reich. Schorndorf: Karl Hofmann, 1971; *Krüger A.* Theodor Lewald. Berlin: Bartels & Wernitz, 1975; Idem. Die Olympischen Spiele 1936 und die Weltmeinung. Berlin: Bartels & Wernitz, 1972.

В противостоянии романтического национализма с современным спортом можно увидеть реверс, изнанку научного мировоззрения. В нашем поиске истоков современного спорта мы совершили объяснительную регрессию от таких абстракций, как промышленная революция и реформация, к еще более абстрактной формулировке — научное мировоззрение. И теперь мы стоим перед парадоксом. Погоня за рекордами сама по себе — одна из самых поразительных форм фаустовского динамизма, одна из самых экстраординарных манифестаций романтического стремления к недостижимому. Сам спорт, начинаясь со спонтанного выброса физической энергии, берет свое начало в иррациональном. Нам всем знакомы безумие спортивной встречи, атавистический энтузиазм футбольных фанатов, обнаженная агрессия боксерского удара, необъяснимая решимость завороженного бегуна, который бежит, несмотря на спазмы, охватившие его тело. Парадокс? Да. Противоречие? Нет. Спорт — это альтернатива и вместе с тем отражение современной эпохи. Он укоренен в темной почве нашей бессознательной жизни, но принимает форму, навязанную современным обществом. Как и техногенное чудо полета на Луну «Аполлона-11», спорт — это рационализация романтизма.

ГЛАВА 4

Почему бейсбол был нашей национальной игрой

Американский эксепционализм

МАРКСИСТСКАЯ и веберианская модели социального изменения во многих аспектах (некоторые из них мы затронули выше) отличаются друг от друга, но обе отвергают то, что историки называют «идеей американской исключительности». Они согласны между собой в том, что в своем историческом развитии США следовали по той же общей траектории, что и другие современные общества. Америка — не исключение для законов, управляющих переходом от феодализма к капитализму или от традиционного общества к современному.

Но американцам всегда нравилось думать, что они уникальны, их притягивала приятная мысль о том, что Америка — исключение. «Только в Америке» — вот популярная формула этой веры. То, что обычные люди на улицах просто заявляют, историки, антропологи, социологи, романисты и поэты выражают в своих более сложных формах.

Пуритане Новой Англии видели себя англичанами с особой миссией, но все же англичанами, избранными Богом и посланными в дикие земли

Первая версия этой главы была опубликована как статья Literature, sociology and «our national game» // Prospects. 1975. № 1. P. 119–136.

с божественной миссией. Ощущение американской уникальности растаяло в XVIII веке, когда темные цвета кальвинизма поблекли, обратившись в более светлые тона христианского благочестия и даже мягкий деизм американского Просвещения. Колонисты и метрополия сблизились как две половинки того, что историки иногда называют «атлантической цивилизацией». Это была эра космополитизма. Война за независимость, была она настоящей революцией или нет, привела к осознанию проблемы американской идентичности. В 1782 году Гектор Сент-Джон де Кревекер опубликовал свои «Письма американского фермера», где поставил вопрос, на который все еще нет удовлетворительного ответа: кто этот новый человек, американец? Пять лет спустя в пьесе «Противоположность» Ройалл Тайлер предложил еще одну версию различия между американцем и англичанином, между Братом Джонатаном и Джоном Буллем. Многим творцам — от Тайлера и «интернациональных романов» Готорна и Джеймса до современных писателей — было свойственно приукрашивать свои концепции американского характера.

В начале XIX века Джордж Бэнкрофт начал публикацию первой цельной теории американского эксепционализма. Его монументальная «История Соединенных Штатов» (1834–1875) представляла собой пронизанную предопределенностью картину американского прошлого. Божественным предназначением Америки оказывалась демонстрация всему миру морального и политического превосходства демократических институтов. Поэтому разница между Америкой и Европой истолковывалась как часть божественного плана по духовному обновлению всего мира при помощи простого человека. Еще одним весомым вкладом в тему амери-

канского эксепционализма стало опубликованное в конце XIX века эссе Фредерика Джексона Тернера «Значение фронтира в американской истории» (1893). Он создал секулярную теорию и при этом своего рода псалом — воспевание американской демократии как детища фронтира. С точки зрения Тернера, фронтир был печью, в которой сжигались дряхлые европейские обычаи и отливался металл американского характера.

Чуть позднее Луи Хартц, опираясь на «Демократию в Америке» (1835–1840) Алексиса де Токвиля, предложил другую версию природы американской исключительности. В «Либеральной традиции в Америке» (1955) он утверждал, что Америка была заселена людьми, ориентированными преимущественно на средний класс (или же им и являвшимися). Они приплыли туда, где не было ни феодальной аристократии, ни крестьян. Благодаря этому у них были и институциональное, и географическое пространства для того, чтобы построить либеральный капитализм. Либеральная традиция ветвилась и процветала, будучи, с одной стороны, свободной от феодальных институтов, которые ограничивали рост британского и французского либерализма, а с другой — свободной от конкуренции с зарождавшимся тогда социализмом европейского рабочего класса. Американцы были, словами Токвиля, «рождены равными». Они выиграли свою свободу почти без борьбы, что, возможно, объясняет их склонность к оптимизму и раздражающему простодушию.

Бэнкрофт, Тернер, Хартц — лишь некоторые из многих мыслителей, допускавших, что это различие есть и оно должно иметь объяснение. Ни одна из основных гипотез об американском эксепционализме и ни одна из попыток описать американ-

ский характер (или характеры) не касалась напрямую природы американского спорта. Но многие авторы, размышлявшие о нем, чувствовали, что эти спортивные дисциплины каким-то образом обладают специфически американским характером.

К примеру, Джон Танис посвятил бóльшую часть жизни созданию романов и эссе об американском спорте. В книге «Американский путь в спорт» (1958) он попытался объяснить специфику нашего подхода к физическим состязаниям. Его теория показательна и заслуживает внимания. Он пишет, что «спорт — ключ к разгадке национального характера»[1]. А ключ к пониманию американского спорта? «Именно фронтир... сделал нас тем, чем мы являемся в спорте сегодня»[2]. Фронтир был источником мобильности, неугомонности и перемен, равно как и равенства и индивидуализма. Более того, именно дух фронтира обусловил внимание к организации и стремление к рекордам[3]. Трудность здесь в том, что Танис безоглядно поверил Фредерику Джексону Тернеру. Если фронтир объясняет Америку, рассуждал он, то фронтир должен объяснить и американский спорт. (Аналогичную ошибку совершает специалист по австралийскому крикету, замечая, что австралийская версия игры «берет начало в сердце и образе жизни первопроходцев, которые должны были покорить суровую и трудную среду»[4].) Фронтир очень привлекателен в качестве объяснительной гипотезы. Его принятие ведет к наивному выводу, согласно которому все, что мы об-

1. The American Way in Sport. New York: Duell, Sloan and Pearce, 1958. P. VII.
2. Ibid. P. 16.
3. Ibid. P. 134, 151.
4. *Whitington R. S.* An Illustrated History of Australian Cricket. London: Pelham Books, 1974. P. 17.

наружим в нашем спорте, должно каким-то образом быть продуктом фронтира.

Легко насмехаться над простотой таких идей, но должен признаться, что корни моего интереса к сравнительной социологии спорта восходят к одному моменту в Берлине в 1969 году, когда я, американец, сидел на стадионе, построенном для Олимпийских игр 1936 года, смотрел футбольный матч и терялся в догадках: почему? Почему немцы так страстно увлекаются футболом, в то время как мы, американцы, упрямо храним верность бейсболу и американскому футболу — двум едва известным в Европе спортивным дисциплинам? За несколько месяцев до этого я смотрел Олимпийские игры 1968 года по немецкому телевидению и был очарован соревнованиями по гимнастике, на которых Вера Чаславска из Чехословакии победила соперниц из Советского Союза и Восточной Германии, то есть двух наций, чьи армии всего за несколько недель до этого оккупировали Прагу и уничтожили возможность «социализма с человеческим лицом». В США же в 1968 году гимнастика была второстепенной спортивной дисциплиной. Был ли я не-американцем, восхищаясь Верой Чаславской и Савао Като из Японии, который выиграл мужские соревнования по гимнастике? Мои последующие попытки выделить исключительно американский элемент в американских спортивных видах неожиданно привели меня к противоположному выводу, что американский спорт вовсе не так уникален, как кажется. Это современные спортивные дисциплины — такие же, как дисциплины любого другого современного общества. Вследствие этого в мою интерпретацию подъема современного спорта было заложено предположение, что это явление характерно для каждого индустриального и постиндустриального общества.

Свои примеры я намеренно брал из истории большого количества наций и всегда в том смысле, что современный спорт одинаков во всем мире, несмотря ни на какие местные особенности.

Но они есть. Досовременные виды спорта вроде корриды и керлинга дожили до XX века. Бейсболу и американскому футболу не удалось проникнуть в Европу, в то время как в Америке почти не играют в крикет и регби. Гимнастика — второй по популярности массовый вид спорта в Дании и до сих пор, несмотря на спровоцированный телевидением взрывной рост интереса, периферийный вид спорта в США[5]. С высоты социологической точки зрения сходства между спортом в Де-Мойне (штат Айова) и Дюссельдорфе кажутся весьма значительными. При более близком рассмотрении характерных деталей местные особенности становятся более явными. Давайте исследуем их. Обратимся к нашей «национальной игре».

Подсчитанная пастораль

Когда в 1924 году Джон МакГро, напористый и колоритный менеджер клуба «Нью-Йорк Джайентс» времен их славы, в рамках турне колесил со своей командой по Британским островам, Артур Конан Дойл сделал предсказание. Он предположил, что бейсбол мог бы захватить Великобританию так же, как он захватил США[6]. В этом случае Дойл оказался

---

5. *Anderson H., Bo-Jensen A., Elkaer-Hansen N., Sonne A.* Sports and Games in Denmark in the Light of Sociology // Sport, Culture and Society. New York: Macmillan, 1969. P. 173. *Van Dalen D. B., Bennet B. L.* A World History of Physical Education. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1971. P. 262.

6. См.: *Durso J.* The Days of Mr. McGraw. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1969. P. 187.

не таким проницательным, как его любимый Холмс. Бейсбол, американская версия ряда английских игр с мячом, никогда не был популярен среди британцев. Почему? Простой ответ состоит в том, что наша национальная игра типично американская, приспособлена к американским условиям и американскому характеру. Уже в 1866 году наблюдатель американских развлечений писал[7]:

> Это игра, особенно подходящая американскому темпераменту и характеру; девять иннингов (периодов) разыгрываются на расчерченном поле в течение двух с половиной (или меньше) часов. Как только первый бьющий[8] занимает позицию и поднимает биту, игра становится захватывающей и наполняется *энергией*... В ней нет ни пауз, ни задержек.

В 1886 году «Harper's» отмечал, что «Американский народ независимо от возраста, пола или иных признаков совершенно очарован и захвачен этой игрой»[9]. Один из лучших историков бейсбола пришел к выводу, что эта игра «была привита американской душе» к концу XIX века[10]. Свою книгу о бейсболе «Национальная игра Америки» Альберт Сполдинг начал с формулировки закона[11]:

---

7. *Peverelly C. A.* The Book of American Pastimes. New York, 1866. P. 337.
8. Подающий (питчер) бросает мяч, бьющий (бэттер, страйкер) на базе «дом» (всего 4 базы) пытается отбить его с помощью биты, а принимающий (кэтчер) — поймать. Подающий и принимающий играют в защищающейся команде, бьющий — в нападающей. — *Примеч. пер.*
9. Цит. по: *Dulles F. R.* America learns to play. NY: Appleton-Century-Crofts, 1940. P. 223.
10. *Seymour H.* Baseball (3 vols.). NY: Oxford University Press, 1960. Vol 2. P. 4.
11. America's national game. NY: American Sports Publishing Company, 1911. P. 3–4.

> Кажется излишним начинать обстоятельное рассуждение, дабы доказать, что бейсбол — наша национальная игра, что у него есть все признаки американского происхождения, американского характера и что он пользуется безграничной любовью граждан. Это значит прояснять очевидный факт, рассудительно доказывать аксиому или с торжественностью открытия заявлять, что два плюс два равно четырем.

Карл Дим, исследуя американский спорт для немецкого правительства, с восторгом сообщает, что «судя по энтузиазму, в Америке на деле есть только одна игра — бейсбол»[12]. В «Философии атлетики» (1927) Элбера Бэрри можно найти замечания, которые тогда должны были казаться трюизмами[13]:

> Бейсбол по своим темпераменту и психологии — исключительно американская игра... Это наша *национальная игра* не только в силу своей истории и развития, но и по своей природе и характеристикам. Она «подходит» американцам, радует, удовлетворяет, представляет их.

Позднее Алан Невинс подкрепил своей репутацией историка утверждение, что бейсбол — «подлинное выражение американского духа», а Жак Барзен убеждал иностранцев изучать бейсбол, если они хотят понять Америку[14].

Тем временем миллионы простых граждан стали использовать Тинкерс-Эверсу-Ченсу[15] как удоб-

---

12. *Diem C.* Die Olympische Flamme (3 Vols.). Berlin: Deutcher Archiv-Verlag, 1942. Vol. 2. P. 829.
13. The philosophy of athletics. NY: A. S. Barnes, 1927. P. 183.
14. См.: *Voigt D. Q.* American Baseball (2 Vols.). Norman: University of Oklahoma Press, 1966–1970. Vol. 1. P. vii. Vol. 2. P. 240.
15. Отсылка к стихотворению Франклина Пирса Адамса «Baseball's Sad Lexicon», позднее известному как «Tinker to Evers to Chance» (1910). Джо Тинкер, Джонни Эверс и Фрэнк Ченс — легендарные игроки «Чикаго Кабс»

ную метафору, оправдали роковую ошибку Фреда «Остолопа» Меркла, не коснувшегося второй базы[16], погоревали над нравственным падением «Босого» Джо Джексона[17], обсудили, подсказал ли сопернику Бейб Рут[18] в октябре 1932 года, разрыдались от слов умиравшего Лу Герига о том, что он

(1902–1912), четырежды выигрывавшие Национальную лигу и часто побеждавшие «Нью-Йорк Джайентс». В стихотворении игра этих команд описывается зрителем, болеющим за «Нью-Йорк Джайентс».— *Примеч. пер.*

16. Ошибка, совершенная игроком «Нью-Йорк Джайентс» Фредом Мерклом (1888–1956) в «самой спорной в истории бейсбола» игре против «Чикаго Кабс» в 1908 году. Во время последнего розыгрыша, который мог принести его команде победу, Меркл не коснулся второй базы, и судья, засчитав аут, удалил его с поля. Решение было неоднозначно и вызвало бурные споры: незадолго до промаха Меркла на поле выбежали фанаты «Джайентс», праздновавшие победу (их сбил с толку своей победной пробежкой одноклубник Меркла), и игра фактически велась на заполненном людьми поле. Меркл, бежавший ко второй базе, увидел их и, решив, что судья объявил победу его команды, развернулся и направился с мячом к своей скамейке. Этой суматохой и воспользовались игроки «Кабс», разыграв мяч и коснувшись второй базы. Впоследствии развернулись споры о том, откуда взялся этот второй мяч. По одной из версий его вбросил в поле игрок со скамейки «Кабс», а по правилам в таком случае подача должна переигрываться.— *Примеч. пер.*

17. Джо Джексон (1887–1951) — один из восьми игроков «Чикаго Уайт Сокс», которые в сговоре с букмекерами намеренно проиграли финал Мировой Серии 1919 года команде «Цинциннати Редз». Позднее все эти игроки были дисквалифицированы пожизненно, а пресса прозвала их «Блэк Сокс» («Черные Носки»).— *Примеч. пер.*

18. Легендарный игрок «Нью-Йорк Янкиз» Джордж «Бейб» Рут (1895–1948) во время игры со своей бывшей командой «Чикаго Кабс» в рамках Мировой серии 1932 года сделал жест, которым как будто указал скамейке чикагцев направления своего броска.— *Примеч. пер.*

был самым удачливым человеком в мире[19], поучаствовали в ожесточенных спорах о достоинствах Тая Кобба, Джо ДиМаджио и Вилли Мейса. Когда репутация бейсбола была подорвана скандалом «Черных Носков» 1919–1920 гг., присяжные в суде потребовали установить, были ли игроки подкуплены, как если бы речь шла о святотатстве. В своей речи к судье старшина присяжных торжественно произнес[20]:

> Присяжные убеждены, что бейсбол — символ нашего национального духа и характера. Должен господствовать американский принцип соблюдения достоинства и честной игры... Национальная игра способствует уважению к власти, уверенности в себе, непредвзятому отношению, быстрой реакции и самоконтролю.

Это был ритуальный момент самоубеждения. Сомнения в моральном состоянии американского общества были подавлены. Бесов изгнали.

А Верховный суд США интересовали доходы бейсбола[21]. В деле Федеральной лиги бейсбольных клубов от 1922 года суд постановил, что бейсбол яв-

---

19. Лу «Железный конь» Гериг (1903–1941) — легендарный игрок «Нью-Йорк Янкиз», «величайший защитник первой базы всех времен», трагически умерший в 36 лет от бокового амиотрофического склероза, позднее названного «болезнью Лу Герига». — *Примеч. пер.*

20. Цит. по: *Taylor Spink J. G.* Judge Landis and twenty-five years of baseball. NY: Thomas Y. Crowell, 1947. P. 63.

21. См.: Monopsony in manpower // Yale Law Journal. 1952–1953. № 62. P. 576–639; *Pierce S. R.* Organized professional team sports and the antitrust laws // Law Quarterly. 1958. № 43. P. 566–616; *Robinson W. C.* Professional sports and the antitrust laws // Southwectern Social Science Quarterly. 1957. № 38. P. 133–141. The Superbowl and the Sherman Act // Harvard Law Review. 1967. № 81. P. 418–435. *Morris J. P.* In the wake of the Flood // Law and Contemporary Problems. 1973–1974. № 38. P. 85–98.

ляется выступлением, а не бизнесом в том смысле, который заложен в антимонопольном Акте Шермана (1890). Кроме того член Верховного суда США Оливер Уэнделл Холмс высказал мнение, что хотя бейсбольные игроки и пересекают границы штатов, сами матчи всегда разыгрываются на территории одного штата. Потому бейсбол не подчинялся действию акта, регулировавшего коммерческую деятельность между штатами. На основе этих аргументов суд постановил, что монополия Главной лиги бейсбола[22] законна. Свою позицию суд подтвердил в 1953 году в деле подающего Тулсона против «Нью-Йорк Янкиз». Два года спустя Международный боксерский клуб[23] был лишен монополии решением Верховного суда, который постановил, что только Конгресс обладает правом выводить из-под действия антимонопольных законов и что в отношении бокса он не сделал этого. В 1957 году Верховный суд в рамках дела Радовича постановил, что профессиональный футбол также подпадает под действие Акта Шермана. Не без явного замешательства члены суда допустили, что если бы им пришлось принимать решение о статусе бейсбола без учета сложного прецедента дела Федеральной лиги 1922 года, то они были бы вынуждены прийти к заключению, что с точки зрения закона у бейсбола есть ряд сходств с футболом. Тем не ме-

---

22. Главная лига бейсбола США (Major League Baseball) основана в 1896 году и считается самой старой лигой командной спортивной дисциплины. Она состоит из двух лиг — Национальной лиги (считается ведущей, основана в 1876 г.) и Американской лиги (1901 г.). Победители лиг встречаются в Мировой серии. — *Примеч. пер.*

23. International Boxing Club of New York — компания, занимавшаяся организацией боксерских поединков на аренах Нью-Йорка, Чикаго и Детройта. — *Примеч. пер.*

нее, когда в 1972 году бейсболист Курт Флад еще раз поставил под вопрос монополию лиги и начал дело в Верховном суде, судья Гарри Блэкман озвучил решение большинства, целиком основанное на предшествующем прецеденте — отменить решение Верховного суда о статусе бейсбола мог бы только Конгресс, если бы захотел. Самой интригующей частью неубедительного заключения по делу *Флад против Куна* было длинное перечисление героев бейсбола и взывание к славе этой игры.

Откуда взялась эта потребность верить в бейсбол, которой не было ни у какой другой игры? Что отличает его от других спортивных дисциплин? Отсылка Алана Невинса к «энергичности, возбуждению, скорости и драме» ничего нам не даст, если только мы не собираемся всерьез поверить, что у других видов спорта всего этого нет. А вот на некоторых популярных объяснениях стоит остановиться хотя бы потому, что они проявляют желание верить, с надеждой хватающееся почти за *любое* объяснение.

Уже в 1867 году «Spirit of the Times», первый из наших известных спортивных журналов, писал о доступности игры[24]:

> Из всех видов спорта на открытом воздухе бейсбол — рекордсмен по числу граждан, участвующих в нем в качестве игроков или зрителей... Эта игра лучше всего подходит темпераменту нашего народа. Необходимое снаряжение стоит дешевле, чем поле для скачек, плавательная дорожка или поле для крикета — это экономичная игра, и она доступна массам.

По сравнению с парусным спортом — да, но не стоит принимать всерьез тезис о том, что все могут иг-

---

24. Цит. по: *Betts J. R.* America's sporting heritage. Reading: Addison-Wesley. P. 93.

рать в бейсбол, за объяснение его популярности. Двое могут бросать друг другу мяч, четверо — играть в скраб[25], но полноценный бейсбол требует, по меньшей мере, одиннадцати человек, биту, мяч и открытое пространство. Для игры в футбол нужно меньше снаряжения, в баскетбол — меньше игроков, волейбол — меньше места, а в бадминтон играть легче, чем в любую из командных игр. Если нужен максимум доступности и минимум затрат на снаряжение, то спорта лучше, чем бег, не найти. Если каждый американец играл в бейсбол или, по крайней мере, в софтбол, то дело в том, что наша культура сделала это неизбежным, а не в том, что бейсбол дешевле футбола.

В последние годы историки рассуждали не об экономичности «снаряжения», а о роли технологий в распространении бейсбола[26]. Несомненно, что технологические перемены изменили контекст и характеристики современного спорта. Национальная лига, основанная в 1876 году, стала возможна благодаря железным дорогам, по которым команды перемещались между городами, телеграфу и роторному прессу, которые позволяли фанатам следить за прогрессом команд во время их турне. Свою роль сыграло и радио 1920-х годов, а телевидение открыло бейсбол миллионам, хотя и сократило при этом число тех, кто приходил на стадионы. Ясно, что современные технологии в любом обществе увеличили число людей, одновременно вовлеченных в одно и то же спортивное событие.

---

25. Скраб (scrub baseball, work-up) — усеченный вариант бейсбола, играемый без команд по принципу «каждый за себя» и без счета. — *Примеч. пер.*

26. *Betts J. R.* The technological revolution and the rise of sports // Mississippi Valley Historical Review. 1953. № 40. P. 231–256.

Но нет никакой логики в утверждении, что *бейсбол* выиграл от технологических достижений больше, чем любой другой вид спорта. Разумеется, некоторые из достижений важнее для одних видов, чем для других. К примеру, гимнастика потеряет всю свою красоту, если аудитория будет просто *слушать* по радио то, что происходит на гимнастическом бревне или на брусьях. В этом случае телевидение в отличие от радио способно дать стимул развитию спорта. Аналогичным образом говорят, что телевидение дало бейсболу конкурентное преимущество перед футболом, заключающееся в том, что фокусировка камеры на игроке с битой меньше искажает общую картину и гештальт игры, чем фокусировка на футболисте, доставляющем мяч в *штрафную*[27]. Я не могу представить себе, какие характеристики бейсбола могли бы позволить ему успешнее, чем прямым конкурентам, извлекать выгоду из технологий дотелевизионной эпохи.

Столь же популярны, но не более убедительны аргументы, подчеркивающие такие психологические факторы, как культ героев или повод для ностальгии. В одном из недавних исследований автор предполагает, что бейсбол расцвел отчасти благодаря «фактору народного героя», ведь легендарные игроки вроде Бейба Рута захватили национальное воображение[28]. Каждый любитель бейсбола может добавить сотню заветных имен к Султану ударов (прозвище Бейба Рута) — что и делает судья Блэкман в заключении по делу *Флад против Куна*, — но народных героев недостаточно, чтобы выделить бейсбол

---

27. См.: *Kelly R. J.* Toward a theory of competition and cooperation in sports // Journal of Popular Culture. 1971. № 4. P. 604–614.
28. *Andreano R.* No joy in Mudville. Cambridge, Mass.: Schenkman, 1965.

на фоне остальных видов спорта. В боксе есть свои легендарные имена — Джон Салливан, «Джентльмен» Джим Корбетт, Джек Джонсон, Джек Дэмпси, Джо Луис, Мохаммед Али, но он никогда не был национальным видом спорта. Бесспорно, между игрой и ее героями есть связь, и я вовсе не утверждаю, что слава Рута не усилила популярность бейсбола. Однако мне кажется вполне обоснованным, что бейсбольные герои — от Адриана «Кэпа» Энсона до Джеймса «Сома» Хантера — были больше бенефициарами, чем создателями популярности игры. Многие из них были довольно невзрачны за пределами поля. Иными словами, они скорее результат, чем причина. Популярность современного профессионального футбола определенно нельзя объяснить тезисом, что потенциальные герои в силу необъяснимых личных причин начали гонять футбольный, а не бейсбольный мяч.

Аргумент от ностальгии не так легко опровергнуть. Историк Брюс Каттон обратил внимание на способность бейсбола вызывать ностальгию по сельской жизни, а бывший бейсбольный комиссионер Форд Фрик, представляя официальную энциклопедию бейсбола, заметил, что «бейсбол обязан своим местом в нашем образе жизни... своей богатой историей. Фанаты лелеют воспоминания об игроках своей молодости»[29]. Взрослые мужчины хранят верность игре, в которую они когда-то играли, поскольку она возвращает их в дни молодости. Ни один гость Санкт-Петербурга[30] не станет отрицать, что ностальгия составляет часть привле-

---

29. О Каттоне см.: *Voigt D. Q.* American Baseball (2 Vols.). Vol.1. P. xxviii. О Фрике см.: *Andreano R.* No joy in Mudville. P. 4.

30. В Санкт-Петербурге, штат Флорида, базируется клуб Главной лиги бейсбола «Тампа Бэй Рейс». — *Примеч. пер.*

кательности бейсбола для взрослых фанатов, однако здесь мы снова сталкиваемся с проблемой причинно-следственной связи. Можно ли всерьез утверждать, что бейсбол *особенно* подходит для ностальгии? Если занять рациональную позицию, то следовало бы сказать, что потенциал для ностальгии велик в играх, особенно тесно связанных с молодостью. Бейсбол, в который мужчины могут играть на профессиональном уровне в начале пятого десятка, в этом смысле лучше подходит для ностальгии, чем теннис, в который можно играть и в преклонном возрасте, но вот требования баскетбола к физической подготовке обычно заставляют распрощаться со спортом раньше. Тем не менее, хотя Кролик Ангстрем Джона Апдайка и бывшие чемпионы Джейсона Миллера[31] остаются в плену своих баскетбольных воспоминаний, ностальгический потенциал баскетбола никогда не эксплуатировался так, как потенциал бейсбола. Уилт Чемберлен и Билл Рассел[32] еще не стали частью национального мифа, по крайней мере, такой, как Бейб Рут. Именно из-за особой привлекательности бейсбола столь многие испытывают ностальгию, а не наоборот.

Все эти четыре попытки объяснить увлеченность бейсболом — доступность, технологический стимул, наличие народных героев и ностальгия — обладают одним и тем же дефектом, путая причину и след-

---

31. Роман Джона Апдайка «Кролик беги» (1960) посвящен пяти месяцам жизни баскетболиста Гарри Ангстрема по прозвищу Кролик. В пьесе Джейсона Миллера «Тот самый чемпионат» (1974) и снятом им одноименном фильме (1982) несколько мужчин, когда-то игравших в одной команде, встречаются в загородном доме и обсуждают свою жизнь. — *Примеч. пер.*

32. Легендарные баскетболисты НБА. — *Примеч. пер.*

ствие. Ни одна из них не дает ответа на неизбежный вопрос: почему именно бейсбол, а не какая-то другая игра? Легко опустить руки и в отчаянии ответить: «Это просто историческая случайность. Пакистанцы играют в поло, а американцы — в бейсбол. Если игра стала частью культуры, то ничего не попишешь — она будет популярна. Хронологическое первенство обращается в культурное предпочтение». В этой тираде, конечно, есть доля правды. Бейсболу не нужно было конкурировать с неуступчивым, институционально укорененным предшественником вроде *спортивной гимнастики* (*Turnen*) в Германии. В молодой и относительно открытой стране бейсбол и крикет (когда-то популярный в Америке) соперничали друг с другом как способы удовлетворить психологическую потребность, подобно тому как растения и животные борются за экологические ниши. Бейсбол взял верх частично благодаря шовинизму и желанию иметь *американскую* игру, но есть и другие факторы, которые позволили ему обойти чисто американских соперников вроде баскетбола и американского футбола. Здесь действовали два очень непохожих друг на друга фактора: место бейсбола в смене времен года и его стремление к предельной исчислимости или квантифицированности. Изредка историки, а чаще романисты исследовали первый фактор, но в отношении второго никто не заходил дальше упоминания.

Непрерывные попытки найти сельские черты в спорте по сути городском указывают на важность пасторального импульса в бейсболе. Истоки игры восходят к «городскому мячу», в который играли в Бостоне в XVIII веке, а первой бейсбольной командой, которая вышла на поле играть по правилам, похожим на современные, были «Никербоке-

ры» из Нью-Йорка, городская и даже джентльменская команда, организованная банковским клерком Александром Картрайтом в 1845 году[33]. В 1897 году только трое из 168 игроков Национальной лиги были родом с аграрного Юга, тогда как из одного только Массачусетса игроков было более тридцати. В первые годы существования игры среди игроков было непропорционально много горожан ирландского и немецкого происхождения. Несмотря на обстоятельства рождения бейсбола и среду, в которой он поначалу существовал, его образ стремился к пасторальности. «Бейсбол расцветает в маленьких городах — настаивал один из последователей Фредерика Джексона Тернера — и даже на Диком Западе, где едва-едва исчез фронтир»[34]. Кто-то нежно хранит воспоминания о «Банде с газового завода», но настоящее паломничество совершается в Куперстаун[35], а на почтовой марке, выпущенной в 1939 году в честь бейсбольных матчей, изображены городской пустырь, где играют ребя-

---

33. О Картрайте см.: *Peterson H.* The man who invented baseball. New York: Scribner's, 1973.

34. *Paxon F. L.* The rise of sport // Sport and American Society / Sage G. H. (ed.). Reading: Addison-Wesley, 1970. P. 34.

35. «Банда с газового завода» (Gashouse Gang) — команда бейсбольного клуба «Сент-Луис Кардиналс» образца 1934 года, выигравшая за сезон 95 матчей, Национальную лигу и Мировую серию. Такое прозвище состав получил за нарочито затрапезный вид (игроки выходили в грязной и пропахшей потом форме) и грубую манеру игры. По другой версии оно появилось в ходе обсуждения игроками команды будущего соперника по Мировой серии из Американской лиги, когда один из них насмешливо воскликнул: «Да нас даже не пустят в эту лигу, они думают, что мы с газового завода!». В Куперстауне, штат Нью-Йорк, находится Национальный зал славы бейсбола и Национальный музей бейсбола. — *Примеч. пер.*

та, амбар, церковь и сельская школа. Символическое послание ясно. Александр Картрайт не был забыт историками, а Абнер Даблдей, который, что бы ни говорили, не сыграл никакой роли в создании бейсбола, навсегда будет соседствовать с Натаниэлем «Зверобоем» Бампо в пронизанном мифами пространстве Куперстауна[36].

Пасторальность — это нечто большее, чем просто акцент на сельском. Этот гештальт сложнее и включает простор, траву, теплую погоду, яркое солнце. Бейсбол — это «игра, в которую играют на просторной зеленой лужайке в солнечный день»[37]. Как подчеркивали Роджер Энджел и Роджер Кан, это летняя игра, в которую мальчишки играют на летних каникулах. Погода — часть фольклора игры, в которой сидящие на трибуне надеются, что не начнется дождь и не стемнеет. В бейсбол, в отличие от конкурирующих командных видов спорта, нельзя играть в плохую погоду. Эти факторы — открытое пространство, хорошая погода, зеленое поле — вплетены в риторику бейсбола. Томас Вулф прекрасно выразил это:

> Бейсбол... это на самом деле часть погоды в нашей жизни, ее ткани, чего-то своего, миллионов воспо-

---

36. Абнер Даблдей (1819–1893) — генерал армии США, которому иногда ошибочно приписывается изобретение бейсбола в 1839 году в Куперстауне. Начало этой версии положила специальная комиссия Национальной лиги, созданная в 1905 году для изучения истоков бейсбола. В результате именно в Куперстауне и был открыт в 1937 году Национальный зал славы бейсбола. Кроме того, это родной город Джеймса Фенимора Купера, автора серии романов, главным героем которых является охотник Натаниэль Бампо. — *Примеч. пер.*

37. *Rooney J. F.* The geography of american sport. Reading: Addison-Wesley, 1974. P. 1.

> минаний Америки. К примеру, есть ли в памяти почти каждого из нас хоть что-то, что могло бы воскресить весну и первые погожие деньки апреля лучше, чем глухой хлопок мяча, влетевшего в бейсбольную перчатку-ловушку, или щелчок биты, отбившей мяч? Как бы то ни было, почти все — буквально, а не риторически, — что я знаю о весне, заключается в этом: первые листья, нарциссы, клены, аромат травы на ладонях и коленях, цветение апреля. Может ли что-нибудь рассказать об американской весне лучше, чем запах деревянных трибун на бейсбольном стадионе какого-нибудь городка, этот смолистый, душный и возбуждающий запах старого сухого дерева?[38]

Джерард МакКоли вторит Вулфу: «Как только американская природа смягчается, шерстяные пальто сменяются на свитера, мальчишек жалит врезающийся в перчатки мяч, в воздухе витает предчувствие, что совсем скоро почки на деревьях распустятся, а день станет длиннее, как бы говоря: настало время бейсбола»[39]. Для поэта Дональда Холла к теме ностальгии примешивается пасторальность, ведь «бейсбол непрерывен, как ничто другое в Америке, это бесконечная игра каждого лета, соединяющая многие поколения отцов и сыновей»[40].

Как видно по этим цитатам, в американской литературе пасторальный образ бейсбола выписывается с отличительной наглядностью, особенно в работах Ирвина Шоу и Марка Харриса. Заголовок Шоу «Голоса летнего дня» говорит сам за себя. Прово-

---

38. Цит. по: *Coffin T. P.* The old ball game. New York: Herder & Herder, 1971. P. 183. В последнее предложение добавлен вопросительный знак.

39. The million dollar infield // Playing around / Hall D. (ed.). Boston: Little, Brown, 1974. P. 45.

40. Fathers playing catch with sons // Ibid. P. 166. См. также: *Deford F.* Rites and wrongs of spring // SI. February 25, 1965. № 40. P. 70–81.

дя летний день на полуострове Кейп-Код, Бенджамин Федров, взрослый мужчина, наблюдает за тем, как его сын Майкл играет в бейсбол, и размышляет о том, как вся его жизнь была переплетена с этой американской игрой. Язык Шоу передает и пасторальность, и ностальгию[41]:

> Звуки были все те же, они ничуть не изменились за долгие годы. То были звуки, типичные для каждого американского лета — глухой стук биты о мяч, крики игроков внутреннего поля, сухой хлопок мяча, угодившего в перчатку, возглас питчера: «Третий промах — и ты вылетаешь!» Целые поколения американцев выросли, кружа и вертясь возле этих баз, как и сорок лет назад, когда давно умершие мальчики били дубли, вздымалась из-под шиповок игроков пыль, нынешние знаменитости позорно ошибались, забытые друзья выковыривали налипшую между шипами глину концами бит. На протяжении десятилетий голоса тренеров тревожно предупреждали при высокой подаче: «Следи за мячом! Следи за мячом!» Отдаленные голоса детства и юности...

Как доказывает в книге «Машина в саду» Лео Маркс, пасторальный жанр в литературе — это способ примирения, который ищет и изображает пространство, являющееся чем-то средним между городом и лесом. В пасторали Шоу летний день становится моментом примирения героя с самим собой и с тем, что он сделал со своей жизнью. Когда он возвращается к своей жене и дочери, жена спрашивает: «Где пропадал весь день?». Он отвечает: «Смотрел игру», — и этого ответа достаточно[42].

Роман Марка Харриса «Бей в барабан медленно» (1956) — более сложная работа, в ней пастораль-

---

41. *Шоу И.* Голоса летнего дня / пер. с англ. Натальи Рейн. М.: АСТ, 2010.

42. Там же.

ные элементы сочетаются с *принципом реальности*. Рассказчик — Генри Уигген, питчер-автобиограф, который перестал видеть бейсбол исключительно в пасторальном свете еще в раннем романе Харриса «Питчер-левша». Уигген, автор, страховой агент и бейсболист, завален проблемами[43]:

> Я выиграл 26 из 52 матчей, мой лучший год, и был чертовски близок к разорению, потому что где-то между Мировой серией и работой над книгой я задолжал Бюро внутренних доходов $876, которые с трудом отдал, играя зимой в Японии и на Кубе, посещая банкеты и продавая игрокам страховки... Я тогда написал им: «Это бесполезно. Забирайте меня в тюрьму. Я отработаю долг по доллару в день на каменоломне». Мне ответили: «Пожалуйста, переведите деньги», и потащили нас в суд.

Но книга — не о его проблемах. Она — о Брюсе Пирсоне из Бейнбриджа, штат Джорджия — деревенском мальчике, который выступает символом сельской простоты и знания, утерянного городскими жителями вроде Генри Уиггена, который пишет о Брюсе[44]:

> Он путешествовал по рекам. Не зная их названий, он знал, куда приведет его течение, и знал, как они текут, даже если они не текли, если вы понимаете, о чем я. Даже если они замерзали (а они были покрыты льдом часть пути), он узнавал направление течения по берегам, или выпиленному льду, или по разбросанному вокруг хламу.

Генри впечатлен тем, как Брюс понимает самое пасторальное из животных — корову. Харрис с тонкой иронией позволяет Уиггену сказать о нем: «Брюс

---

43. *Harris M.* Bang the drum slowly. New York: Doubleday-Anchor Books, 1962. P. 29.
44. Ibid. P. 12.

не самородок»[45]. Определение, конечно, двусмысленное[46]. Брюс не был прирожденным бейсболистом, но он настолько же является символом человека от природы, насколько таковым являются Айк Маккаслин Уильяма Фолкнера или Ник Адамс Эрнеста Хемингуэя. Он учился играть в арахисовом поле; он был изумлен, узнав, что «Нью-Йорк Мэммотс» хотят платить ему, чтобы он продолжил играть. В больших лигах смешиваются городской и сельский типажи, однако совет, который Генри дал Брюсу, говорит о большем: «Половина подающих, с которыми ты столкнешься — всего лишь деревенские мальчишки, как ты, а другая половина — деревенские мальчишки из городов»[47].

Сюжет романа Харриса представляет собой пасторальную версию истории Лу Герига. Брюс звонит Генри из клиники Майо в Миннесоте и говорит, что, по мнению врачей, ему осталось жить пять месяцев. Его речь комична: «Это значит, что я обречен»,— говорит Брюс. Но этот роман — странное сочетание комедии и трагедии. Генри и Брюс проводят время вместе перед весенней тренировкой в Бейнбридже, Джорджия, где семья Брюса приглашает обоих посидеть на веранде, побеседовать об урожае и скоте, посудачить о душной погоде, по-сельски размеренно предаться воспоминаниям. Сельская местность полна воспоминаний для Брюса, который, наконец, преодолевает свою молчаливость, чтобы поделиться с Генри смыслом этого места и своего отрочества.

---

45. *Harris M.* Op. cit. P. 13.

46. В оригинале используется «natural», облако значений которого включает и «идиот, дурачок», и «одаренный, талант», и «естественный, природный».— *Примеч. пер.*

47. Ibid. P. 73.

Бейсбольный сезон — противоположность этому, отчасти комичная, отчасти жестокая. Это агрессивное соперничество, трения между людьми на фоне совместной жизни и путешествий в постоянной напряженности, враждебность и подлость, но также лихое братство. Генри чувствует, что изменился, узнав о болезни Брюса: «Когда твой сосед может умереть на твоих руках в любой день, то не думаешь о премиях, и это правда, считаете вы так или нет»[48]. Когда вся команда узнает о судьбе Брюса, наступает исключительная гармония и примирение, которые начинаются, когда Пини Вудс, один из принимающих, поет любимую песню Брюса[49]:

> Пусть медленно бьют барабаны и флейта
> тихонько свистит,
> Сыграйте марш похоронный, когда понесете меня,
> Забросайте гроб мой охапками роз,
> Пусть они укроют мой прах.

«Я загрустил из-за этого», пишет Генри. «Однако я знал, что некоторые из парней чувствуют то же самое, и от этого становилось легче». Он выражает любовь в неуклюжей и трогательной манере, соответствующей этой ситуации[50]:

> Ты бы с теплотой отнесся к этим парням, посмотрел на них, а они на тебя, и вы все — живые, и ты бы мог сказать: «Ну разве не замечательно? Быть живым, я имею в виду! Разве это не великое дело, жизнь?», — и будь они девчонками, ты бы их расцеловал, хотя никогда не сказал бы об этом вслух, а только болтал бы о делах.

---

48. Ibid. P. 139.
49. Американская народная песня «Улицы Ларедо» (Streets of Laredo). — *Примеч. пер.*
50. Ibid. P. 196–197.

Это момент пасторального примирения, соответствующего игре. Мюррей Росс пишет в своем блестящем эссе, что бейсбол — «это *пасторальный* спорт, и... его лучше всего можно понять именно как пасторальное искусство. Ведь бейсбол делает то же, что и всякая хорошая пастораль — создает атмосферу, в которой все сосуществует в гармонии»[51]. Марк Харрис понимает, что гармония пасторали не длится долго. Несмотря на просветление после песни, Брюс умирает, а Генри оказывается единственным из клуба, кто присутствует на его похоронах.

Пасторальность — лишь одна из сторон сезонной значимости бейсбола. В него начинают играть весной, и игра может опираться на остатки примитивной религии, сохранившиеся в современном человеке. Джесси Уэстон в своем знаменитом исследовании «От ритуала к роману», опираясь на антропологию сэра Джеймса Фрэзера, доказывает, что копье средневековых рыцарей святого Грааля[52] — это фаллический символ, связанный с воскресением богов древних религий, олицетворяющих силы природы. Этот сюжет вдохновил Томаса Элиота на создание стихотворения «Пустошь», но дальше него пошел Бернард Маламуд в романе «Самородок» (1952), соединив бейсбольную историю с обрядами жизни.

Герой Маламуда Рой Хоббс — дитя Дикого Запада,

---

51. *Ross M.* Football and baseball in America // Sport and Society / Talamini J. T., Page C. H. (eds.). Boston: Little, Brown, 1973. P. 103. См. также: *Grella P.* Baseball and the American dream // Massachusetts Review. Summer 1975. № 16. P. 550–567.

52. Кровоточащее копье, Копье Лонгина, или Копье Грааля — легендарная пика, которой римский воин пронзил ребра распятого Иисуса Христа. Балин, один из рыцарей Круглого стола, ранил этим копьем Короля-Рыбака. Нанесенную им рану может исцелить только Святой Грааль. — *Примеч. пер.*

а не трущоб Балтимора или тротуаров Нью-Йорка. В его снах бейсбольные мячики превращаются в белые розы, а в причудливой реальности романа эти мячики становятся птицами, которые улетают, хлопая белыми крыльями[53]. Когда Рой Хоббс приезжает в город, трава на внешнем поле начинает зеленеть, и он «резвится на ней как счастливый теленок на своем пастбище»[54]. Эти пасторальные элементы возвышаются до мифа. Волшебная бита героя, «Чудо-мальчик» — его «всегда бьющее в цель копье», которым он терроризирует подающего Вогельмана, пока тот не «падает в обморок»[55]. Древние богини — Иштар, Изида, Афродита — являются под видом таинственной Харриет Берд, которую Маламуд называет «энергичной богиней»[56]. В ее речи достаточно мифического, чтобы рассеять сомнения в намерениях Маламуда; она упоминает и Ветхий Завет, и средневековые поиски реликвий, и фрейдовскую теорию первобытной культуры, и истоки Эдипова комплекса в изначальном акте отцеубийства[57]:

> Время от времени она останавливалась и посмеивалась над собой за целые тирады на одном дыхании, которые рвались наружу... но после паузы она возвращалась к галопу — девушка верхом, — наслаждаясь прекрасным видом... Дэвида, борющегося с подобным Голиафу «Лапой», или это был сэр Перси, нападающий с копьем на сэра Малдемера, или первый сын (с камнем в руке) противостоит изначальному отцу?

Первая часть романа заканчивается тем, что Харриет Берд стреляет в Роя Хоббса в его номере в чи-

---

53. *Malamud B.* The natural. New York: Dell, 1971. P. 8, 23.
54. Ibid. P. 66.
55. Ibid. P. 9, 185.
56. Ibid. P. 25.
57. Ibid. P. 26.

кагском отеле. В сцене воспоминания о мертвых богах — Таммузе, Осирисе, Адонисе, Иисусе — смешаны с менее мифическими сходствами со стрельбой в Эдди Уэйткуса[58] в гостиничном номере.

Во второй части романа Маламуд представляет свою версию «Пустоши». Раненный Король-Рыбак[59], правящий опустошенными землями, становится Попом Фишером, менеджером «Нью-Йорк Найтс». Он страдает от «стопы атлета» (дермофитии), поразившей его руки, и напрасно ждет символического дождя. «Сняв кепку, Поп потер лысую голову забинтованными пальцами. „Это был чертовски сухой сезон. Ни капли дождя. На внешнем поле трава запаршивела, а внутреннее поле потрескалось. На душе и сухо, и грязно от ничтожности того, чего я достиг за все свои годы в бейсболе“»[60]. Рой Хоббс принес дождь иссушенной земле и положил конец неудачам команды. Когда он впервые занял позицию, страшный звук расколол небо и «капли дождя упали на поле»[61]. А через несколько секунд хлынуло. Дожди сделали траву зеленой, руки

---

58. Эдди Уэйткус (1919–1972), американский бейсболист, игравший в Национальной и Американской лигах, дважды попадал в сборную всех звезд Национальной лиги. Фанатка стреляла в него в номере в чикагском отеле в 1949 году. Уэйткус выжил, а фанатку отправили на принудительное лечение в психиатрическую клинику. — *Примеч. пер.*

59. Персонаж легенд о рыцарях Круглого стола, хранитель Святого Грааля. Как правило, он тяжело ранен в ногу или пах (в ряде версий его ранит копьем Балин) и не может двигаться. Его королевство, страдая от раны вместе с ним, становится бесплодной пустошью. Главный герой (например, Персиваль) обычно встречает короля рыбачащим недалеко от своего замка. Исцелить его может только вода из Грааля. — *Примеч. пер.*

60. *Malamud B.* Op. cit. P. 34–35.

61. Ibid. P. 63.

Попа Фишера исцелились, «как и сердце его»[62]. К несчастью, из-за эгоистичности и гордыни Рой Хоббс оказался неподходящим для миссии рыцаря Грааля. Его подвела упрямая любовь к порочной Мемо Пэрис, которую он предпочел подобной богине земли Айрис Лемон. Слишком поздно он познал любовь. Роман заканчивается не воскресением бога плодородия, а аллюзией на историю «Блэк Сокс». Рой Хоббс передумывает по поводу предложения сдать финальную игру плей-офф, но его любимая бита, «Чудо-мальчик», раскалывается, и на решающей подаче он выбивает мяч в аут (делает страйк-аут), его команда проигрывает, после чего газеты вытаскивают на поверхность его прошлые и нынешние проступки. «Скажи, что это неправда, Рой»,— умоляет его мальчишка-газетчик, но Рой «закрыл лицо руками и горько заплакал»[63].

Поскольку секулярный читатель склонен сопротивляться идее о том, что наша национальная игра имеет какие-то религиозные связи с весенним равноденствием, будет полезно отметить, что и весьма рассудительные историки писали о мифических истоках игры с мячом. За пять лет до публикации «Самородка» Роберт Хендерсон опубликовал работу «Мяч, бита и епископ», в которой утверждал, что «цель этой книги — показать, что все совре-

---

62. Ibid. P. 74.

63. Ibid. P. 190. Аллюзия на случай, произошедший с легендарным аутфилдером «Чикаго Уайт Сокс» Джо Джексоном, замешанным в скандал «Блэк Сокс». Когда он покидал здание суда после слушаний, его обступили ждавшие его юные фанаты, от 6 до 16 лет. Один из них потянул его за рукав и спросил: «Это ведь неправда, Джо?». Джексон ответил: «Нет, мальчик, боюсь, что так оно и есть». Мальчики безмолвно расступились, чтобы пропустить его.— *Примеч. пер.*

менные игры с мячом и битой имеют один исток: древний обряд плодородия, который отправляли правители-жрецы в Египте времен строительства пирамид»[64]. Аргумент Хендерсона кажется радикальным, но стоит помнить, что у многих игр — культовый исток. Весьма поучительно также обратить внимание на странную игру, в которую играют в берберских племенах Ливии. Она уникальна. В нее играет одно племя, отличающееся от других берберских племен тем, что в нем встречаются светловолосые. *Ta Kurt om el mahag*, «мяч матери странника», поразила открывшего ее итальянского антрополога тем, что была похожа на простейший бейсбол. Есть база «дом», а также база, к которой надо бежать, подающий, бьющие и защитники в поле. Капитан имеет право на три страйка (неотбитых подачи)[65], а остальные игроки — только на два. Если мяч после навесного удара пойман, то нападающая и защищающаяся стороны меняются местами. В игре есть множество терминов, которые сами берберы объяснить не могут. Более того, в нее играют без похожего на тогу *барракана*, который принято снимать только во время обрядов. Никто точно не знает, как эта игра появилась в Северной Африке или какой именно у нее смысл. Ве-

---

64. *Henderson R.* Ball, bat and bishop. New York: Rockport Press, 1947. P. 4.

65. Для сравнения: в бейсболе игрок нападающей команды (бьющий), набравший три страйка в одной серии подач, получает страйк-аут и отправляется в аут. После трех страйк-аутов (выбывания троих игроков атакующей команды) команды меняются местами или, если смена уже была, иннинг (период) заканчивается. В течение иннинга каждая команда по разу играет в нападении и защите. Обычно их в игре девять, при необходимости играются дополнительные. — *Примеч. пер.*

роятно, ее принесли вторгшиеся сюда германские племена сотни лет назад. В ней сохранились остатки примитивных обрядов дождя, которые теперь не имеют никакого смысла даже для берберов[66].

Один любопытный факт об игровом времени и пространстве бейсбола может сделать рассуждения о силе влияния древнего мифа более правдоподобными. Один из исследователей американского футбола недавно заметил: «Спорт опирается на священный цикл мифического времени, давая благодаря этому столь нужный психический отдых от однообразия западного линейного времени»[67]. Это проницательное наблюдение даже более верно для бейсбола и крикета, чем для американского футбола, баскетбола, хоккея, футбола, регби, хоккея на траве, лакросса или гандбола, в которых игра основана на отсчете временных промежутков. По сути, бейсбол — игра без времени. При достаточно большой разнице уровней команд матч мог бы продолжаться бесконечно, ведь более слабой команде не удавалось бы выбить троих игроков соперника в аут. Невозможно предсказать, когда в точности закончится игра. Это нервирует телевизионных спонсоров и составителей телевизионных расписаний, но по душе тем, для кого игра всегда идет до последнего игрока. Пространственно, как и в плане времени, в бейсболе господствует открытость, которой нет даже у крикета. Если мяч отбит верно, он не может улететь слишком далеко. Лицевые линии тянутся вовне от основной базы в бесконечность.

---

66. *Gini C.* Ritual games in Libya // Rural Sociology. 1939. № 4. P. 283–299.
67. *Real M. R.* Super Bowl: mythic stectacle // Journal of Communications. 1975. № 25. P. 35.

Есть и еще одно пространственное различие между бейсболом и остальными играми. В последних есть полярность. Движение — это колебание между голами. Бриллиант на бейсбольном поле прочерчивается воображаемой траекторией бегущего (раннера), пробегающего через все базы на поле[68]. Среди популярных игр круговое движение — это уникальная особенность: через все базы обратно в «дом». Если антропологические изыскания Мирчи Элиаде верны, круг и линия — вероятно, основные метафоры человека для вечно возвращающегося и темпорально уникального. Случайно ли, что четыре базы количественно соответствуют четырем сезонам года? Возможно. Но все же... Я не готов утверждать, что американцы тяготеют к бейсболу из-за устойчивости мифа в нашем коллективном бессознательном. Тем не менее я убежден, что пасторальные черты важны для этой игры и что ежегодное возрождение земли все еще затрагивает современного человека.

Не будет ли натяжкой предположить, что к относительному упадку бейсбола в последние годы привело ослабление этого пасторального элемента? Бейсбольные матчи проходят теперь под электрическим, а не солнечным светом. Искусственный газон Astroturf заменил траву, а неподвижный воздух Астродома изолировал фанатов от Зефира и Борея[69]. Для телезрителя там ни ночь, ни день,

---

68. Базы расположены по углам квадрата со стороной 27,4 метра. — *Примеч. пер.*

69. Астродом — первый в мире стадион с регулируемыми параметрами окружающей среды, открытый в 1965 году в городе Хьюстон, штат Техас. Первоначально купол, состоявший из пластиковых пластин, пропускал свет, и это мешало игрокам и зрителям днем. Кроме того, в сочетании с копившей влагу естественной травой это вы-

а только яркая картина некоего далекого, лишенного погоды события.

Второй фактор, исчислимость (квантификация), как кажется, прямо противоположен пасторально-примитивным элементами, о которых сейчас шла речь. Его почти не найти в литературных похвалах в адрес бейсбола, и, вероятно, это вовсе не то, о чем задумывается большинство американцев. Это шестая из семи характеристик современного спорта, наиболее строго отделяющая современные спортивные дисциплины от древних и досовременных. Между тем стоит сделать отступление и пояснить, как в бейсболе проявляются первые пять характеристик.

О секуляризме можно сказать коротко. Если наше рассуждение верно, то в бейсболе сохранилось что-то от древней связи спорта и священного. Это секулярная деятельность с признаками мифического. Что касается равенства условий соперничества и доступности, то бейсбол ничем не отличается от своих главных конкурентов. Да, американцы хвалили демократичность доступной для всех игры, в которой личные заслуги могут демонстрироваться и щедро вознаграждаться, но бейсбол не более демократичен, чем футбол или регби, или гольф, или любая другая современная игра (каждую из которых *ее* поклонники нахваливают как особенно демократичную). Равенство как критерий разли-

---

зывало выпадение осадков внутри стадиона, поэтому вскоре пластины закрасили. Из-за этого трава погибла, и часть сезона 1965 года пришлось играть на покрашенной в зеленый цвет грязи. Затем поле поэтапно покрыли искусственным газоном Astroturf, созданным специально для этого стадиона. — *Примеч. пер.*

Зефир и Борей — боги западного и северного ветров соответственно. — *Примеч. пер.*

чения не работает. Специализация и рационализация — тоже характеристики и бейсбола, и конкурирующих с ним видов спорта, фиксирующие их переход к современной форме. Обе они весьма развиты в бейсболе. В нем рано произошло разделение на девять разных игровых позиций, появилось большое количество самых детальных инструкций и начали предприниматься сознательные попытки усовершенствовать их через экспериментирование с правилами. Спортивные чиновники постоянно экспериментировали с количеством мячей и страйков, с определением страйк-зоны, расстояний между позицией подающего и базой «дом», размером и формой биты и мяча и другими бесчисленными деталями.

Кроме того бейсбол был одной из первых спортивных дисциплин, построивших собственную бюрократическую структуру. В 1859 году двадцать два любительских клуба объединились в Национальную ассоциацию игроков в бейсбол. А в 1871 году, спустя два года после того, как «Цинциннати Редз» стали первой открыто оплачиваемой командой, была организована первая профессиональная лига. Национальная лига была создана в 1876 году, и владельцы команд быстро уладили такие бюрократические моменты, как создание регулярного игрового календаря на 154 матча, который позволил командам играть друг с другом равное количество игр.

Бейсбол был (в определенном смысле социологически) предрасположен к глубокому проникновению квантификации, которая быстро стала отличительным признаком игры. Пространственное разделение игроков на поле и относительная изолированность друг от друга бьющего и подающего в их противостоянии облегчили сбор как индивидуальной, так и командной статистики. Многие

аспекты игры — три страйка, четыре подачи, три аута, четыре базы, девять иннингов, 154 матча — сделали возможными бесконечно варьируемые арифметические расчеты. Изобретение карточек для записи счета[70] и таблицы с турнирным положением команд были небольшими, но важными нововведениями, которые позволили фанатам (тогда их называли «cranks»[71]) следить за статистикой игры. Газеты быстро отреагировали на эту жажду информации и начали печатать спортивные страницы с таблицами результатов, а журнал «The Sporting News» (основан в 1886 году) предложил даже более подробную статистику и по высшим, и по низшим лигам. Благодаря «Путеводителям по бейсболу» Альберта Сполдинга[72] одержимость подсчетами начала захватывать людей. Символ этого увлечения числами — огромная энциклопедия бейсбола, опубликованная в издательстве «Macmillan». Она почти

---

70. Перед началом матча болельщик получает карточку с таблицей и информацией о составе команд, в которой он может делать записи о ходе игры. — *Примеч. пер.*

71. Это прозвище было распространено в 80-е годы XIX века и было связано с «cranking of the turnstiles» — проворачиванием турникетов на входе на стадион. Слово «fan» впервые было использовано в 1883 году игроком и тренером Тедом Салливаном, появилось в печати в 1887 году и быстро вытеснило «crank». Подробнее об истории и различиях в употреблении этих двух слов см.: *Morris P.* What it means to be a fan. URL: https://www.press.umich.edu/resources/fantalk.pdf — *Примеч. пер.*

72. Альберт Сполдинг (1850–1915) — подающий (1871–1878), тренер и президент «Чикаго Кабс», основатель компании «Spalding», выпускающей спортивное снаряжение, и один из основателей Национальной лиги. Сполдинг сыграл ведущую роль в стандартизации бейсбольного снаряжения, написал первый официальный свод бейсбольных правил и инициировал комиссию по изучению истоков бейсбола. — *Примеч. пер.*

такая же увесистая, как полный словарь «Webster's Dictionary», и очень популярна среди истинных поклонников бейсбола. Может ли кого-то интересовать средний процент отбитых подач Чарльза Комиски за всю его карьеру[73]? Да, есть такие люди. И эту информацию можно найти.

Подсчеты тесно связаны с другим важным аспектом бейсбола. Действие в игре регулярно прерывается. В известной статье о популярности бейсбола Роджер Кан утверждал, что фанаты заполняют паузы в игре, рассказывая друг другу истории, но я хотел бы предложить другое объяснение[74]. Представьте себе ситуацию. Подающий держит мяч и пристально смотрит на бьющего, покачивающего битой в ожидании подачи. На телеэкране появляется информация к размышлению — у бьющего средний показатель .287 против .352 у подающего. Напряжение растет. Питчер делает «подачу костяшками»[75], и бьющий промахивается. Телеэкран

---

73. Чарльз Комиски (1859–1931) — игрок и тренер ряда бейсбольных клубов, владелец клуба «Чикаго Уайт Сокс». — *Примеч. пер.*

74. Intellectuals and ballplayers // American Scholar. Summer 1957. № 26. P. 342–349.

75. Knuckleball — один из видов подачи в бейсболе. Был изобретен Эдди Сикоттом по прозвищу «Костяшки» — игроком «Чикаго Уайт Сокс», закончившим карьеру из-за скандала «Блэк Сокс» (по другой версии им был игрок Тоад Рамсей). Исходно мяч держали костяшками пальцев (отсюда название), но затем технику усовершенствовали. Теперь мяч берется кончиками пальцев (есть разные комбинации) и выталкивается практически только ими. При этом вращение минимально, а скорость низка (97–110 км/ч). В таком случае на траекторию полета сильно влияют потоки воздуха, которые, скользя по гладкой поверхности и неровным швам, заставляют мяч отклоняться в сторону шва. Поэтому траектория оказывается неустойчивой, «танцующей», и почти непредсказуе-

сообщает зрителю, что подающий в этом сезоне выиграл семь и проиграл три матча. Подающий бросает игроку на первой базе, и ему не удается сделать пик-офф. Подающий пристально смотрит на бьющего. Телевидение указывает, что средний показатель этого бьющего против подающих-левшей составляет .299. Подающий бросает крученый, который летит мимо пришедшего на базу «дом» игрока. Американский болельщик качает головой в знак неодобрения. Счет постепенно доходит до 3–2, и подающий медленно собирается. В этот момент европейский зритель сдается и заявляет, что игра невыносимо скучна. Однако медленный темп дает время для статистики и обсуждения вероятностей и стратегии. Паузы в игровых действиях нужны, чтобы фанат мог усвоить предоставленную ему статистическую информацию и обсудить ее с другими, но теперь она уже является частью его психической жизни. Бейсбол, пишет Роджер Энджел, это «самый математичный из всех уличных видов спорта... Ученые говорят о глубоко волнующей эстетической красоте математики, и, возможно, бейсбольное поле — одно из немногих мест, где для каждого из нас, не-математиков, мерцает эта тайна»[76].

Это характерно и для американского футбола с его последовательностью попыток, совещаний игроков на поле и перерывов[77], с почти настолько же

мой для бьющего, как, впрочем, и для подающего и судьи. Это особенно сложный вид подачи, и ею владеют немногие из подающих (к примеру, на 2013 год ею регулярно пользовался только один подающий Главной лиги). — *Примеч. пер.*

76. *Angell R.* The summer game. New York: Viking, 1972. P. 4, 303.

77. Матч в американском футболе состоит из игровых моментов, каждый из которых начинается в той точке, где закончился предыдущий. У нападающей команды есть четыре

сильным увлечением подсчетами и статистикой. Однако ему явно недостает ауры пасторальности, а структура игры просто не позволяет достичь того уровня квантифицированности, который характерен для бейсбола. В баскетболе, хоккее и футболе гораздо более цельное течение игры, что исключает особого рода связь между событиями матча, выраженной в числах карьерой игрока и отвлеченной, напечатанной, ограниченной и абсолютизированной историей самой игры.

Среди чисел мы выделяем рекорды. В бейсболе из-за обилия подсчитываемых аспектов до абсурдного легко устанавливать рекорды. Они могут быть как важными (60 хоум-ранов[78] Бейба Рута в 154 играх сезона 1927 года), так и бредовыми (Стэн Музяль два года подряд был лидером лиги по трехбазовым хитам[79]). Есть ли на свете бейсбольный фанат, который не сможет моментально назвать имена, связанные с числами 511 и 2130[80]? Игроки

попытки (дауна) пронести мяч вперед на 10 ярдов (длина поля 120 ярдов или 48,738 метра) и получить еще четыре попытки. В противном случае мяч и право нападения отдаются противнику. В течение игры команда может собираться в круг (huddle) для совещания. Кроме того, каждая команда имеет право на 3 перерыва (time out) в каждом из двух таймов матча. — *Примеч. пер.*

78. Хоум-ран — удар, при котором бьющий пробегает по всем базам и возвращается на базу «дом». — *Примеч. пер.*

79. Стэн Музяль — бейсбольный игрок клуба «Сент-Луис Кардиналс» (1941–1963). Один из самых сильных назначенных (играющих не с начала) бьющих в истории игры.

Бьющий делает трехбазовый хит (удар), или трипл, если после удара мяча достигает третьей базы без ошибок или помех со стороны соперника. В современном бейсболе это редкая ситуация. — *Примеч. пер.*

80. Сай Янг (самое большое количество победных матчей среди подающих — 511) и Лу Гериг (самое большое количество игр подряд — 2130).

перечисляют свои рекорды в приложениях к своим автобиографиям и уже начали соперничать друг с другом за рекорд по количеству рекордов, что не означает, как можно было бы подумать, необходимости скрести по сусекам, ведь бейсбольные сусеки статистики — это, на самом деле, неисчерпаемый рог изобилия.

Увлеченность рекордами может порождать аномалии и даже саботировать цели соревнования. К примеру, игрок может стремиться к личным рекордам, подстраивая свою игру под это, в то время как его команда регулярно проигрывает. Игроки иногда могут забывать о принципе честной игры, чтобы помочь своим противникам установить новый рекорд, как это было в 1941 году, когда подающие из команды-соперника старались не делать Джо Димаджио базу за болы[81], чтобы он мог продолжить свою рекордную серию отбитых подач. Точно так же, великодушно, но поистине неспортивно, поступил Дэнни Маклейн в другой бессмысленной гонке за рекордом, когда сделал ошарашенному Мики Мантлу (бьющему) легкую подачу, и тот смог совершить свой 500-й хоум-ран.

Марк Харрис высмеял перегибы этой погони за рекордами[82]:

> «Ты установил рекорд», — сказал Уродец. «До вчерашнего дня ты навыключал радио на 15738 раз. А теперь выключил его в 15739 раз».
> «Официально или неофициально?» — спросил я.

---

81. База за болы, или база за мячи (base on balls) — игровая ситуация, в которой после четырех неточно выполненных подач (мяч должен пролететь вне зоны страйка так, чтобы бьющий не мог дотянуться) бьющий перемещается на первую базу. — *Примеч. пер.*

82. *Harris M.* Bang the drum slowly. P. 147.

«С каждым прожитым тобой днем ты проживаешь еще один день», — заявил Адвокат Лонгабукко. — «Ты бьешь собственный рекорд».
«Официально или нет?» — спросил Блонди Биггс.
«Сегодня я произнес 3112 официальных слов», — сказал Джона. — «Это бьет вчерашний показатель».
«Сегодня я впервые официально повесил этот бандаж на этот гвоздь в 4.02 пополудни 9 июля 1955 года», — объявил Перри.
«Держу пари, сегодня мы впервые проиграли Бруклину со счетом 4–3, ведя в первом иннинге 3–0 в женский день», — произнес Гарри Гли.
«А женщины — официально?» — спросил Уродец.
«Некоторые да, некоторые нет», — ответил Гарри.

Юмор еще мог бы спасти нас, даже от наших забав.

Другой писатель, Роберт Кувер, в своей удивительно проницательной книге «Универсальная бейсбольная ассоциация, Инкорпорейтед» (1968) подчеркивал странное смешение в бейсболе примитивного и современного. Кувер описывает воображаемый мир внутри другого воображаемого мира. Его герой, внешне скучный бухгалтер Генри Во, работает в унылой фирме мистера Хораса Цифферблатта, но втайне живет в придуманной им игре — настольной игре с тремя игральными костями и набором таблиц вероятностей. В своей уединенной кухне он бросает кости и из миллионов возможностей выпадают события игры, которые он затем аккуратно вписывает в книги рекордов. В художественном мире подверженность бейсбола подсчетам наконец заменила собой саму игру. Кубики бросаются, цифры выпадают, таблицы заполняются, а результаты записываются[83].

---

83. *Coover R.* The Universal baseball association, Inc., J. Henry Waugh, Prop. New York: Random House, 1968. P. 19.

> Со времен знаменитого совета по игровым правилам 1889 года бейсбол благодаря удаче, опыту и ошибкам добился почти идеального баланса между защитой и нападением, и именно этот баланс вкупе с возможностью подсчета (красота системы записей, которая позволила вписывать в вечность малейшее игровое действие) привели Генри в бейсбол.

Притягательны как раз открытость для подсчетов и красота системы записей. «Не столько сама игра — сказать по правде, сам бейсбол навевал тоску, — сколько записи, статистика, особый баланс между личным и командным началами, нападением и защитой, стратегией и везеньем, случаем и системой, силой и умом»[84].

Реальный бейсбол навевал на него тоску, но игра не исчезает потому, что беллетристическое воображение Генри Во создает целый мир с тысячами живых и мертвых игроков, чьи проделки, безумные приключения и спортивные подвиги более реальны для Генри, чем мрачные сотрудники, работающие под черствым руководством мистера Циферблатта. Ветераны, давным-давно закончившие карьеру в Универсальной бейсбольной ассоциации, собираются в баре Джейка, чтобы спеть балладу о знаменитом соблазнении Лонгом Лью Лиделлом девчонки Фанни МакКэффри, чей отец был комиссионером лиги и активным лидером одной из ее политических фракций. И все это умещается в голове Генри.

Роман переворачивает историческую последовательность, в которой статистика — это результат действий игроков из плоти и крови. Здесь же кости и таблицы математических вероятностей рождают личностей, которые населяют воображение

84. Ibid. P. 45.

Генри Во. Действие романа связано с любовью Генри к своему молодому герою, Дэймону Рутерфорду, сыну старины Брока Рутерфорда, одного из первых игроков Универсальной бейсбольной ассоциации. Лайн-драйв[85] Джока Кейси убивает этого симпатичного молодого подающего, несмотря на вероятность 1 к 10 077 696, и это трагическое событие ввергает Генри в отчаяние. В конце концов он нарушает собственные правила и мошенничает с костями, чтобы Джоку Кейси выпала смерть — событие, которое бы имело ту же вероятность, будь кости брошены честно. Генри протягивает руку, чтобы манипулировать костями, которые уже остановились. Следует отдать должное искусности Кувера, благодаря которой это действие Генри переживается как то, чем оно поэтически и является — убийство.

За этим импульсивным поступком следует внезапный перебой в технике повествования. Пока Генри не вмешался в работу случая, он был «мозгом» романа, — повествование велось с его точки зрения, и он всегда присутствовал как *raison d'etre* своей воображаемой бейсбольной игры. Теперь же Генри исчезает. В последней главе мы перемещаемся в тот момент в будущем, когда игроки Универсальной бейсбольной ассоциации собираются вместе, чтобы отпраздновать День Дэймона (теперь символизм имени очевиден: «даймон», «демон»). Игра стала мифом, над которым одни игроки смеются, а другие в него верят. Некоторые сомневаются в «Легенде о Великом Искуплении», другие «даже утверждают, что Рутерфорд и Кейси никогда не существовали — не более чем еще один древний миф о солнце, жертве, уби-

85. Мяч, отбитый бьющим и летящий к полевому игроку по прямой траектории не касаясь земли. — *Примеч. пер.*

той монстром или силами тьмы»[86]. Древние мифы — это, конечно, мифы о Таммузе, Адонисе и Иисусе. Юноша, играющий роль Дэймона Рутерфорда, будет принесен в жертву подобно юношам ацтеков и майя, смерти которых гарантировали плодородие земли, но «Дэймон» принимает свою судьбу. Язык — это жуткое сочетание ужасного и близкого: «„Это не испытание“, — говорит Дэймон, зажав перчатку подмышкой и поигрывая новым мячом. Он знает, что за его спиной бьющий Скэт Баткин уже идет к „дому“. „Это даже не урок. Просто что есть, то есть“. Дэймон любуется мячом. Он твердый и белый, живой в лучах солнца»[87]. Дэймон Рутерфорд умрет и восстанет из мертвых. В своем блестящем произведении искусства Кувер сделал акцент на взаимодействии между современной практикой подсчетов и примитивным мифом. Сделанное Кувером заслуживает большего признания, чем оно до сих пор получило.

Был ли мой анализ бейсбола противоречивым? Утверждал ли я, что особая притягательность бейсбола по сравнению с другими командными играми заключается в его первозданно-пасторальных элементах и одновременно в его исключительной современности, в его близости и к сезонным ритмам природы, и к изощренной области чисел? Я предполагаю, что здесь мы имеем дело не с противоречивостью, а со сложностью — парадоксальной ситуацией, в которой, благодаря особым, тщательно сформулированным и отрегулированным условиям игры, возможно, казалось бы, несовместимое: вычислять вероятность фастбола (прямой скоростной подачи) или успешного банта[88] и в то же время на-

---

86. *Coover R.* Op. cit. P. 220, 223–224.
87. Ibid. P. 242.
88. Бант (*bunt*) — игровая ситуация, в которой бьющий горизон-

слаждаться теплыми солнечными лучами в апрельский полдень. Мяч после удара летит в сторону левой трибуны, и назначенный бьющий с показателем .389 бежит по базам, неосознанно подражая древним бегунам, чья религиозная активность вновь возвращала мертвую землю к жизни. В моей интерпретации бейсбол — это игра-символ нашего противоречивого отношения к покинутому нами прошлому и неведомому будущему, на которое мы все обречены. Но верна ли эта интерпретация? Увы, нам не суждено выяснить это.

Бейсбол и проблема культурной диффузии

В своей интерпретации бейсбола я говорю о взаимодействии современных и примитивно-пасторальных элементов. Даже если она верна, без ответа остается вопрос, поставленный в начале обсуждения этой игры. Почему американцы (а также канадцы, кубинцы, мексиканцы и японцы) играют в бейсбол, а львиная доля других наций — нет? Большинство современных видов спорта, как мы отметили, имеют международный характер. Бейсбол же не является ни исключительно американским, ни повсеместным подобно современным дисциплинам. У меня нет готового решения проблемы культурной диффузии, но есть ряд мыслей на этот счет.

Подобно тому как футбол и ряд других современных игр были распространены британцами, бейсбол распространяли за рубежом американские педагоги, миссионеры и бизнесмены, которые зна-

---

тально выставляет биту, чтобы увести мяч от соперников, но оставить в пределах внутреннего поля. — *Примеч. пер.*

комили с ним везде, куда бы ни ехали. Некоторые нации переняли его, другие — нет. Подозреваю, что бейсбол стал популярен в Канаде, Японии и странах Карибского бассейна, поскольку в конце XIX и начале XX века эти нации находились под сильным влиянием США, представлявшихся тогда образцом современной цивилизации. Мотив подражания мог помочь бейсболу стать первым командным видом современного спорта в исторически решающий момент — до «экологического вторжения» британских проповедников футбола на эти территории. Иными словами, именно современная составляющая этой игры привлекла канадских, японских и карибских игроков.

Такое прямое влияние могло бы разрешить часть наших затруднений, но остаются вопросы. Наша интерпретация бейсбола предполагала двойственность: современные элементы оказались неразделимо смешанными с древними и пасторальными. Если мы соглашаемся с тем, что бейсбол стал популярен в некоторых странах благодаря своей современной составляющей и связям с Америкой, то что сказать о том очевидном факте, что он *не* распространился среди других наций? Ответ (намек на него уже был) состоит в том, что британцы в итоге были быстрее. Это был период британской культурной гегемонии. Британская империя достигла зенита могущества и влияния в период после Первой мировой войны. Именно в это время футбол стал самым популярным современным командным спортом.

К сожалению, этот ответ удовлетворителен лишь частично. Если я прав насчет бейсбола, мы не можем сейчас забыть о примитивных и пасторальных элементах только потому, что это удобно для объяснения. Если эти элементы психологически важны,

они должны быть значимы для всех, а не только американцев и тех, кто увлекся бейсболом. В таком случае в обществах, где он не получил популярность, должны быть эквивалентные способы реализации обрядов весны и напоминания себе о вечном круговороте сезонов. И они есть, но это необязательно игра. Простейший ответ мог бы состоять в том, что во многих из современных обществ индустриализация, урбанизация и секуляризация не так сильны, как в США. Рутина сельскохозяйственного труда и повторяющиеся праздники традиционной религии подчеркивают цикличность смены сезонов, и смерти, и рождения земли. Для той роли, которую бейсбол играл в XIX и начале XX века, особой нужды в спорте нет. Людям не нужна городская игра, чтобы напомнить себе о связи с природой, если они продолжают жить близко к земле, а их религиозные институты говорят им, когда сеять, а когда жать.

Бейсбол мог быть средством перехода, особой игрой, сочетание в которой современных и примитивно-пасторальных элементов эмоционально помогло США войти в секулярный современный мир. Это вовсе не значит, что теперь бейсбол придет в упадок и исчезнет, но трудно не поверить в то, что теперь примитивно-пасторальные аспекты игры по большей части анахроничны. Слишком уж похоже на то, что звездный час бейсбола остался в прошлом.

ГЛАВА 5

Восхищение американским футболом

Популярность и насилие

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ американский спортивный комментатор или ведущий, за исключением Говарда Козелла и Джорджа Плимптона, который бы потерпел неудачу во времена бума американского футбола 60-х годов? Скорее всего, нет. Притязания бейсбола на звание «народной игры» выглядят все более сомнительно, тогда как посещаемость профессиональных матчей по американскому футболу, а также объем ТВ-аудитории как школьных, так и профессиональных матчей стали стремительно возрастать в 1950–1960-е годы. Таблица 5.1 иллюстрирует рост посещаемости трех главных профессиональных командных видов спорта[1]. Хотя посещаемость бейсбольных матчей остается наибольшей, соотношение посещения бейсбола/американского футбола снижается с 8.83 до 2.93. Другой способ указать на сдвиг в интересах публики — проследить его между 1959 и 1973 годами. Процент людей, посетивших матч по американскому футболу хотя бы раз за прошедшие 12 месяцев возрос от 23 до 33%, рост бейсбола составил всего 2% — с 28 до 30% (в то время как посещаемость

1. Данные взяты из статистического сборника Соединенных Штатов (*Statistical Abstract of the* United States).

ТАБЛИЦА 5.1. Посещаемость регулярных матчей командных видов спорта, тыс. чел.

	1950	1960	1970	1974
Высшая бейсбольная лига	17463	19911	28747	29994
Профессиональный американский футбол	1978	4054	9533	10236
Профессиональный баскетбол		1986	6900	9154

футбола (soccer) удивительным образом возросла от 1 до 13%)[2]. Статистика крупных телевизионных шоу — Супер Боул и Мировая серия — демонстрирует такую же тенденцию. А. С. Нильсен сообщал в 1975 году, что 41,6% всех домохозяйств смотрело как Питтсбург Стилерс нанесли поражение Миннесота Викингс, а 30,7% переключились на просмотр Мировой серии, в которых Чинчиннате Редс чуть было не потерпели неожиданное поражение от Бостон Ред Сокс (и только 13,5% смотрели плей-офф НБА)[3]. Журнал *Sports Illustrated*, наиболее читаемое издание Америки в своем роде, напечатал 12 обложек с бейсболом в 1958 году и только 4 с американским футболом; в 1966 было уже 8 обложек с бейсболом и 15 с американским футболом.

Чем объясняется сдвиг в интересах людей? Уильям Филипс, пишущий в издании *Commentary*, предлагает смелую и оригинальную интерпретацию различий в привлекательности видов спорта:

> Все виды спорта предстают как своего рода разрядка, но ритм американского футбола особенно соот-

2. *John W. Lay*. The North American Syndrome // Sports or Athletics? / ed. J. Alex Murray. Windsor, Ontario: University of Windsor Press, 1974. P. 94–95.
3. World Almanac and Book of Facts. 1976.

> ветствует насилию и своеобразной комбинации порядка и беспорядка современной жизни. Бейсбол слишком медленный, слишком основательный, слишком растянутый. Баскетбол слишком нервный и резкий, хоккей слишком яростный, бокс — хаотичный и простонародный. И только американский футбол обеспечивает подлинный катарсис[4].

Филипс говорит как поклонник игры, так же как и Джордж Стейд в своем удивительно проницательном эссе об американском футболе:

> В первую очередь футбол — это форма игры, которой занимаются ради осуществления требуемого действия. Среди различных форм игр, американский футбол — это игра основанная на командных взаимодействиях, а не на мастерстве одиночки, как альпинизм. Это спорт среди игр; он требует физических навыков, в отличие от шашек. И среди других видов спорта американский футбол — единственный, основанный на насилии, и в этом насилии — его особое очарование[5].

В то же время для других «особое очарование» американского футбола — это нечто ужасное. «Более 25 миллионов американцев питали свою бесчеловечность каждые выходные прошлой осени, наблюдая матчи по американскому футболу... Университетский и особенно профессиональный американский футбол разоблачает фашистскую прослойку нашего общества... Тоталитарная структура отношений в футболе... отражает широкое распространение милитаризма в нашей культуре»[6]. С этой же точки зрения Пол Хоч утверждает, что американский футбол превзошел по популярности бейсбол в кон-

---

4. A Season in the Stands // Commentary. July 1969. No. 48. P. 66.
5. Game Theory. Columbia Forum. Fall 1966. P. 173.
6. *Eugene Bianchi.* Pigskin Piety // Christianity and Crisis. 21 February, 1972. No. 32. P. 31–32.

ТАБЛИЦА 5.2. Предпочтения спортивных болельщиков в зависимости от образования (в %)

	Средняя школа	Старшая школа	Колледж
Бейсбол	40	34	21
Американский футбол	10	24	36
Баскетбол	6	10	13

це 1960-х определенно по причине базового милитаризма американской жизни, который нашел свое жестокое отражение в наших играх так же, как и на полях сражения во Вьетнаме[7].

Сторонники и противники футбола тем не менее согласны в наличии насилия, даже если в остальном соглашаться не склонны, но насилие выводит на свет некоторые неприятные вопросы по отношению к футболу и обществу. Истоки американской игры — студенческий спорт, и многие годы игра рассматривалась как «школьная игра». Означает ли это, что Гарвард, Йель и Принстон обладали особыми склонными к насилию субкультурами? Согласно исследованиям Института Гэллапа в 1960-х годах интерес к футболу связан с высшим образованием (college education), тогда как американцы с начальным школьным образованием (у американцев это 5–11 лет) в своем большинстве предпочитают смотреть бейсбол (табл. 5.2)[8]. Похоже, что обозначенная ранее «фашистская прослойка» нашего общества наиболее представлена среди тех, у кого есть ученая степень? И эти вопросы

7. Rip Off the Big Game. New York: Doubleday-Anchor Books, 1972. P. 7.
8. Опрос опубликован 4 января 1960 года; см.: *Gallup G. H.*. The Gallup Poll, 3 vols. New York Random House, 1972. Vol. 3. P. 1699–1700.

не напрасны. На них могут дать и утвердительный ответ, но также они могут быть оспорены аналитически, эмпирически и без какого-либо пристрастия. Мы вернемся к ним после рассмотрения традиционного и современного в американском футболе.

В качестве первого шага навстречу рациональному обсуждению проблемы, мы должны спросить — правильно ли относить футбол к жестокому спорту. Если мы имеем в виду условия, относящиеся к некому роду незаконных, несанкционированных физических воздействий, тогда футбол по своему существу не жесток, он становится таковым только когда игроки нарушают правила игры (прописанные правила или менее строгие неписанные, которые принимаются игроками и официальными лицами). Конечно один из самых очевидных аспектов спорта это то, что запрещенное в иных условиях поведение, идеально подходит к контексту конкретной игры. Схватить за талию человека, идущего по парку, и швырнуть его на траву — значит совершить насилие, но совершить идентичный физический акт в роли полузащитника — определенно не насилие. Если бы это слово не было включено в наш лингвистический репертуар, если бы существовало какое-то другое слово, которое описывало то, что делает полузащитник, мы бы предложили такое, которое не говорило бы о насилии. К сожалению, существует вид высвобождаемой энергии — на войне, в природе («жестокая гроза»), в спорте — который мы называем насилием. Согласитесь, что многие виды спорта включают легитимные, социально санкционированные формы насилия, что позволяет сказать, с одобрением или отвращением, что эти виды спорта жестоки[9].

---

9. См.: *Magnanc G.* Sociologic du sport. Paris: Gallimard. 1964. P. 35.

Чтобы выйти за пределы осуждения футбола, насыщенного насилием, не станем отрицать, что основные элементы игры — бег, блокирование, захваты, столкновения, броски, удары ногой — требуют большой физической силы, и многие из этих элементов имеют форму жесткого и агрессивного «физического контакта». Игроки блокируют, захватывают, бьют друг друга так, как это позволяют правила, но стараются также запугать, причинить физическую боль или даже травму. В простонародье игроки «лупят» друг друга, «швыряют» друг друга, наслаждаются «контактом». Вуди Хейс, известный тренер Университета штата Огайо, хвастается: «Мы учим наших парней вонзаться и бодать... Мы хотим, чтобы они всаживали свои шлемы прямо под подбородок соперника... Я хочу, чтобы они воткнулись маской в шею оппонента»[10]. Именно это и имел в виду Винс Ломбарди,[11] главный тренер «Грин-Бей Пэкерс», когда сказал: «Американский футбол — это жестокая игра. Чтобы играть в нее, вам придется быть жестким. Физически и психологически»[12]. Что тренеры проповедуют, то практикуют игроки. Отвечая на вопрос, что он чувствовал после столкновения на поле, игрок «Сан-Диего Чарджерс» ответил: «Я чувствовал жар во всем теле»[13]. Проницательный наблюдатель, который провел сезон вместе с «Питсбург Стиллерс», за-

---

10. Цит. по: *Sharnik M., Creamer R.* A Rough Day for the Bear // SI. 26 November, 1962). No. 17. P. 16.

11. Один из величайших тренеров NFL, никогда не проигрывал сезон. Под его руководством команда пять раз за семь лет побеждала в НФЛ, в том числе выиграв первые два Супер Боула в 1966 и 1967 годах. — *Примеч. пер.*

12. Цит. по: *Dowling T.* Coach. New York: Norton, 1970. P. 46.

13. Цит. по: *Mandell A. J.* The Nightmare Season. New York: Random House, 1976. P. 19.

ключил: «Стремление к контакту — это чувство, которое должны иметь все профессиональные футболисты, кроме квотербеков и ресиверов»[14]. Здесь нет никаких секретов. Столкновения являются неотъемлемой и, по видимому, привлекательной частью игры для игроков и зрителей, вне зависимости от того, есть ли у них высшее образование или нет. Футбол — это игра «управляемого насилия», «упорядоченного насилия»[15].

Биографии, автобиографии и романы часто рассказывают о травмах, которые получают игроки, многие из которых вполне умышленные. Травмы — это тоже часть игры. По мнению Джорджа Стэйда, они облагораживают игру и придают ей изюминку. Это последнее наблюдение очень важно[16]. Это косвенный аргумент в пользу того, что травматизм является психологически позитивным аспектом спорта. Очевидно, что спортсмены не хотели бы страдать от увечий, но есть несомненный элемент гордости в их голосе, когда они рассказывают, как играли, несмотря на боль или травмы. На футбольном жаргоне «играть жестко» — это значит не симулировать травму, и продолжать игру даже тогда, когда тело изнывает от боли. Травмы для современного футболиста — все равно, что шрамы от дуэлей, которые гордо носили прусские аристократы в девятнадцатом веке. Травмы становятся, таким образом, свидетельством мужества, знаком отваги и смелости, эта мысль, безусловно, нашла свое отражение в книге футболиста и спортивного обозревателя Фрэнка

---

14. *Blount R. Jr.* About Three Bricks Shy of a Load. Boston: Little. Brown, 1974. P. 113.
15. *Nitschke R., Wells R. W.* Mean on Sunday. Garden City: Doubleday, 1973. P. 253.
16. Game Theory. P. 174.

Гиффорда «Кураж Гиффорда». Термин Джорджа Стэйда «пикантность» (zest), конечно, может быть и преувеличение, но в нем есть готовность принять травмы в спорте, если не видеть в них средство облагородить игру. Как заметил однажды один из игроков, «вы должны показать, что вам нет дела до вашего тела»[17]. Здравая мысль, которую стоит обдумать,— то, что мы путаем достоинства жестокого спорта с достоинствами терапевтического физического образования. И что бы мы ни хотели сказать об американском футболе, мы не можем утверждать, что он способствует здоровью спортсменов[18].

Американский футбол имеет и другую сторону, которую подчеркивают критики. Футбол — это ана-

---

17. Цит. по: *Blount*. About Three Bricks Shy of a Load. P. 117.

18. Несмотря на структурированность игры и свидетельства игроков и многих современных романистов о том, что футболистам требуется физическое столкновение для выражение агрессивности, психологи пока не смогли разработать личностные тесты, которые могли бы найти различия между футболистами и другими спортсменами. Проведенные исследования предлагают огромное богатство противоречивых данных. См.: *Lakie W. L.* Personality Characteristics of Certain Groups of Intercollegiate Athletes // RQ. 1962. No. 33. P. 566–573; *Slasher H. S.* Personality and Intelligence Characteristics of Selected High School Athletes and Nonatbletes // RQ. 1964. No. 35. P. 539–545; *Berger R. A., Littlefield Donald II.* Comparison between Football Athletes and Nonathletes on Personality // RQ. 1969. No. 40. P. 663–665; *Rushall B. S.* An Evaluation of the Relationship between Personality and Physical Performance Categories // Contemporary Psychology of Sport / ed. G. S. Kenyon. Chicago: Athletic Institute, 1970. P. 157–165; *Straub W. F.* Personality Traits of College Football Players // International Journal of Sport Psychology. 1970. No. 2. P. 33–41; *Rushall B. S.* Three Studies Relating Personality Variables to Football Performance // International Journal of Sport Psychology. 1970. No. 3. P. 12–24; *Morgan W. P.* Selected Psychological Considerations in Sport // RQ. 1974. No. 45. P. 374–390.

логия войны, военных действий. Как шахматы, он «сумасшедшая миниатюрная война», игрушечная война, которая идет ради самой себя[19]. Только основная цель этой войны — не физическое уничтожение противника, а завоевание его территории. По разметке на поле мы можем следить за движением мяча так, словно это перемещение флажков на военной карте. Цель охраняется решимостью мужчин, которые стоят между свирепым врагом и своей Родиной.

Эдакие героические воины под руководством своего генерала — тренера. Многие исследователи отмечают, что во всех видах спорта профессия тренера отличается авторитарным началом, но в американском футболе авторитарный и даже диктаторский стиль руководства у боковой линии выражен наиболее явно[20]. Известные тренеры прошлого, такие как Уолтер Кемп, Амос Алонзо Стэг и чуть ли не обожествляемый Кнут Рокне, придерживались патерналистского стиля в общении, сочетая формальную строгость и отцовскую заботу к спортсменам, что вызывало глубокую преданность и признание у студентов и выпускников. В 1950–1960 годы акцент на победе, а также угроза безработицы в случае поражения привели к новому типу тренеров в лице Вуди Хейса, Бэара Брайанта, Даррела Ройала среди университетских команд и Винса Ломбарди среди тренеров команд профессиональной лиги. Феномен Ломбарди сам по себе достоин отдельно-

---

19. *Holovak M., McSweeney B.* Violence Every Sunday. New York: Coward, McCann, 1967. P. 17.

20. См.: *Sage G. H.* Machiavellianism among College and High School Coaches; and Value Orientations of American College Coaches // Sport and American Society / ed. G. H. Sage, rev. ed. Reading: Addison-Wesley, 1974. P. 187–228.

го исследования, которое, к счастью, уже было проведено[21]. Все, кто был близок к Ломбарди, кажется, согласны — вне зависимости от того, были ли они среди числа целой армии его поклонников или сопротивлялись его яркой натуре, — что этот человек был выдающейся личностью. Хотя «он предпочитал видеть себя в качестве руководителя команды, словно отца семейства», игроки не могли не заметить его пылкое восхищение талантами генерала Джорджа Паттона[22]. Как и его коллеги по Национальной футбольной Лиге, Ломбарди не допускал инакомыслия, но тем не менее, несмотря на его суровость и даже жестокость, насколько мы можем доверять опубликованным материалам, команда его боготворила. Они, кажется, хранили многочисленные анекдоты, изображавшие Всемогущего Бога, — так завистники в шутку называли Винсента Ломбарди. По сравнению с Бэаром Брайантом или Даррелом Ройалом в адрес Ломбарди практически не звучала негативная критика. Его ницшеанской волей к победе восхищались миллионы американцев. В бейсболе тоже были свои легендарные менеджеры, такие как Джон Дж. МакГроу, Миллер Хаггинс, Кайсев Стенгел, Лео Дюроэр, но они известны больше за свою проницательность и интуицию или за крепкое словцо, чем за способность тренировать, мотивировать почти на самоубийственные

---

21. *Hornung P., Silverman A.* Football and the Single Man. New York: Doubleday, 1965; *Kramer J., Sehaap D.* Instant Replay. Cleveland: World, 1968; *Kramer, Schaap.* Farewell to Football. Cleveland: World, 1969; *Dowling.* Coach; Kramer (ed.). Lombardi: Winning Is the Only Thing. Cleveland: World, 1970;. *Smith L. T., Jr.* The American Dream and the National Game. Bowling Green: Bowling Green University Popular Press, 1975. P. 209–256.

22. Ibid. P. 251.

действия, создавать у игроков ощущение того, что они на войне.

Воинственная сущность игры, ее похожесть на реальные военные действия подчеркивались в многочисленных работах, в том числе в книгах Гая Хартрайта «Сто ярдов войны» и «Сорок ярдов Северного Далласа» Питера Гента, но, вероятно, наиболее полное отражение в литературе американский футбол получил в книге Дона Делилло «Крайняя зона». Действие книги разворачивается в фантастическом Техасе, чуждом историческим реалиям. Тренер команды Логос Колледжа Эммет Крид верит в боль, отречение, самопожертвование и дисциплину. Его мысли — это мысли сотен реальных и вымышленных тренеров, которые они высказывали или могли бы высказать в командных раздевалках перед игрой:

> Нам нужно больше самопожертвования, больше дисциплины... Мы должны настроиться мысленно и духовно. Сделайте это, и тело само позаботится о себе. Я выучил это, когда еще был мальчиком. Я был болезненным, очень болезненным ребенком. Я болел и болезнь постепенно подтачивала мое здоровье. Я ужасно питался. Мои ноги были не толще ножек от кресла. Но я сделал себя сам благодаря решимости и самоотверженности. Сначала мой разум, затем мое тело. Это было детство одинокого мальчика. У меня не было друзей. Я жил в духовном мире решимости и тишины. Все дело в решимости. Это сделало меня сильнее, подготовило меня. Все возвращается к своим истокам. Это был длинный путь. Но все эти уроки были справедливы. Дисциплина внутри должна быть такой же, как дисциплина снаружи. Одиночество — это сила. Индейцы Сиу очищали себя постом и одиночеством. Четыре дня без еды в парилке.[23] Перед тем как ты выйдешь под крики своего народа, ты должен очи-

---

23. Индейский очистительный ритуал, предшествующий, в частности, поиску видения. — *Примеч. пер.*

> ститься. Пост и одиночество. Если ты можешь пережить одиночество, значит, в тебе есть сила, и ты можешь идти куда захочешь. Четыре дня. На тебе только шкура бизона. Я не думаю, что в чем-то есть больше смысла, чем в самоотречении. Это единственный способ достичь нравственного совершенства[24].

Речь Крида — это кредо и символ веры, заявление, достойное Теодора Рузвельта, чья напряженная жизнь есть своего рода тренерская установка. Кредо активного очищения и сам Эммет Крид — это выдумка Делилло, но она порождена американским футболом и воплощает его ценности. Рассказчиком Делилло является вдумчивый футболист Гари Хэркнесс, стремящийся разобраться в природе американского футбола и ее отношением к войне. В университете Майами, где он также играет в футбол, он начал изучать «гигантскую работу о перспективах ядерной войны»[25]. Он был этим очарован. «Проблема была проста и ужасна: я наслаждался книгой. Мне нравилось читать о смерти десятков миллионов людей»[26].

В Логос Колледже Гари играет в команде Эммета Крида, а также слушает курс Майора Стейли из службы вневойсковой подготовки офицеров резерва. Майор недвусмысленно связан с военным философом из книги Нормана Мейлера «Нагие и мертвые» (1948) генералом Каммингсом, постоянно размышляющем о том, как можно превратить войну с помощью технологий из испытания мужества в научное соревнование:

> Война — это высший предел воплощения современных технологий. Столетиями мужчины проверяли

24. End Zone. Boston: Houghton Mifflin, 1972. P. 200.
25. Ibid. P. 20.
26. Ibid.

> себя на войне. Война была финальным испытанием, невероятным опытом, привилегией, честью, самопожертвованием или что там у вас, абсолютным, окончательным определением того, кем вы были. Война была великим вызовом и великим ответом. Она говорила вам, чего вы стоите. Но сейчас это не так. Немногие мужчины хотят идти и бороться[27].

Чего больше не может обеспечивать война, дает американский футбол. Майор Стейли и тренер Крид проповедуют дополняющие друг друга версии одного и того же маниакального мировоззрения.

Таким образом, фантазии писателей только подтверждают мысль о том, что сходство американского футбола с войной позволяет его приверженцам выплеснуть свою природную агрессивность, чтобы проверить свое мужество в борьбе, но литература подтверждает и еще кое-что. Как заметил Уильям Филлипс, футбол — это особое сочетание порядка и хаоса, игра, требующая сложной стратегии, нацеленная на формирование определенного опыта. Футбол, по мнению тренера Крида, «комплекс различных систем»[28]. Другого такого спорта нет. Когда игра ведется должным образом, мы видим, как эти системы работают слаженно. В середине игры против Западного биотехнического института Гари думает о том, что игра содержит в себе и информацию, и различные детали,

> впечатления, статистику, загадки, цифры, идиомы, символы. Американский футбол больше, чем другие виды спорта, удовлетворяет эту потребность. Это вид спорта, который руководствуется языком, словесным сигналом, розыгрышем мяча, цветом формы, самим названием игры. Удовольствие зрителя, если

---

27. Ibid. P. 83–84.
28. Ibid. P. 199.

> его источником не является само действие, возникает из уникальной органической природы игры. Это не просто порядок, это цивилизация[29].

Это именно то, о чем все время говорил Вуди Хейс. Как и война, футбол требует развернутой стратегии. Это больше, чем примитивная бойня.

Однако по ходу действия романа стремление к порядку уничтожается хаосом ярких переживаний. Гари общается не только с Тренером Кридом и Майором Стейли, но также со своей эксцентричной подругой-еврейкой, страдающей от недержания мочи, которая видит свою единственную цель в жизни в том, чтобы «отвергнуть свои корни, культуру, традиции и права, принадлежащие по праву рождения». Кроме того, Гари общается на философские темы с бывшим игроком, который живет в одиночестве с фотографией Людвига Витгенштейна на стене и навязчиво читает о разных зверствах[30]. По понятным причинам психологическая обстановка была бы слишком напряженной для любого человека. Гари в отчаянии. «Лихорадка прожгла канал в моем мозге. В конце концов им пришлось нести меня в лазарет и кормить через трубки»[31].

Что все это значит? Делилло предпочитает этого не объяснять, оставляя читателя в раздумье над тем, какой вердикт выносит автор американскому футболу, но Делилло едва ли не единственный среди одаренных авторов, кто предпочитает отказаться от метафоры в пользу реалистичных способов выражения. Достаточно того, что он предложил раз-

---

29. End Zone... P. 112.
30. Ibid. P. 77.
31. Ibid. P. 242.

рушить примитивное представление об американском футболе, и его удаленности от обезличенного технологического ужаса ядерной войны. Давайте продолжим изучать эту проблему далее, в ее изначальных и современных аспектах.

Можем ли мы соотнести базовые элементы американского футбола и бейсбола? Их составляющие явно будут отличаться, что отчасти объясняет равнодушие или враждебность поклонников футбола по отношению к фанатам бейсбола. Мы предположили, что основные элементы бейсбола восходят к обрядам плодородия древних календарных мифов. Несмотря на жертвенные аспекты мифа, значение обрядов плодородия позитивно. Земля успешно противостоит смертельной хватке зимы, цикл времен года начинается заново. Но изначальные аспекты футбола не так плотно связаны с религиозным ритуалом и больше соотносятся с доисторической борьбой за существование (Existenzkampf). «Футбол демонстрирует преемственность современного человека и его древнейших предков»[32]. На обложке одного из выпусков журнала *Natural History*, иллюстрируя антропологическую интерпретацию футбола как сезонного обряда, был изображен неуклюжий игрок в американский футбол, заляпанный грязью[33]. Он выглядел словно человек из каменного века. Его форма подчеркивала, почти одновременно, примитивность и футуристичность образа. «Футболист в каркасе и шлеме бросается в глаза последовательностью сдвигов в представлении: то ли это фантом из прошлого, то ли предтеча будущего»[34].

---

32. *Novak M.* The Joy of Sports. New York: Basic Books, 1976. P. 85.
33. *Arens W.* The Great American Football Ritual // Natural History. October 1975. No. 84. P. 72–81.
34. *Stade.* Game Theory. P. 175.

Современность

И футбол, несмотря на это, по-настоящему современная игра со всеми характеристиками современного спорта. Эмоциональная функция игры может быть примитивной и даже атавистической, но структура спорта очень сходна с баскетболом, бейсболом и футболом (soccer). Для того чтобы понять степень современности спорта, необходимо изучить его историю и развитие.

Такие историки, как Роберт В. Хэндерсон, усматривают начало футбола в тех же египетских мифах, которые, по неподтвержденным данным, были истоками таких современных игр, как бейсбол и всех других игр с мячом; однако наши цели позволяют нам не заходить в своих исследованиях ранее, чем в Средние века, которые располагают достаточной полнотой документальных и иконографических данных. Футбол произошел от регби, которое, в свою очередь, берет начало в народных играх Франции и Англии, основанных на почитании тех же природных богов, с которыми связано рождение бейсбола. Эта связь теперь разрушена из-за того, что начало футбольного сезона сдвинулось на осень. Футбол (soccer) — игра, в которую играли монахи на Пасху и Масленицу, она обычно не выходила за монастырские стены. «Вторник перед „Пепельной средой“ был так тесно связан с футболом, что его стали называть просто „День футбола“ („Football-day“)»[35]. В Осере в XII веке мяч передавался декану студентом-клириком после чего участники процессии распевали пасхаль-

35. *Diem C.* Weltgachichte des Sports. 3rd ed., 2 vols. Frankfurt: Cotta, 1971. Vol. I. P. 513.

ные гимны»[36]. Любые сомнения насчет ассоциации игры с плодородием должны быть рассеяны исследованием ритуалов в Булонь-ла-Грасс Дж. Дж. Джасеранда, в которых на Масленицу использовали для игры корзину из-под яиц, перевязанную лентой и кожаный мяч[37]. В Англии на масленичный футбол было традиционным противостояние замужних женщин и девиц[38]. Американский футбол может брать свое начало из более поздних источников, чем мифы о плодородии, но средневековый футбол безо всяких сомнений ассоциировался с возрождением жизни после холодов.

В эту игру активно играли крестьяне, но в форме, отличной от современного футбола, не говоря уже об американском футболе. «Крепкий пахарь», описанный Александром Барклаем из Эли в 1514 году:

> Здоровый, сильный и смелый
> Побеждает он зиму, в футбольный мяч ударяя
> Забывая работу и печали осени[39].

Пахарь также, вероятно, забывал многие «печали осени» в играх, проходивших между разными деревнями без какого-либо намека на правила. Сам набор ограничений был минимален, и не было никого, кто мог бы обеспечить их соблюдение. На поле можно было практически все, что угодно, если вашим намерением было действительно ударить по мячу, а не калечить других игроков. Тем не менее игра ча-

---

36. *Henderson R. W.* Ball, Bat and Bishop. New York: Rockport Press, 1947. P. 36.
37. *Jusscrand J. J.*, Les Sports et jeux d'exercice dans l'ancienne France. Paris: Plon-Nouait, 1901. P. 282.
38. *Hole C.* English Sports and Pastimes. London: B. T. Batsford, 1949. P. 53.
39. Цит. по:. *Young P. M.* A History of British Football. London: Arrow Books, 1973. P. 44.

сто перерастала в бурные потасовки, игроки сражались за мяч «словно собаки за кость»[40]. В трактате «Правитель» (1531 год) Томас Элиот осудил футбол, написав, что в нем нет ничего, «кроме звериной ярости и жестокого насилия»[41]. Неудивительно, что футбол вызывал тревогу и у других моралистов. Игра часто запрещалась как королевскими указами, так и местными эдиктами. Король Англии Яков I запретил через суд «все грубые, насильственные упражнения, такие как футбол, приводящие к увечьям тех, кто ими занимается»[42]. Правила игры смутно очерчивали границы дозволенного насилия. Мяч пинали через посевные поля и ручьи, вдоль стен и улиц, а целью были, как правило, порталы приходской церкви, стоящей в отдалении. В этих играх принимали участие многие жители села, но как много было игроков — этого никто не знает. Сколько мячей нужно было забить, чтобы победить? Мы не знаем, потому что тогда никому не приходило в голову вести статистику игр. Излишне говорить, что на этот счет не было вообще никакой статистики.

Этот вид спорта, наполовину забава, наполовину беспорядочная драка, просуществовал до конца XIX века в Англии и Франции и, в несколько более изящной форме, в Италии. В 1901 году Жюссеран писал: «Футбол до сих пор продолжает существовать в примитивной форме... с такими же правилами и драками, которые существовали еще во времена крестовых походов»[43]. К началу XIX века в различ-

---

40. *Bonet M.* Signification du sport. Paris: Editions universitaires, 1968. P. 257.
41. *Brailsford D.* Sport and Society: Elizabeth to Anne. Toronto: University of Toronto Press, 1969. P. 20.
42. *Young.* History of British Football. P. 58.
43. *Jusscrand.* Les Sports et jeux d'exercice dans l'ancienne France. P. 282.

ные разновидности футбола играли в Винчестере, Хэрроу, Итоне и других публичных школах. В 1848 году группа студентов-выпускников публичных школ собрались в Кембридже, чтобы формализовать правила футбола. Пятнадцать лет спустя была создана Футбольная ассоциация. Темпы рационализации ускорились. «За период между 1864 и 1878 годом в футболе произошли более значительные изменения, чем за все время до или после его зарождения»[44]. Легенда гласит, что пути футбола и регби разошлись еще в 1823 году. Мемориальная доска на стене Школы Рагби увековечила Уильяма Уэбба Элиса, который во время одной из футбольных игр схватил мяч в руки в середине поля и побежал в сторону зачетной линии соперника, чем серьезно нарушил правила игры. Вдохновляющий пример Уильяма Элиса, кажется, хорошо сочетается с историей Эбнера Даблдея, широко известного как создателя бейсбола. Обе эти легенды одинаково плохо проходят проверку на историчность. В обоих случаях легенда возникла на целых два поколения игроков позже, чем могли случиться эти события. Согласно утверждению Эрика Даннинга, в народной версии игры, которая впоследствии стала футболом, никогда не было строгих правил в отношении игры руками. Современный футбол (soccer) в действительности более позднее изобретение, чем регби, которое больше напоминает средневековые игры. Так было до 1849 года, когда правила, принятые в Итоне, запретили держать мяч в руках или бросать его[45].

Дата создания Футбольной ассоциации — 1863 год, Регби юнион — 1871. Соккер быстро распростра-

---

44. *Young*. A History of British Football. P. 161.
45. *Dunning E.* Industrialization and the Incipient Modernization of Football // Stadion. 1976. No. 1. P. 136–138.

нился по всему миру, а регби стало популярным во Франции, Южной Африке, Австралии, Новой Зеландии и США, где игра быстро превратилась в американский футбол. Пока регби оставалось, по существу, английской игрой, в которой соревновались учащиеся старших и средних элитных школ, нужды в создании строгого кодекса правил не было. Игроки их понимали. Они знали, где было «регби», а где его не было. Они знали, например, что нужно хватать мяч и бежать с ним, если он «случайно» выпадал из «схватки». Но американцы *не знали* этих правил и требовали письменных правил для многочисленных ситуаций, которые британцы считали сами собой разумеющимися.

Как превосходно продемонстрировали в своей статье Дэвид Рисмен и Рейел Денни, превращение регби в американский футбол — сам по себе интересный пример культурного преобразования[46]. Хотя футбольный матч между Ратгерским университетом и Принстоном 6 ноября 1869 года традиционно называется первым противостоянием университетских команд по американскому футболу, игра напоминала скорее соккер, чем регби. В регби, в свою очередь, которое можно назвать прародительницей американского футбола, на межуниверситетском уровне впервые сыграли 15 мая 1874 года, когда команда университета МакГил из Монреаля отправилась в Кембридж, чтобы бросить вызов новичкам Гарварда. Когда представители Принстонского, Колумбийского, Гарвардского и Йельского университетов встретились в Спрингфилде в 1876 году, они стремились упорядочить правила игры, в которой присутствовало еще множество ре-

46. Football in America//American Quarterly. 1951. No. 4. P. 309–325.

гиональных особенностей, доставляющих неудобства при судействе. Футбол быстро преодолел фазу сильных изменений. В 1880 году было отменено правило розыгрыша с центра поля. В 1882 году появились 11 позиций для ввода мяча в игру, а также правило «первой попытки» (first down) — игрокам команды нападения давалось три попытки для преодоления отметки в 5 ярдов. В 1906 году в правила был введен пас рукой вперед, придавший американскому футболу современный вид, то есть превратил в игру, в которой удар ногой по мячу не имеет практически никакого смысла. Примерно в это же время Межуниверситетская ассоциация команд американского футбола, возникшая в 1876 году, занялась системой подсчета игровых очков, которая затем претерпела множество изменений.

К началу Первой мировой войны американский футбол превратился в совершенно самостоятельный, осмысленный, бюрократически организованный вид спорта в его современном понимании. Теоретически это был спорт для всех молодых людей, желающих проверить свои навыки в качестве бегунов, блокировщиков, распасовщиков, ловцов мяча и кикеров.[47] На практике же до конца 1880-х годов, пока университеты Среднего Запада не стали утрачивать свое влияние, в игре доминировали игроки элитных высших учебных заведений западной части Америки. Спустя годы в списки лучших игроков в американский футбол стали попадать польские, итальянские, а также английские и немецкие фамилии. По крайней мере, один из исследовате-

47. Человек, который выходит на поле, чтобы ударить по мячу в трех случаях: для ввода его в игру, удара по воротам после тачдауна, а также удара по воротам с игры, когда у команды нет шансов занести тачдаун. — *Примеч. пер.*

лей считает, что превосходство Йельского университета над Гарвардом на заре зарождения футбола было обеспечено стремлением набирать в команду игроков благодаря их навыкам, а не критерию принадлежности к старой бостонской семье[48].

Как и в бейсболе, баскетболе и других видах современного спорта, в американском футболе огромную роль играет статистика. Хотя в футболе больше командных взаимодействий, чем в бейсболе, и сложнее оценить вклад в игру одного игрока, статистика включает в себя количество ярдов, пройденных игроком, количество выполненных пасов, пройденных даунов[49] и так далее. На основе этой статистики уже может быть зафиксирован рекорд. Каждый сезон устанавливаются новые рекорды, что доставляет удовольствие как игрокам, так и зрителям. Публикуются книги, увековечивающие достижения отдельных команд, включающие записи о количестве командных побед и поражений, а также внутрикомандную статистику. Биографии отдельных игроков постоянно сообщают сведения об их индивидуальных рекордах. Но в американском футболе количественный учет развит не так сильно, как в бейсболе. Поэтому футбол несколько менее современен, чем бейсбол, но здесь мы снова сталкиваемся с комбинацией первобытных и современных черт, которые мы затронули в нашем комментарии, посвященном бейсболу.

---

48. *Sach A.* American Business Values and Involvement in Sport // Women and Sport, cd. D. V. Harris. University Park: Pennsylvania State University College of Health, Physical Education and Recreation, 1972. P. 277–291.

49. Попытка. Нападение имеет четыре дауна, чтобы пронести мяч на 10 ярдов вперед и получить опять First Down (первый даун), то есть четыре новые попытки. — *Примеч. пер.*

Мы уже обращали внимание на тот факт, что пространство и время американского футбола, как и в баскетболе, хоккее, лакроссе и гандболе, отличается от пространства и времени в бейсболе. Время в футболе — это время-таймер, а движение в пространстве — колебательное, а не круговое. Эти особенности, возможно, объясняют, почему бейсбол не стал популярен в Европе, но как насчет американского футбола? Европейское происхождение американского футбола еще более очевидно, чем происхождение бейсбола, почему же игра не стала популярной по ту сторону Атлантики и не привлекла британцев и французов (в то время как она пленила многих британских и французских канадцев)? Может быть все просто, и Европе хватает регби? Это такая же игра, которая дает выход примитивным эмоциям людей. Регби также удовлетворяет интерес людей к статистике. Экологическая ниша заполнена. Где регби не пользуется популярностью, так это Италия и Германия, и в этих странах американский футбол еще может завоевать свои позиции. Появление американского «Супер Боула» на немецком телевидении — движение в верном направлении.

Катарсис и война

Рассмотрев изначальную сущность футбола и его современные формы, мы можем вернуться к неприятному вопросу о возможной связи между ростом интереса к американскому футболу и эскалацией американского военного вмешательства во Вьетнаме, Камбодже и Лаосе. Пауль Хок и другие исследователи полагают, что эта связь не случайна. Согласно их утверждениям, страсть к профессиональному американскому футболу проистекает из тех же со-

циально-психологических факторов, которые привели США к катастрофическим приключениям в джунглях Юго-Восточной Азии. Правдоподобность этого умозаключения во многом зависит от того, принимаем ли мы теорию катарсического переживания через спорт. Конрад Лоренц в своей влиятельной работе «Агрессия» высказал мысль о том, что спорт способен обеспечить катарсис, благодаря которому агрессия может быть переключена со своих разрушительных форм и без какого либо ущерба выпущена на игровом поле.

> ...Эта культурно-ритуализованная форма борьбы выполняет задачу, важность которой не с чем сравнить: она учит людей сознательному контролю, ответственной власти над своими инстинктивными боевыми реакциями. Рыцарственность спорта, которая сохраняется даже при сильных раздражениях, вызывающих агрессию, является важным культурным достижением человечества[50].

Из этой привлекательной и широко распространенной теории следует, что игроки и зрители будут достигать душевного спокойствия, которое Аристотель приписывал зрителям трагедии, которые «очищаются» от аффектов[51]. Если эта теория верна, то выход агрессии в спорте способствует снижению ее в других сферах общественной жизни. Разгневанный молодой человек, который выпускает свой гнев во вре-

---

50. *Lorenz K.* On Aggression/trans. Marjorie Kerr Wilson. New York: Harcourt, Brace, and World, 1966. P. 280–281.

51. О теории катарсиса применительно к спорту см.: *Moore R. A.* Sorts and Mental Health. Springfield, Illinois: Charles C. Thomas. 1966; *Elias N., Dunning E.* The Quest for Excitement in Unexciting Societies // The Cross-Cultural Analysis of Sport and Cames, cd. Gunther Liischen. Champaign, Illinois: Stipes, 1970. P. 31–51.

мя футбольных столкновений, использует социально приемлемый способ выражения деструктивных эмоций, которые могли бы в иной ситуации довести его до совершения убийства или изнасилования. Кроме того, у зрителей есть возможность, благодаря психологическому механизму отождествления себя со спортсменом, опосредованно испытывать сильные эмоциональные переживания и последующую умиротворенность. Таким образом, футбол снижает вероятность насильственной преступности в стране и военных приключений за границей.

К сожалению, эта красивая теория несостоятельна. Существуют доказательства, что игроки после матча менее агрессивны, чем до него, но объясняется это тем, что футболисты тратят огромное количество энергии во время игры. Также есть согласие между психологами в том, что катарсис, который испытывают зрители, мнимый[52]. Это со-

---

52. В опровержение теории катарсиса см.: *McCloy Layman E.* Aggression in Relation to Play and Sports // Contemporary Psychology of Sports / ed. Gerald S. Kenyon. Chicago: Athletic Institute, 1970. P. 25–31; *Turner E. T.* The Effects of Viewing College Football, Basketball and Wrestling on the Elicited Aggressive Responses of Male Spectators // Contemporary Psychology of Sports. P. 325–328: *Berkowitz L.* Aggressive Clues in Aggressive Behavior and Hostility Catharsis // Psychological Review. 1964, No. 71. P. 104–122; *Berkowitz L.* Some Aspects of Observed Aggression // Journal of Personality and Social Psychology. 1965. No. 2. P. 359–369; *Berkowitz L., Rawlings E.* Effects of Film Violence on Inhibitions against Subsequent Aggressions // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1963. No. 66. P. 405–412; *Berkowitz L., Green R. G.* Film Violence and the Cue Properties of Available Targets // Journal of Personality and Social Psychology. 1966. No. 3. P. 525–530; *Green R. G., O'Neal E. C.* Activation of Cue-Elicited Aggression by General Arousal // Journal of Personality and Social Psychology 1969. 11. P. 289–292; *Hartmann D. P.* The Influence of Symbolically Modeled Instrumental Aggression and Pain Cues on Aggres-

гласие опирается в основном на два типа экспериментов. В первом случае зрители были опрошены до и после различных соревнований, которые они смотрели. В одном из исследований, например, футбольных фанатов просили заполнить опросник агрессивности Басса–Дарки. Авторы использовали этот же метод, чтобы опросить зрителей соревнований по спортивной гимнастике. Они пришли к выводу, что «подтверждение эффекта катарсиса у зрителей в настоящем исследовании выявлено не было»[53]. В реальности результаты опрошенных, как правило, свидетельствуют о повышении уровня агрессии в том случае, если их любимая команда проиграла. Второй тест был разработан Леонардом Берковицем и его соратниками. И хотя эксперимент проводился в многочисленных вариациях, его общий момент может быть описан таким образом: испытуемым демонстрировались фильмы с элементами насилия и без них, например боксерские матчи или путевые заметки. А затем испытуемых проверяли на готовность проявить агрессию по отношению к другому человеку. Это измерялось в силе ударов электрическим током, которые наносили испытуемые другим участникам эксперимента, считая, что участвуют в изучении способностей людей отвечать на вопросы (другие люди в реальности не получали ударов током, но испытуемые не знали об этом). Это исследование в определенном смысле является продолжением экспериментов

---

sive Behavior // Journal of Personality and Social Psychology. 1969. 11. P. 280–288; *Volkamer M.* Sport als aggressives Verhalten — aggressives Verhalten als Sport // Die Leibeserziehung. 1972. No. 21. S. 409–415; *Goldstein J. H., Arms R. L.* Effects of Observing Athletic Contests on Hostility // Sociometry. 1971. No. 34. P. 83–90.

53. Ibid. P. 89.

Стенли Милгрэма, которые он описал в своей работе «Подчинение авторитету: экспериментальное исследование» (1974 г,). Испытуемые, которые смотрели ролики с насильственными сценами в спорте, охотнее причиняли другим людям более сильные повреждения током, чем те, кто смотрел более миролюбивые фильмы. Из этого можно сделать вывод, что предполагаемый катарсис от просмотра спортивных состязаний не состоялся. Конечно, следует с осторожностью относиться к высказываниям о реальном поведении людей, руководствуясь только опросами и лабораторными тестами, но у нас есть еще как минимум одна причина скептически относиться к теории катарсиса. Известно, что спортивные события в Великобритании сопровождаются разрушительными акциями футбольных хулиганов, а футбольные матчи в Южной Америке нередко доводят разъяренных зрителей до точки, после которой случаются столкновения, приносящие десятки смертей и сотни ранений[54]. Городские власти в Америке нередко прерывают традиционные пятничные матчи по американскому футболу среди университетских команд из-за сопутствующего им

---

54. О погромах, чинимых болельщиками, см.: *Taylor I.* Hooligans: Soccer's Resistance Movement // New Society. August 1969. No. 14. 7 P. 204–206; *Taylor I.* 'Football Mad': A Speculative Sociology of Football Hooliganism // Sociology of Sport, al. Eric Dunning. London: Cass, 1971. P. 352–377: *Smith M.* Violence in Sport // SW. 1974. No. 4. P. 164–173; *Smith M.* Significant Others // IRSS. 9, nos. 3–4. 1974. P. 45–56: *Smith M.* Sport and Collective Violence // Sport and Social Order / ed. D. W. Ball, J. W. Loy. Reading: Addison-Wesley, 1975. P. 281–330; *Lang G. E.* Der Ausbruch von Tumulten bd Sportveranstaltungen // Die Soziologie des Sports / ed. G. Lüschen, K. Weis. Darmstadt: Lochterhand, 1976. S. 273–295; *Bryan C., Horton R.* School Athletics and Fan Aggression // Educational Researcher. Summer 1976. Vol. 5. No. 7. P. 2–11.

насилия толпы. Многие спортивные мероприятия проводятся без зрителей, только с участием спортсменов и официальных лиц. Убедительные доказательства теории катарсиса до сих пор не собраны.

Вернемся теперь к возможностям, которых мы коснулись в самом начале нашего разговора об американском футболе. Если футбольные фанаты психологически более агрессивны, чем поклонники бейсбола, и если опираться на тот факт, что футбол более популярен среди обеспеченных людей, чем среди бедных, должны ли мы сделать вывод о том, что агрессивность как-то соотносится с высокими доходами, хорошим образованием, высшим классом? Проблемной точкой этого рассуждения является тот факт, что, как мы знаем из множества исследований, агрессивное поведение и насильственные преступления встречаются чаще среди бедных слоев населения, чем среди богатых.

Выход из сложившейся дилеммы найти нетрудно. Мы должны учитывать, что «агрессивность», измеряемая в психологических тестах, в лучшем случае свидетельствует о возможной предрасположенности к такому поведению, которое ведет к социальной агрессии. Обеспеченные члены общества, как правило, приучены контролировать такие эмоции. Они являются одновременно и более агрессивными, и более сдержанными, чем менее состоятельные члены общества. Возбужденный примитивной составляющей футбола зритель из среднего класса общества лучше других может найти социально приемлемые способы выпустить пар. Мы можем и дальше продолжить логическое рассуждение, основываясь на этом аргументе. В замечательном эссе Норберта Элиаса и Эрика Даннинга «Тоска по эмоциям» высказано предположение о существовании обратной связи между рутиной повседневной жизни и распро-

странении таких видов спорта, как футбол (soccer), регби, хоккей и американский футбол. «В более развитых индустриальных обществах нашего времени, по сравнению с обществами на более ранних стадиях развития, существует гораздо меньше способов выплеснуть свои эмоции»[55]. Такие игры, как американский футбол, являются своего рода сатурналиями, во время которых люди могут выплеснуть свои переживания, тщательно контролируемые в повседневной жизни. Роль возбужденного, кричащего зрителя компенсирует наше более сдержанное поведение в роли родителя, работника и гражданина. Если волнение нас захлестывает, это приводит к беспорядкам.

Если это предположение верно, мы можем объяснить функцию футбола в системе американского образования. Наши университеты и, даже в большей мере, наши колледжи и школы — это агенты социализации, которые во многом направлены на формирование социально приемлемого поведения. Во времена расцвета университетского футбола, с 1880-х до 1950-х годов, американские колледжи были организациями, в которых огромная роль отводилась дисциплине и социальному контролю. Студенты — в основном выходцы из среднего класса — прежде всего должны были учиться. Также ожидалось, что мальчики, будучи мальчиками — пусть и студентами колледжа — все равно будут проявлять черты, свойственные подростковому поведению. Университетский спорт, особенно футбол, при условии регулярности занятий и общем одобрении проявлений мужества и отваги, способствует высвобождению эмоций, которые учащиеся обязаны держать под контролем с понедельника по пятницу. Когда

---

55. *Elias N., Dunning E.* The Quest for Excitement in Unexciting Societies. P. 31.

студент заканчивает учебу, сила ностальгии, подкрепленная совпадением календарного графика (футбольные игры проводятся по выходным, когда представители среднего класса отдыхают от рабочих будней) выделяет футболу особое место среди способов эмоционального «тайм-аута»[56].

Следовательно, нет никаких оснований полагать, что на рубеже веков в университетах Лиги Плюща возникла особая насильственная субкультура или что «фашистские замашки» в американском обществе свойственны самым образованным слоям населения. Дело скорее всего в том, что наиболее социализированные граждане больше всего нуждаются в психологической компенсации, которую предоставляют современные виды спорта. Именно они больше всего нуждаются в эмоциональном «тайм-ауте», который предоставляет им американский футбол и другие жестокие игры. Они покупают билеты на игры, которые не по карману большинству американцев, прячут фляжки с бурбоном в хорошо приспособленные для этого карманы, чтобы побаловать себя социально приемлемой эмоциональной оргией. Поскольку они представляют наиболее социализированную прослойку граждан, их повышенная агрессивность редко переходит в физическое насилие. Палки и камни могут сломать мои кости, но истерическая поддержка домашней команды может разрушить только чувство приличия.

Но как мы можем отвергать возможность катарсиса для зрителя и одновременно описывать игру как своеобразную сатурналию, предоставляющую

---

56. См.: *Lavis G.* Enterprise on the Campus: Developments in Intercollegiate Sport and Higher Education, 1875–1939 // History of Physical Education and Sport, ed. B. L. Bennett. Chicago: Athletic Institute, 1972. P. 53–66.

возможность для эмоционального «тайм-аута»? Мы можем так рассуждать, если рассмотрим не только роль зрителя в самой узкой размерности из всех возможных — как того, кто следит за спортивным событием, но как расширенную сетку ролей, которые разыгрываются между студентами во время соревнований или профессионалами среднего возраста до, после и во время игры. Малоподвижный образ жизни, пассивность, как у зрителей фильмов в экспериментах Берковица, должна привести к снижению враждебности и агрессивности, но активное участие в «большом уик-энде», позволяет выпустить эмоции в широком диапазоне способов поведения: предматчевое веселье, бешеные овации во время игры, послематчевое разгулье. Сама игра выступает поводом к осуществлению различных действий, которые не одобряются вне футбольного контекста. В этом общем смысле мы имеем дело с некоторой улучшенной версией теории катарсиса, имеющей право на существование. Спортивное событие заставляет зрителя переживать и создает пространство для поведения, которое запрещается и подавляется в обычной жизни. Поведение болельщиков иногда заходит слишком далеко, но критерий «слишком далеко» устанавливается средним классом. Таким образом, вандализм, который сопровождает победу в футбольном матче, воспринимается иначе, чем погромы, возникающие вследствие радикальных политических протестов. И это действительно разные вещи. Символизм перевернутой машины в честь празднования победы команды штата Огайо над университетом Мичиган диаметрально противоположен разбитой машине в разгар расовых волнений или антивоенной демонстрации.

Для более полного представления связи между социальным классом и эмоциональным «тайм-

аутом», можно обратиться к исследованию, посвященному канадскому футболу (*football*). Канадский эквивалент «Супер боула» — это игра между победителями Восточной и Западной конференций. Победитель получает трофей, впервые врученный команде-чемпиону генералом-губернатором Канады Альбертом Греем в 1909 году, а также значительный денежный приз. Это мероприятие получило название «Кубок Грея». Во время «Кубка Грея» группа канадских социологов изучила поведение посетителей баров Гамильтона, штат Онтарио, где проходит финал соревнований. Изучалось поведение представителей низшего и среднего классов. В барах, где отдыхали представители среднего класса, разворачивались сцены подросткового разгула.

> Обстановка в этих заведениях свидетельствовала о высоком стадном чувстве и буйном поведении изучаемых, и к вечеру вместе с ростом количества выпитого алкоголя уровень их девиантности продолжал расти. Посетители соревновались друг с другом в громкости спонтанных криков и воплей... Мужчины демонстрировали такие типы поведения, как дух товарищества и панибратство. Временами случавшиеся стычки быстро разнимались[57].

Между тем бары, где отдыхали представители низшего класса, работали в таком режиме, будто никакого финала и не было. Можно сказать, все шло «как обычно»[58]. Но фразой «как обычно» не описывается ситуация полного спокойствия. «Драки возникали примерно каждый час»[59]. И хотя автор

---

57. *Listiak A.* 'Legitimate Deviance' and Social Class//Canadian Sport, cd. R. S. Gruneau, J. G. Albinson. Don Mills, Ontario: Addison-Wesley, 1976. P. 416.
58. Ibid. P. 413.
59. Ibid. P. 419.

исследования продолжает осуждать «монополию капитализма в канадском обществе», для наших рассуждений вполне достаточно примеров девиантного, но все же социально приемлемого поведения представителей среднего класса во время просмотра футбольного матча и «обычного», но совершенно неприемлемого поведения представителей низших классов. Стычки, которые происходили среди представителей среднего класса, были необычным событием, которые происходили вследствие особого рода переживаний от игры, тогда как драки среди представителей низшего класса — это «обычное дело». Проще говоря, вполне вероятно, что неблагополучным членам любого общества свойственно, как правило, напрямую выражать свое недовольство, в то время как благополучные члены общества склонны использовать возможность эмоциональных «тайм-аутов», которые предлагает спорт. Так как футбол сочетает в себе примитивные элементы и сложный комплекс командного взаимодействия и стратегии, он, кажется, хорошо подходит к выполнению двойной функции: он предстает как модель современного устройства общества и способствует высвобождению атавистических эмоций.

Позвольте сделать еще один шаг в наших рассуждениях. Если футбол влияет на рост враждебности и агрессивности зрителя, что подразумевает отказ от теории катарсиса, то неомарксисты, возможно, правильно указывают на связь между популярностью американского футбола и интервенционистской внешней политикой, с тем что они называют «милитаризмом». С другой стороны, если футбол это способ выплеснуть эмоции во время схожего с сатурналиями «тайм-аута», как предполагает модифицированный вариант теории катарсиса, то спорт должен, по логике вещей, снижать проявление аг-

рессии в других сферах. По крайней мере, один антрополог пытался проверить эту гипотезу эмпирически. Сравнив десять первобытных культур, которые можно охарактеризовать как «воинственные», с десятью тихоокеанскими культурами и обнаружив, что воинственное поведение достоверно связано с наличием в этих культурах боевого спорта, он продолжил изучение бейсбола и американского футбола как зрелищных видов спорта в США (в промежутке между 1920 и 1970 годами), только чтобы понять, не существует ли статистически значимой взаимосвязи между футболом и военным временем — ведь футбол завоевал популярность во время Второй мировой и Корейской войны, но он точно так же был популярен и в промежутке между этими войнами[60]. Рост популярности футбола по сравнению с бейсболом, возможно, имеет статистическую связь с военной политикой США во Вьетнаме, но, кажется, никто до сих пор не проверил эту гипотезу. Если бы другие факторы, такие как уровень образования и доходов, не менялись, мы бы могли попытаться выяснить причинно-следственные связи этого явления. Увеличивает ли агрессивность, подпитываемая игрой, желание дать волю эмоциям в социально приемлемом (до определенного момента) акте борьбы, или же нарастающая фрустрация от подспудного напряжения направляет граждан на стадионы, где они, по крайней мере, могут покричать вместе с такими же одинаково обозленными от своего бессилия людьми? Исследователям еще предстоит ответить на эти и подобные им вопросы.

---

60. *Sipes R. G.* War, Sports and Aggression // American Anthropologist. 1973. No. 75. P.. 64–86.

ГЛАВА 6

Переоценка индивидуализма

АМЕРИКАНЦАМ нравится считать себя индивидуалистами. Само слово «индивидуализм» вошло в язык, когда Генри Рив перевел французский термин «*individualisme*», использованный Алексисом де Токвилем в своем анализе американской демократии. Современник Токвиля Ральф Уолдо Эмерсон дал учению об индивидуализме собственную трансцендентальную формулировку и сделал доверие к самостоятельности одним из символов американской веры. Ко времени президентства Герберта Гувера в 1929 году выражение «грубый индивидуализм»[1] уже давно стало клише. Либеральная традиция, которую Луис Хартц и другие считали ключом к американским политическим идеям, основана на принципе максимизированной индивидуальной свободы. Преувеличенное противопоставление американского индивидуалиста европейскому конформисту было основой нашей политической риторики. Когда Дэвид Ризман и другие сожалеют о некоем конформизме нынешних американцев, то этим обычно предполагается, что безропотный характер нашего времени

1. Rugged individualism — выражение, также связанное с политикой Республиканской партии США и в особенности политическим курсом Герберта Гувера, 31 президента США (1929–1933). — *Примеч. пер.*

противопоставляется откровенно индивидуалистическому образу жизни прошлых поколений.

Историки американской литературы уделяли особое внимание теме индивидуализма. Самоуверенное пренебрежение Эстер Принн по отношению к пуританскому сообществу, отречение Генри Дэвида Торо от всех общественных установлений, свирепое богохульство Капитана Ахава, побег Гекльберри Финна, настойчивость Изабель Арчер в отношении своего права самостоятельно вершить свою судьбу, решение Фредерика Генри заключить отдельный мир между собой и австрийской армией[2] — литературные критики и рядовые читатели весьма лирически относились к таким моментам в литературе. В собственных глазах мы были индивидуалистами.

Кроме того, наше представление о себе связано с сотрудничеством. Как отмечали Джон Уильям Уорд и другие историки, Токвиль восхищался способностью американцев к кооперации не меньше, чем проявлениями индивидуализма. Французского аристократа поразила страсть создавать добровольные объединения, она показалась ему чем-то даже более американским, чем готовность пренебрегать любыми, добровольными или нет, порядками. Если трансценденталисты и их наследни-

---

2. Эстер Принн — героиня романа «Алая буква» Натаниэля Готорна. Генри Дэвид Торо — американский писатель, находившийся под влиянием Эмерсона и Руссо. Свой опыт (относительно) уединенной и самодостаточной жизни на лоне природы он описал в романе «Уолден, или Жизнь в лесу». Капитан Ахав — герой романа Германа Мелвилла «Моби Дик, или Белый кит». Гекльберри Финн — герой ряда произведений Марка Твена. Изабель Арчер — героиня романа «Портрет леди» Генри Джеймса. Фредерик Генри — герой романа «Прощай, оружие» Эрнеста Хемингуэя. — *Примеч. пер.*

ки всегда подчеркивали уверенность в своих силах, то главные социальные институты делали акцент на добродетелях сотрудничества. Натти Бампо, герой Фенимора Купера, мог бродить по лесам в одиночестве, но большинство первых поселенцев дорожили именно безопасностью и товариществом в совместной борьбе. Хотя Генри Торо и уединился (на время) на берегу озера Уолден, чтобы найти истинно необходимое в жизни, его соотечественники в то же время проделывали долгий путь верхом или по только что построенной железной дороге в Бостон, Нью-Йорк или Чикаго, где реализовывали менее уединенную версию индивидуализма. Теоретики вроде Джона Дьюи и Джорджа Герберта Мида видели в самости не таинственное ядро внутренней идентичности, но продукт социальных взаимодействий. А политические лидеры на все лады призывали американцев присоединяться к команде.

Присоединяйтесь к команде. Изначально слово «team» не имело отношения к спорту (к примеру, «team of oxen» — упряжка волов). Сегодня же сложно представить себе это слово вне спортивного контекста, ведь именно в командных видах спорта американцы искали гармонию индивидуализма и сотрудничества — коллективное предприятие, которое при этом способствует развитию индивидуальности. «Несомненно, наша основная черта, индивидуализм, проявляется в том, как мы отдыхаем», — пишет Аллан Невинс[3]. Но так ли это? Разве не правда, что самые популярные в Америке виды спорта — командные? Если бы настроение Торо преобладало в характере американцев, они бы выбрали плавание, лыжи, бег или даже гольф или теннис, где индивидуаль-

3. Цит. по: *Voigt D. Q.* American baseball. 2 vols. Norman: University of Oklahoma, 1966–1970. Vol.1. P. xxiv.

ное четко отделено от командного, а вовсе не бейсбол, баскетбол, американский футбол и хоккей, в которых командная работа — *sine qua non* победы.

В одном из самых ранних исследований спорта и национального характера Джозеф Стратт пишет[4]:

> Дабы справедливо оценить характер народа, необходимо изучить популярные среди этого народа спорт и развлечения. Война, политика и иные случайные обстоятельства могут что-то сказать о мужчинах — в разное время и с разных точек зрения, но если мы последуем за ними в их частную жизнь, где не нужны личины, то вероятнее всего увидим их подлинный облик и сможем составить представление об их естественном характере.

Обсуждая бейсбол и американский футбол, я постарался поступить согласно совету Стратта и последовал за американцами в пространство их игр — пространство относительной свободы, где «не нужны личины». Но должен признать, что большинство попыток понять национальный характер на основе тех или иных видов современного спорта были безуспешны по той простой причине, что современный спортивные дисциплины широко распространены и по своей структуре, если не содержанию, похожи друг на друга. Конечно, есть разница между итальянским, шведским или бразильским стилями в футболе (soccer), но она слишком незначительна, чтобы мы могли сконструировать на ее основе приемлемую интерпретацию национального характера. Комментарии об «усыпляющем» характере игры шведов или «пылком» темпераменте итальянских футболистов мало что добавляют в нашу копил-

---

4. *Strutt J.* Sports and Pastimes of the people of England. 2nd ed. London: Thomas Tegg, 1838. P. xvii-xviii.

ку сведений о национальном менталитете. Однако есть все основания считать, что различие между индивидуальными и командными видами спорта психологически и культурно значимо. Ориентируясь на это, мы можем изучить относительные масштабы участия в индивидуальных и командных дисциплинах в США и других странах.

Индивидуальный *versus* командный спорт

В табл. 6.1 приведено распределение ответов американцев в опросе о виде спорта, который они предпочитают смотреть[5]. Оба пола предпочитают командные виды спорта. Аналогичные результаты были получены, когда 562 жителей Миннеаполиса и Сент-Пола попросили назвать свои ассоциации к слову «спорт». Ответы были однозначными. Американский футбол назвали 72,7% респондентов, бейсбол — 66,9%, а баскетбол — 42,6%, в то время как теннис — наиболее часто называвшийся индивидуальный вид спорта — упомянули лишь 21,6%[6]. То же распределение наблюдается и в случае телевизионных рейтингов видов спорта. Если в 1975 году Супер Боул привлек 41,6% аудитории, а Мировая серия — 30,7%, то турниры по гольфу в общей сложности собрали 8,6% аудитории, а Уимблдонский турнир по теннису — только 4,5%[7]. Эти предпочтения ко-

5. *Gallup G. H.* The Gallup poll. 3 vols. New York: Random House, 1972. Vol. 3. P. 1699–1700.
6. *Stone G. P.* Some meanings of American sports // Aspects of Contemporary Sport Sociology / Kenyon G. S. (ed.). Chicago: Athletic Institute, 1969. P. 5–27.
7. The world almanac and book of facts. 1976.

ТАБЛИЦА 6.1. Предпочитаемые спортивные зрелища, %

	Мужчины	Женщины	Мужчины и женщины
Бейсбол	41	27	34
Футбол	27	16	21
Баскетбол	6	12	9
Боулинг	1	8	5
Борьба	3	6	5
Бокс	4	2	3
Хоккей, конькобежный спорт			3
Лыжный спорт			1
Гольф			1
Плавание			1
Другие виды спорта	9	12	4
Затруднились ответить	9	17	13

мандных видов спорта можно частично объяснить тем фактом, что Супер Боул проходит в течение одного дня. Для сравнения, на немецком телевидении преобладание командных видов спорта не столь сильно. Если 81% аудитории выбрали матчи футбольного чемпионата 1966 года (ФРГ против СССР), то 52% смотрели чемпионат по фигурному катанию и чемпионат мира по велосипедному спорту. Тремя годами позже 77% предпочитали футбол (матч ФРГ против Шотландии), а 36% — соревнования по легкой атлетике[8].

8. *Hackforth J.* Sport im Fernsehen. Münster: Verlag Regensburg, 1975. S. 261. Обсуждение французской ситуации см. также: *Seidler E.* Le sport et la presse. Paris: Armand Colin, 1964.

Обложки *Sports Illustrated* отражают представления редакции журнала о том, что волнует среднестатистического поклонника спорта. Поскольку журнал не специализирован и посвящен всем видам спорта (а также некоторым неспортивным играм вроде шахмат и бриджа), то с его стороны было бы логичным пытаться добиться большего охвата аудитории, однако распределение показывает заметный упор на командные виды спорта, и эта тенденция со временем лишь усиливается. Как показывает таблица 6.2, за первые 20 лет своего существования *Sports Illustrated* посвятил американскому футболу 20,7% обложек, а бейсболу — 17,8%[9]. Гольф, наиболее популярная индивидуальная дисциплина, появлялся лишь на 8,8% обложек. В течение этих 20 лет доля командного спорта растет, а индивидуального — снижается, однако самое удивительное то, что доля баскетбола увеличивалась даже активнее, чем процент американского футбола. За этот период гимнастика, один из самых популярных видов в Европе и Японии, появилась на обложке лишь дважды. Вдобавок к перевесу командного спорта обложки показывают заметное снижение интереса к досовременному спорту: рыбалка, охота, парусный спорт, гребля и альпинизм. (Альпинизм появился на обложке 3 раза за первые восемь лет, а затем исчез.) В целом спортивные дисциплины на обложках *Sports Illustrated* стали менее разнообразными, и это особенно заметно в индивидуальных видах.

Командные виды спорта популярнее и в спортивных разделах газет, и в бесчисленных книгах, написанных о героях спорта или самими спорт-

9. Я использовал четырехлетние интервалы, чтобы регулярные Олимпийские игры не искажали результаты.

ТАБЛИЦА 6.2. Спортивные дисциплины на обложках *Sports Illustrated*

	1955–1958	1959–1962	1963–1966	1967–1970	1971–1974
Американский футбол	22	25	52	58	53
Баскетбол	6	10	18	36	39
Бейсбол	41	28	30	43	38
Гольф	9	29	23	16	12
Хоккей	4	5	6	11	11
Бокс	8	9	16	5	9
Автогонки	5	7	4	5	6
Теннис	5	4	5	1	6
Легкая атлетика	12	13	13	10	5
Скачки	13	13	7	1	4
Лыжный спорт	9	9	10	5	2
Плавание, Дайвинг	3	8	0	1	2
Конькобежный спорт	3	2	1	1	1
Рыбалка, Охота	11	7	3	0	0
Гребля	7	7	5	0	0
Другие командные виды спорта	0	3	1	0	2
Другие индивидуальные виды спорта	16	7	1	0	1
Сочетания видов спорта	10	1	0	3	6
Не спорт	19	11	6	7	6
Итого	203	201	202	203	203

сменами. Недавнее исследование Пола Гардинера о социальной значимости американского спорта, «Хорошие парни финишируют последними» (1975), посвящено бейсболу, американскому футболу, баскетболу и футболу и оставляет почти без внима-

ТАБЛИЦА 6.3. Участие в спортивных соревнованиях между школами, США

	1971–1972	1974–1975
СПОРТИВНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ МАЛЬЧИКОВ		
Американский футбол[а]	878 187	1 011 809
Баскетбол	645 670	688 690
Легкая атлетика[б]	642 639	667 974
Бейсбол	400 906	409 510
Борьба	265 039	319 048
Кроссы	166 281	214 840
Гольф	120 078	135 813
Плавание	91 309	114 645
Теннис	91 179	124 208
Футбол	78 510	98 482
Итого	291 377	1 224 504
СПОРТИВНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ ДЕВОЧЕК		
Баскетбол	132 299	307 608
Легкая атлетика	62 211	299 215
Теннис	26 010	84 495
Волейбол	17 952	198 313
Плавание	17 229	73 946
Гимнастика	17 225	61 424
Софтбол	9 813	110 140
Хоккей на траве	4 260	59 106
Лыжный спорт / Гольф[в]	2 659	17 956
Кроссы	1 719	12 301
Итого	3 379 798	3 785 019

а. Футбол с командами по 11 человек
б. Только на открытом воздухе
в. Лыжный спорт в 1971–1972 гг., гольф в 1974–1975 гг.

ния индивидуальные дисциплины. Та же выборка и в книге Майкла Новака «Радость спорта» (1976)[10].

Чтобы систематически и компаративистски изучить это повсеместное предпочтение командных видов, будет полезно выбрать единую мерку предпочтения. Ею может быть коэффициент соотношения участия в индивидуальном и командном видах спорта (*И/К*). Используя его, мы сможем сравнить европейскую, японскую и американскую статистику, даже если многие из учитываемых в них видов спорта различаются. Если применить эту мерку к 1012 обложкам *Sports Illustrated* (1955–1974), то мы обнаружим, что коэффициент *И/К* меняется с 0,93 до 0,31.

Данные о занятиях спортом, как и свидетельства электронных и печатных медиа, дают те же результаты. В таблице 6.3 указано совокупное участие мальчиков и девочек в соревнованиях между школами по десяти наиболее популярным дисциплинам в периоды 1971–1972, 1974–1975 годов[11]. Командный спорт лидирует во всех четырех колонках, а три из четырех наиболее частых для школ дисциплин — командные. Коэффициент *И/К* увеличивается с 0,69 до 0,71 у мальчиков и несколько быстрее у девочек — с 0,77 до 0,81.

Таблица 6.4 демонстрирует сравнимые показатели для десяти самых популярных спортивных дисциплин на межуниверситетском уровне в периоды

---

10. *Gardiner P.* Nice Guys Finish Last., 1975. *Novak M.* The Joy of Sports. 1976.

11. См.: *Rooney J. F.* A geography of American sport. Reading: Addison-Wesley. 1974. P. 69. «Опрос об участии» Национального союза федераций государственных средних школ (1975). Я использовал десять самых популярных спортивных дисциплин.

ТАБЛИЦА 6.4. Участие в межуниверситетском спорте

	1956–1957	1961–1962	1966–1967	1971–1972
МУЖСКОЙ СПОРТ				
Американский футбол	28 032	30 519	36 799	42 187
Легкая атлетика	16 441	18 180	18 967	19 190
Бейсбол	16 378	16 798	17 101	19 487
Баскетбол	14 477	15 125	15 247	16 760
Плавание	6 524	7 913	8 269	8 667
Футбол	6 120	8 270	10 370	12 024
Теннис	6 062	6 936	7 155	7 445
Борьба	5 720	7 630	7 889	9 437
Кроссы	4 828	6 047	6 281	9 194
Гольф	4 788	5 440	6 160	6 795
Итого	109 370	122 858	134 238	151 186
ЖЕНСКИЙ СПОРТ				1971–1972
Баскетбол				6 176
Хоккей на траве				5 012
Волейбол				4 124
Софтбол				3 185

с 1956–1957 по 1971–1972 годы.[12] (Национальная ассоциация студенческого спорта (NCAA) изучает межуниверситетский спорт каждые пять лет.) Можно сделать несколько наблюдений. Американский футбол лидирует во всех опросах, и его доля от общего числа участников растет. Доля бейсбола уменьшается, но его относительная позиция в списке повышается, поскольку легкая атлетика теряет популяр-

12. National Collegiate Athletic Association // Report. 1974. No. 4. P. 7, 13.

ность еще быстрее. Коэффициенты *И/К* у мужчин сходны с коэффициентами в школьном спорте — 0,68, 0,73, 0,69, 0,67. Это сходство указывает на относительную устойчивость интересов, а тенденция демонстрирует некоторое падение популярности индивидуальных спортивных дисциплин. Не менее интересны показатели у женщин. На школьном уровне индивидуальный спорт чуть более популярен у женщин, чем у мужчин. В университетах — обратная ситуация, *И/К* падает до 0,49.

И у мужчин, и у женщин на университетском уровне *И/К* меньше, чем на школьном. Это заставляет предположить, что образовательная система ориентирована на командный спорт. Вопреки разговорам о важности индивидуальных видов спорта вроде гольфа или тенниса, в которые можно играть и во взрослые годы, в колледжах и университетах — даже больше, чем в школах — продолжают делать акцент на командных дисциплинах. Конечно, может быть и так, что образовательная система всего лишь реагирует на запросы студентов, которые выбирают спортивные дисциплины так же свободно, как они выбирают предметы специализации и курсы. Такое представление противоречит рассуждениям Джека Скотта, Пола Хоча и других реформаторов, жестко критикующих спортивных чиновников за избыток университетского спорта и в том числе за заслуживающий осуждения уклон в командные виды спорта. Однако статистика по спорту в стенах образовательных учреждений показывает, что при условии самостоятельного выбора учащиеся больше предпочитают командный спорт (табл. 6.5)[13]. Цифры в таблице показывают вовлеченность в спортивные занятия в образовательных учреждениях — область, которой

13. National Collegiate Athletic Association. P. 17.

ТАБЛИЦА 6.5. Участие в спорте в стенах образовательных учреждений

мужчины			женщины	
	1956–1957	1971–1972		1971–1972
Баскетбол	129 005	362 375	Волейбол	61 144
Софтбол	106 672	309 608	Софтбол	51 083
Американский футбол	100 996	296 876	Баскетбол	49 871
Волейбол	66 375	158 769	Плавание	16 676
Боулинг	35 394	57 893	Боулинг	16 431
Легкая атлетика	32 847	51 347	Американский тач-футбол[1]	16 336
Теннис	24 038	38 043	Бадминтон	10 362
Плавание	22 814	45 049	Теннис	10 148
Настольный теннис	22 470		Хоккей с мячом	5 903
Гольф	15 417		Настольный теннис	5 767
Футбол		49 545		
Гандбол		31 609		
Итого	556 028	1 401 114		

пренебрегают спортивные департаменты и в которой вероятнее всего определяющими являются ценности самих людей. Здесь преобладание командного спорта даже более явно, чем на межуниверситетском уровне. Коэффициент И/К у мужчин падает с 0,38 в 1956–1957 до 0,19 в 1971–1972 годах. И это происходит на фоне роста участия более чем в два раза. У женщин И/К составляет 0,32 — выше, чем у мужчин, но меньше, чем у женщин на межуниверситетском уровне. Сложно представить себе, как могли получиться столь низкие коэффициенты, если бы студенты действительно предпочитали индивидуальные виды спорта командным.

К сожалению, у нас нет статистики, достаточной для аналогичных подсчетов по спорту у взрослых, однако по впечатлению и судя по доступной нам частичной статистике взрослые американцы, если они продолжают заниматься спортом, переходят от командных к индивидуальным видам спорта. Газеты сообщают, что 60 000 000 американцев играют в теннис, но эта оценка кажется преувеличенной. Согласно данным американского Бюро по организации отдыха на открытом воздухе, в 1972 году 5% населения старше 12 лет предпочитали лыжный спорт, водные лыжи, гольф и теннис[14]. Кроме того, по оценке Бюро, 22% участвовали в «иных играх и занятиях спортом на свежем воздухе», что, конечно, говорит нам меньше, чем хотелось бы. Если эти «иные занятия спортом» — бейсбол, софтбол, американский футбол, волейбол, баскетбол и футбол, то командные дисциплины снова в большинстве, но эти «занятия спортом» могут быть и метанием подковы или крикетом. Мы не знаем.

Поскольку американский спорт в значительной степени организован как часть образовательной системы, а не системы частных или государственных спортивных клубов (как в Европе), то взрослые оказываются в относительно невыгодном положении. Им доступна разнообразная общественная и частная спортивная инфраструктура, позволяющие вести активный образ жизни, но сама система весьма затрудняет участие в командных видах спорта. Если взрослые зрители в Америке занимаются или хотят заняться тем спортом, события которого они посещают или смотрят (как это происходит в Европе), то рост их вовлеченности в гольф, теннис, сквош и другие индивидуальные виды свидетель-

14. Statistical abstract of United States. 1976.

ствует о недоступности лучшей альтернативы. Теннисисты на самом деле предпочли бы играть в баскетбол. Но эта возможность весьма умозрительна.

В отличие от американской европейская спортивная система предполагает участие в спорте через клубы, которые, как правило, являются частными в Западной Европе, а в Восточной принадлежат государственному промышленному сектору (например, самый престижный клуб в большинстве восточноевропейских стран — «Динамо», клуб милиции, членами которого являются и Роланд Маттес, и Корнелия Эндер[15]). Поскольку спортивная инфраструктура *не* связана так тесно со школами и колледжами, то можно было бы ожидать, что европейцы предпочитают командные виды спорта. В конце концов, взрослые не должны отказываться от них по достижении 18 или 21 года только потому, что учеба заканчивается. Примерно три миллиона западных немцев — члены футбольных клубов, а Немецкий футбольный союз — крупнейшая немецкая спортивная организация. Можно играть, пока бегаешь.

На деле же, однако, европейцы любят индивидуальные виды спорта больше, чем американцы, и это несмотря на то, что самая популярная игра и у зрителей, и у занимающихся спортом — футбол (soccer). Перед тем как мы обратимся к количественным данным, нам надо обсудить ряд факторов, затрудняющих это межкультурное сравнение. Во-первых, наилучшие данные предоставляет нам статистика членства в спортивных клубах, однако

---

15. Роланд Маттес (р. 1950) — четырехкратный олимпийский чемпион по плаванию, многократный чемпион мира и Европы. Корнелия Эндер (р. 1958) — четырехкратная олимпийская чемпионка по плаванию и восьмикратная чемпионка мира. — *Примеч. пер.*

не все члены занимаются спортом. Многие вступают ради новых связей и общения или даже ради помощи своему бизнесу (это встречается и в США). Во-вторых, многие активные спортсмены — особенно в индивидуальных дисциплинах вроде лыжного спорта — не являются членами клубов. В-третьих, хотя европейские спортивные клубы привлекают непропорциональное число своих членов из молодежи (до 25 лет), выборка все равно несопоставима с численностью американских студентов. В-четвертых, нужно быть аккуратными с определениями, используемыми в разных опросах. Мы определили спорт как неутилитарное физическое состязание. Это означает, что плавание является спортом, только когда в нем есть соревновательный момент. Пойти на пляж, позагорать и искупаться или даже поплавать — это не спорт. Поясню: если мы обратимся к австрийскому исследованию, в котором 28% выборки (1000 подростков, мальчиков и девочек) значатся как предпочитающие плавание в качестве отдыха и только 6% плавают в рамках состязаний[16]. Аналогичным образом езда на велосипеде может быть и отдыхом, и спортом в зависимости от того, участвует ли велосипедист в соревновании. В чешском исследовании 48% девушек предпочитали прогулки на велосипеде и только 1% участвовали в велосипедных гонках[17]. В большинстве европейских и американских исследований игры, забавы и спорт в строгом смысле слова не различаются. Мы должны быть осторожны и потому, что в странах социалистического блока к спорту часто от-

---

16. *Grössing S.* Sport und Jugens. Vienna: Verlag für Jugend und Volk, 1970. S. 28–29.
17. *Petrak B.* Sport activity in the life of the population of Czechomoravian plateau // IRSS. 1966. № 1. P. 146.

носят туризм и шахматы. Наконец, даже если мы уверены, что речь идет именно о спорте, а не о несостязательной физической активности вроде пешего туризма, нам придется решать проблему классификации на командные и индивидуальные виды спорта. Например, гимнастика — это и командное выступление, а не только соревнование одиночек. (Командные соревнования — не проблема для гимнастики, поскольку спортсмены выступают и оцениваются отдельно; результат команды — просто сумма.) В теннисе есть как индивидуальные соревнования, так и соревнования пар. Гребля включает в себя соревнования одиночек, двоек, четверок с рулевым или без и восьмерок с рулевым.

К счастью, эти сложности не фатальны. Поскольку мы сравниваем не абсолютные показатели, а коэффициенты, то нас интересуют пропорции. Если пропорция игроков в футбол, которые присоединяются к спортивным клубам, примерно равна пропорции пловцов или тяжелоатлетов, которые вступают в *свои* клубы, то наш коэффициент не исказит тот факт, что не все спортсмены являются членами того или иного клуба. С другой стороны, если в регбийных клубах много бездельников, которым просто нравится местная атмосфера, а в теннисных клубах — сплошь завзятые спортсмены, то наши коэффициенты окажутся искаженными. Однако я не вижу никаких причин для такого сценария. Более серьезной проблемой является то, что наши выборки сделаны на основе разных возрастных групп. Дело в том, что есть универсальная тенденция ухода более взрослых людей из командного спорта, и она будет искажать наши коэффициенты. Впрочем, это искажение в основном смягчится благодаря преобладающей доле молодых людей в европейских данных. С четвертой трудностью тоже можно справиться. Действуя осторожно,

ТАБЛИЦА 6.6. Членство в спортивных клубах Западной и Восточной Германии, 1973 год

Вид спорта	Западная	Восточная
Футбол	3197759	487570
Гимнастика	2567116	344372
Стрельба	777049	
Легкая атлетика	629644	159244
Плавание	517951	72187
Теннис	503215	
Гандбол (европейский)	468082	133031
Настольный теннис	387056	68353
Лыжный спорт	276987	32296
Конный спорт	259340	
Боулинг		138903
Волейбол		71395
Дзюдо		35609
Итого	9584199	1542960

10 самых популярных видов спорта.
Население Восточной Германии составляет приблизительно ¼ населения Западной.

мы можем определить, не смешаны ли в результатах опроса данные по досугу и по настоящему спорту.

Перейдем к распределению членства в спортивных клубах в Западной и Восточной Германии (табл. 6.6)[18], не упуская из виду эти моменты. Хотя

18. *Voigt D.* Soziologie in der DDR. Cologne: Wissenschaft und Politik, 1975. S. 69. *Hortleder G.* Die Faszination des Fußballspiels. Frankfurt: Suhrkampf, 1974. S. 56–57. См. также: *Schiele H.* Ergebnisse und Erfahrungen von FDGB und DTSB // TRK. 1972. № 21. S. 505–513.

футбол возглавляет список в обеих странах, гимнастика надежно закрепила за собой второе место. Коэффициент *И/К* для Западной Германии 1,61, что указывает на бóльшую популярность индивидуальных дисциплин. Это значение почти в два раза превышает аналогичный показатель для американских студентов. Близкий к западногерманскому коэффициент, 1,23, показывает предпочтения членов спортивных клубов в Восточной Германии, хотя десятка самых популярных видов здесь отличается.

Во Франции распределение сходно с немецким. В таблице 6.7 футбол лидирует с 38% (для сравнения: 33% в Западной Германии и 32% в Восточной), но коэффициент *И/К* составляет 0,98, то есть меньше, чем в Германии, но заметно выше, чем в США[19]. Отличное датское исследование занимающихся спортом в возрасте от 15 до 40 лет демонстрирует высокую популярность гимнастики — 12,1% выборки занимаются гимнастикой, тогда как футболом — 13%, хотя вероятнее всего большинство гимнастов соревнуются разве что с собственным представлением о совершенстве[20]. Датский *И/К* составляет 1,15, что сравнима с показателями Франции и Восточной Германии (табл. 6.8).

Последнее исследование в этом выборочном обзоре открывает ситуацию с другой стороны. Япония — очевидно не европейская нация, но современное общество. Американцы склонны думать о ней как о менее индивидуалистичной, чем сами

---

19. *Meynaud J.* Sport et politique. Paris: Payot, 1966. P. 12–13.
20. *Andersen H., Bo-Jensen A., Elkaer-Hansen N., Sonne A.* Sports and games in Denmark in the light of sociology // Sport, Culture and Society / Loy J. W., Kenyon G. S. (eds.). New York: Macmillan, 1969. P. 173.

ТАБЛИЦА 6.7. Членство в спортивных клубах, Франция, 1963 год

Футбол	443 898
Лыжный спорт	259 107
Баскетбол	103 601
Теннис	82 300
Дзюдо	54 544
Гимнастика	53 004
Легкая атлетика	51 512
Регби	44 300
Плавание	39 084
Велоспорт	37 705
Итого	1169 055

ТАБЛИЦА 6.8. Популярность видов среди занимающихся спортом, Дания, около 1953 года

Футбол	199 079
Гимнастика	184 687
Гандбол	119 983
Стрельба	47 994
Плавание	31 273
Легкая атлетика	30 651
Бадминтон	30 327
Теннис	20 524
Гребля	14 259
Бокс	5 728
Итого	684 505

США, стране. Японский Союз любительского спорта тщательно изучил членство в 35 национальных спортивных федерациях. Результаты по состоянию на 1967 год представлены в таблице 6.9[21]. Примечательна современность представленных спортивных дисциплин. Дзюдо и кэндо (японское искусство фехтования мечом) не угрожает исчезновение, но суммарное число их поклонников меньше, чем число занимающихся бейсболом. На долю сумо, которое американцы считают типично японским спортом, приходится лишь 0,5% от всего организованного спорта. За исключением дзюдо и кэндо список предпочтений японцев выглядит почти та-

21. *Sasajima K.* History of physical exercises and sport in Japan // Geschichte der Leibesbüngen 6 vols. / Überhorst H. (ed.). Berlin: Bartels&Wernitz, 1972–1989. Vol. 4. S. 211.

ким же, как в США, но это обманчивая видимость. Если посчитать *И/К*, то мы получим 1,34. Японцы, как и европейцы, больше, чем мы, интересуются индивидуальными видами спорта, и это несмотря на то, что они часто считают бейсбол своей национальной игрой. В пользу этого довольно неожиданного вывода свидетельствует эмпирическое исследование детских игр. Когда 120 мальчиков и девочек из США сравнили со 120 мальчиками и девочками из Японии, то обнаружили статистически значимый «перевес неформальных социальных игр в Японии и командных — в Америке»[22].

Эти пять исследований имеют национальный масштаб. Есть много исследований местного масштаба, их результаты меняются от региона к региону и зависят от времени проведения, но общая тенденция подтверждает обобщение, выведенное из национальных исследований: молодые люди в США предпочитают индивидуальным дисциплинам командные, в то время как подростки и молодежь в Европе и Японии — наоборот[23]. Есть все основания доверять тому, что табл. 6.10, обобщающая результаты семнадцати исследований, точно демонстрирует предпочтения американцев

---

22. Children's play as an indicator of cross cultural and intercultural differences // Journal of Educational Siciology. 1962. № 35. P. 280.

23. См., например: *Lüschen G.* Social stratification and social mobility among young sportsmen // Sport, Culture and Society / Loy J. W., Kenyon G. S. (eds.). New York: Macmillan, 1969. P. 265; *Gras F.* The shaping of the interest in and the need for sport // IRSS. 1974. № 3–4. P. 77; *Rosenmayr L.* Sport as leisure activity of young people // IRSS. 1967. № 2. P. 23; *Nigg F., Heidrich O.* Young girls and their sport // IRSS. 1968. № 3. P. 131; *Sendlak P.* Leibesüngen und Sport in der Soviet Union // Geschichte der Leibesbüngen. Vol. 4. S.113.

ТАБЛИЦА 6.9. Членство в спортивных организациях в Японии, 1967 год

Бейсбол	824728	Регби	52431
Волейбол	612080	Стрельба из винтовки	50868
Пинг-понг	526035	Гандбол	34585
Мини-теннис	492836	Сумо	29123
Баскетбол	413770	Лодочный спорт	22835
Дзюдо	407782	Конькобежный спорт	15113
Легкая атлетика	386220	Верховая езда	13181
Кэндо	329299	Велоспорт	8910
Софтбол	178958	Парусный спорт	8711
Гимнастика	152801	Стрельба по тарелочкам	7661
Гольф	114178	Борьба	7205
Стрельба из лука	103588	Тяжелая атлетика	4847
Футбол	103204	Бокс	4720
Альпинизм	100408	Хоккей	4593
Плавание	100408	Фехтование	4561
Теннис	92632	Гребля на каноэ	1094
Бадминтон	89670	Современное пятиборье	818
Лыжный спорт	63544	ИТОГО	5364666

в противоположность предпочтениям европейцев и японцев.

Кроме того, есть замечательное свидетельство, подтверждающее в межкультурном контексте количественные данные о США. Как писал Джон Танис в своей ранней работе, французы «предпочитают индивидуальные игры — гольф, теннис, пелоту[24] и другие — и хороши в них»; поколение спустя

24. Пелота — баскская игра с мячом, предшественница сквоша. Кроме Страны басков распространена в Италии, Мексике, Южной Америке, США и на Кубе. — *Примеч. пер.*

ТАБЛИЦА 6.10. Сравнение коэффициентов *И/К*

		И/К
США		
Межшкольный спорт, мальчики	1971–1972	0,69
	1974–1975	0,71
Межшкольный спорт, девочки	1971–1972	0,77
	1974–1975	0,81
Межуниверситетский спорт, мужчины	1956–1957	0,68
	1961–1962	0,73
	1966–1967	0,69
	1071–1972	0,67
Межуниверситетский спорт, женщины	1971–1972	0,49
Спорт в образовательных учреждениях, мужчины	1956–1957	0,38
	1971–1972	0,19
Спорт в образовательных учреждениях, женщины	1971–1972	0,32
ЗАПАДНАЯ ГЕРМАНИЯ		
Членство в спортивных клубах	1971	1,61
ВОСТОЧНАЯ ГЕРМАНИЯ		
Членство в спортивных клубах	1971	1,23
ФРАНЦИЯ		
Членство в спортивных клубах	1963	0,98
ДАНИЯ		
Занимающиеся спортом	1963	1,15
ЯПОНИЯ		
Членство в спортивных организациях	1967	1,34

Роберт Дейли заметил, что «если европейцы что и обожают в спорте, так это личные подвиги»[25].

25. *Tunis J. R.* Sports. New York: John Day, 1928. P. 261; *Daley R.* The bizarre world of European sports. New York: William Morrow, 1963. P. 2.
Джон Танис (1889–1975) — американский писатель и спортивный комментатор, считается одним из создателей со-

Эти мнения ничего не доказывают, но они показывают, что не все, писавшие о спорте, были в плену теории о проявляющемся в спорте американском индивидуализме.

Впрочем, свидетельства в пользу нашего заключения можно вывести и из психологических тестов, а именно личностных тестов. Хотя при текущем состоянии этой научной области рискованно делать обобщающие выводы из противоречивых и порой путаных результатов психологических исследований спортсменов, одно предварительное заключение кажется вполне обоснованным. В выборе командного, а не индивидуального спорта проявляется личность. Обыденный опыт подсказывает нам, что большинство людей занимаются более чем одним видом спорта. Например, профессиональные игроки в американский футбол склонны выбирать гольф как спортивное занятие для отдыха. Тем не менее большинство людей предпочитают что-то одно — или индивидуальный, или командный спорт. Калифорнийский личностный опросник, список личностных предпочтений Эдвардса, 16-факторный личностный опросник Кеттелла и другие распространенные письменные тесты демонстрируют значительную корреляцию между индивидуальным спортом и такими чертами личности, как интровертированность, самостоятельность, независимость и индивидуализм. В особенности это верно для спортсменок, кото-

---

временной истории спорта. Автор еженедельной спортивной колонки в *The New Yorker*.

Роберт Дейли (р. 1930) — американский писатель. На протяжении 6 сезонов был директором по связям с общественностью в клубе «Нью-Йорк Джайентс» (американский футбол). — *Примеч. пер.*

рым приходится выдерживать значительное социальное неодобрение, если они серьезно занимаются соревновательными спортивными дисциплинами. Именно это вырисовывается из наблюдаемых в поле «двусмысленных результатов» и «мозаики противоречий», а также значительных внутридисциплинарных разногласий[26].

Вымышленные бегуны

Писатели работают в ином, чем социологи и психологи, режиме и предлагают другого рода свидетельства, но их произведения также подтверждают наши предварительные выводы об индивидуальном и командном спорте в Европе и США.

---

26. Цитаты по: *Sage G. H.* An assessment of personality profiles between andwithin intercollegiate athletes from eight different sports // SW. 1972. No. 2. P. 408; *Smith L. E.* Personality and Performance research — new theories and direction required // Quest Monograph. 1970. No. 13. P. 74. См. также: *Williams J. M., Hoepner B. J., Moody D. L., Ogilvie B. D.* Personality traits of champion level female fencers // RQ. 1970. No. 41. P. 446–453; *Kroll W., Grenshaw W.* Multivariate personality profile analysis of four athletic groups // Contemporary Psychology of Sports / Kenyon G. S. (ed.). Chicago: Athletic Institute, 1970. P. 97–106. *Bird E. I.* Personality structure of Canadian intercollegiate women ice hockey players // Ibid. P. 149–156; *Malumphy T. M.* The collegiate woman athlete — questions and tentative answers // Quest monograph. 1970. No. 4. P. 18–27. *Peterson S. L., Weber J. C., Trousdale W. W.* Personality traits of women in team sports versus women in individual sports // RQ. 1967. No. 38. P. 686–690; *Sperling A. P.* The relationships between personality adjustment and achievement in physical education activities // RQ. 1942. No. 3. P. 351–363; *Flanagan L.* A study of some personality traits of different physical activity groups // RQ. 1951. No. 22. P. 312–323; *Lakie W. L.* Personality characteristics of certain groups of intercollegiate athletes //

Одним из первых американских писателей, сделавших спорт важной частью своего романа, стал Чарльз Эммет Ван Лоан. Один из его сборников рассказов, «В нокауте» (1915), посвящен профессиональному боксу и миру профессионального боксера. Другой сборник, «Счет по иннингам» (1919) — о бейсболе. Это сочетание интересов, бокс и бейсбол, до недавнего времени было обычным для американских писателей, драматургов и поэтов. От Джека Лондона с его доброй историей «Лютый зверь» (1913) до Леонарда Гарднера с его мрачным жизнеописанием потрепанного жизнью и отчаявшегося здоровяка-бойца в «Городе изобилия» (1969),— многие из лучших американских писателей использовали ринг для раскрытия неопосредованной борьбы человека с человеком[27]. И еще большее число писателей — со времен Ван Лоана и Ринга Ларднера до Роберта Кувера и Филипа Рота — использовали бейсбол как метафору для человеческой природы[28]. В 1960-е годы многие авторы обратились

RQ. 1962. No. 33. P. 566–573; *Klafs C. E., Lyon J.* The female athlete. St. Louis: C. V. Mosby Co., 1973. P. 87.

27. *March J. M.* The set-up. New York: Covoco-Friede, 1928; *Odets C.* Golden boy // Six plays of Clifford Odets. New York: Modern Library, 1939; *Algren N.* Never come morning. New York: Harper&Bros., 1942. *Schulberg B.* The harder they fall. New York: Random House, 1947; *Pollini F.* The crown. New York: Putnam's, 1967; *Shaara M.* The broken place. New York: New American Library, 1968. Историй о боксерах Эрнеста Хемингуэя и других авторов слишком много, чтобы перечислить их здесь. *Гарднер Л.* Город Изобилия. М.: Прогресс, 1972.

28. Вдобавок к Ван Лоану, Ларднеру, Харрису, Маламуду и Куверу см.: *Broun H.* The sun field. NY: Putnam's, 1923; *Asinof E.* Man on spikes. NY: McGraw-Hill, 1955; *Fitzgerald E.* The ballplayer. NY: A. S. Barnes, 1957; *Quigley M.* Today's game. NY: Viking, 1965; *Brashler W.* The Bingo long travelling all stars and motor kings. NY: Harper & Row, 1973; *Roth P.* The great Amer-

к исследованию возможности американского футбола и баскетбола[29]. И лишь в последние пять лет они вдруг начали привлекать в свои произведения теннис и гольф[30]. Если говорить о серьезных произведениях искусства, адресованных взрослой аудитории, то, как и в истории, в литературе упор делается на командные виды спорта.

В Европе, по крайней мере, Западной, не так. Обратившись к корпусу «литературы о спорте» на английском, французском и немецком, мы обнаружим, что такие разные писатели, как Джордж Бернард Шоу и Бертольд Брехт, разделяли очарованность американцев профессиональными боксерами, что немногие по-настоящему важные прозаики писали о командном спорте (в основном это был футбол) и что очень многие из первоклассных авторов сделали из подвигов спортсменов-одиночек

---

ican novel. NY: Random House, 1973; *Neugeboren J.* Sam's legacy. NY: Holt, Rinehart & Winston, 1975; *Herrin L.* The Rio Loja ringmaster. NY: Viking, 1977.

29. Американский футбол: *Manchester W.* The long gainer. Boston: Little, Brown, 1961; *Daley R.* Only a game. NY: New American Library, 1967; *Cartwright G.* The hundred yard war. Garden City: Doubleday, 1968; *Milton D. S.* The quarterback. NY: Dell, 1970; *Jenkins D.* Semi-tough. NY: Atheneum, 1972; *Whitehead J.* Joiner. NY: Knopf, 1971; *DeLillo D.* End zone. Boston: Houghton Mifflin, 1972; *Gent P.* North Dallas forty. NY: Signet, 1974; *Koperwas S.* Westchester bull. NY: Simon & Schuster, 1976. Баскетбол: *Larner J.* Drive, he said. NY: Dell, 1964; *Neugeboren J.* Big man. Boston: Houghton Miffin, 1966; *Rosen C.* Have jump shot, will travel. NY: Arbor House, 1975.

30. Теннис: *Morris W.* The huge season. NY: Knopf, 1954; *Barker R.* Love forty. Philadelphia: Lippincott, 1975; *Oldham A.* A race through summer. NY: dell, 1975; *Boyer J., Boyer B.* World class. NY: Random House, 1975; *Fadiman E.* The professional. NY: David McKay, 1973; *Demers R. M.* The circuit. NY: Viking, 1976. Гольф: *Jenkins D.* Dead solid perfect. NY: Atheneum, 1974.

замечательные произведения искусства[31]. И если герои американских романов и рассказов берутся за биты, занимают позиции перед линией розыгрыша мяча или обводят соперников, чтобы подобраться к кольцу, то их европейские собратья, скорее всего — это бегуны, велосипедисты, пловцы или гребцы — одинокие самостоятельные мужчины, обреченные что-то доказывать враждебному миру[32]. Марк Харрис и Бернард Маламуд противопоставляют поиск общности опасностям эгоизма, в то время как британские, французские, немецкие и швейцарские писатели скорее займутся психологической драмой стайера, преодолевающего внутренний кризис. Доминирующий тон романов о бейсболе — комический. У европейских же историй он трагический.

«Прямая линия» (1956) Ива Жибо отчасти является исключением из моих обобщений. Хоть это роман о подвиге и личной боли, это не трагедия. Напротив, это художественный эквивалент исто-

---

31. *Шоу Б.* Профессия Кэшеля Байрона. М., 1911; *Brecht B.* Der Kinnhaken // Scherls Magazin. 1926. No. 2. P. 48–50. О командных видах спорта: *Torberg F.* Die Mannschaft. Vienna: Verlag Fritz Molden, 1968; *Хандке П.* Страх вратаря перед одиннадцатиметровым. Амфора, 2000; *Storey D.* This sporting life. London: Longman's, 1968; *Krusche D.* Obenauf. Munich: Metaverlag, 1973; *Behrens A.* Die Fernsehliga. Berlin: Verlag, 1974.

32. Кроме кратко обсуждавшихся здесь работ см.: *Montherlant H.* Les Olympiques. Paris: Gallimard, 1954 (1920, 1938); *Montherlat H.* Le songe. Paris: Gallimard, 1923; *Lundberg K.* The Olympic hole. London: Stanley Paul, 1958; *Atkinson H.* The games. London: Cassel, 1967; *Magnane G.* La trêve olympique. Paris: Albin Michel, 1950; *MacKay J. H.* Der Schwimmer. Treptow: Bernhard Zacks, 1911 (1901); *Naudin P.* Les mauvaises routes. Paris: Gallimard, 1959; *Johnson U.* Das Dritte Buch über Achim. Frankfurt: Suhrkamp, 1961; *Hurne R.* The yellow jersey. London: Weidenfeld & Nicolson, 1973.

рий Рэя Юри, Вильмы Рудольф[33] и других чемпионов, успешно справившихся с физическими недугами. Роман Жибо рассказывает о Стефане Волькере, немецком спортсмене, тяжело раненном во время Второй мировой войны. Когда заинтересованный в Стефане тренер находит его, он — озлобленный продавец газет, безмолвный выживший, желающий одного — чтобы его оставили в покое оплакивать ампутированную руку. Благодаря терпению тренера, Стефан понемногу возвращается к бегу. В кульминационный момент романа он состязается на международных соревнованиях и ставит личный рекорд на дистанции 800 метров. Поскольку Жибо — француз, в романе выделяется тема международной общности. Ее символизируют международные соревнования по легкой атлетике, на которых Фолькер («Volk»[34]) представляет немецкий народ. Книга заканчивается символическим тезисом, что Германия восстала как феникс из пепла разрушений, которые она навлекла на себя.

Берт Бухнер, стайер из «Хлеб и зрелище» (1959) — это реинкарнация героя из рассказа «Полузащитник», который Зигфрид Ленц опубликовал двумя годами ранее. По сути роман прост — журналист-

---

33. Реймонд Кларенс Юри (1873–1937) — американский легкоатлет (прыжки), восьмикратный чемпион мира. В детстве переболел полиомиелитом и некоторое время был прикован к инвалидной коляске, но благодаря собственным упражнениям смог встать на ноги.

Вильма Рудольф (1940–1994) — американская легкоатлетка (спринтер), трехкратная олимпийская чемпионка. В возрасте четырех лет переболела полиомиелитом, из-за чего на время ее частично парализовало, а ступня деформировалась, что вызвало проблемы с ходьбой. — *Примеч. пер.*

34. Прозвище героя романа, буквально «народ».

рассказчик описывает десятикилометровый забег на чемпионате Европы и вспоминает о своей первой встрече с Бертом Бухнером, когда оба были военнопленными. Он вспоминает первые соревнования Берта, в которых тот представлял безвестный спортивный клуб рабочих, и то, как быстро он стал одним из лучших стайеров Европы. Он часто бежал так, «будто его жизнь зависела от этого», и именно так он пробежал те десять километров[35]. Этот забег символичен, и безымянный рассказчик хочет, чтобы его бывший друг и протеже проиграл его, чтобы понести наказание за бессердечность, самолюбие и предательство друзей. Несмотря на убежденность рассказчика — «На этот раз он не победит», у читателя остается двойственное впечатление[36]. Как можно не сопереживать ярко и прекрасно изображенному бегуну, старшему из восьмерки соперников, который бежит так, будто его жизнь зависит от этого? Но Ленц — непреклонный моралист. Берт падает за несколько метров до финишной ленты, ползет вперед и уже окончательно падает в изнеможении, загадочно улыбаясь. Как будто принимая неизбежное. Его уносят. «Куда они несут его? Куда?»[37].

Есть жуткое сходство между моральным и физическим падением Берта Бухнера и Айка Лоу, выходца из рабочего класса и бегуна на милю из романа Брайана Глэнвилла «Олимпиец» (1969). В нем речь также идет о Сэме Ди, фанатичном тренере Айка. «Сила — это не просто сила тела, — провозглашает он, — это сила ума. Сила воли берет

35. *Lenz S.* Brot und Spiele. Munich: Deutcher Taschenbuch Verlag, 1964. S. 19.
36. Ibid. S. 7.
37. Ibid. S. 173.

верх над слабостью тела... Чемпион — это человек, который натренировал тело и ум, который научился справляться с болью и использовать ее для своих целей»[38]. Сэм Ди, явно списанный с австралийского тренера Перси Черутти[39],— совершенный деспот и идеалист, требующий от Айка преодоления человеческих возможностей. Триумф ученика должен реабилитировать презираемого и отвергаемого за свои необычные теории учителя. Сюжет романа сложен, но провал, как и в случае Берта Бухнера, кажется неизбежным. На Олимпийских играх Айк преследует африканского бегуна, возглавляющего группу лидеров. Айк бежит «преодолевая болевой барьер», слышит подгоняющий его голос Сэма, но совершить невозможное не удается. Как и Берт, он падает. «Уже не бегу. Только падаю, падаю»[40].

Последний из наших бегунов — самый известный. Это Колин Смит, герой романа Алана Силлитоу «Одиночество бегуна на длинные дистанции» (1963) и одноименного фильма — обидчивый

---

38. *Глэнвилл Б.* Олимпиец. Физкультура и спорт, 1989.

39. Перси Черутти (1895–1975) — один из сильнейший тренеров по легкой атлетике в 1950–1960-е гг., известный своей эксцентричностью и суровыми методами подготовки спортсменов. Стремясь объединить достоинства стоической философии и спартанского духа, он создал их сплав, назвав его философией «Стотан». Она предполагала изнуряющие беговые тренировки на песке (пляжи, дюны) в сочетании с духовной жизнью (поэзия, философия) и суровой диетой.— *Примеч. пер.*

40. Там же. Кроме того, африканский бегун побеждает в романе Хью Аткинсона (The game. London: Cassell, 1967), но эта тематически близкая работа гораздо менее сильна с художественной точки зрения, чем книга Глэнвилла. В более раннем романе о футболе (The rise of Gerry Logan. NY: Delacorte, 1965) Глэнвилл изображает жестокого спортсмена, успешного как в спорте, так и в мире телевидения.

и злой молодой человек, чьего отца свела в могилу работа на фрезерном станке. Его семье осталась чуть более чем ничтожная страховка, которую вдова быстро потратила. Отчаяние толкает Колина на мелкое преступление, и он попадает в колонию для несовершеннолетних в Борстале. Там он открывает в себе искупающий талант — он умеет бегать. «Я всегда был хорошим бегуном, быстрым и с маховым шагом. Единственная проблема в том, что неважно как быстро я бегаю, это не помогло мне улизнуть от копов после той проделки в пекарне»[41]. Теперь, при полной энтузиазма поддержке начальника колонии, жаждущего поднять престиж своего заведения, он начинает тренироваться, бегать по окрестностям, ощущая до того неизвестное ему чувство свободы. Он пробегает дистанции за все меньшее время, и начальник колонии заговаривает о том, чтобы он представлял на соревнованиях Англию. И в этом состоит основная ирония. «Англия» — это поместившее его в тюрьму общество. Ему предложили присоединиться к врагу. Ближайшая цель начальника колонии — победа подопечного в соперничестве колонии с престижной школой, но Колин прекрасно понимает, что стоит на кону для него самого[42].

> Пучеглазый с круглым брюшком начальник тюрьмы сказал лупоглазому и пузатому члену парламента, сидевшему следом за его пучеглазой и бочкообразной женой, что я был его единственной надеждой на Борстальский кубок голубой ленты по кроссу на длинные дистанции. Это рассмешило меня, ведь я не сказал ни одному пузатому пучеглазому ублюдку ничего, что бы дало им настоящую надежду.

---

41. The loneliness of the long-distance runner. London: W. H. Allen, 1959. P. 7. В русском переводе: *Силлитоу А.* Одинокий бегун. Рассказы. М.: Молодая гвардия, 1963.
42. Ibid. P. 39.

(Сценарий фильма был улучшен по сравнению с самим романом, поскольку зритель удерживается в напряжении до последних моментов забега.) Символически Колин бежит против Борстальской тюрьмы, классовой структуры английского общества и несправедливостей, от которых он может страдать, но которые не в состоянии описать. Он бежит, приближается к финишной черте, слышит бурную поддержку всех, кто связан с тюрьмой, и останавливается[43].

> Я мог слышать лордов и леди с трибуны и мог видеть, как они вскакивали, чтобы гнать меня вперед: «Беги!» — кричали они своими высокомерными голосами. «Беги!». Но я был глух, безрассуден и слеп, и оставался на месте, рыдая как ребенок, рыдая от счастья, что, наконец, я победил их.

Он отказывается от победы, о которой просили его угнетатели, и переживает моральный триумф над теми, кто лишал его чего-либо, ранил и унижал. Это прекрасный роман и отличный фильм.

Стефан Фолькер, Берт Бухнер, Айк Лоу и Колин Смит — бегуны на длинные дистанции, стайеры, а не спринтеры. Их создателям понадобилось время, чтобы их творения страдали, сомневались, отчаивались, а иногда — проигрывали. Поэты создают стихи о драгоценных моментах спринта, прыжка или броска, но прозаикам, пишущим о спортивном индивидуализме, нужно протяженное действие, движение сквозь время. Им нужно и пространство, чтобы расширить момент, и время изучать одинокую борьбу с причиненной самому себе болью, которую едва ли можно вынести. Для этих европейских писателей и немногих аме-

---

43. Ibid. P. 52.

риканских вроде Патрисии Нелл Уоррен одинокий забег становится трагической метафорой самой жизни, «дороги, по которой бегут все бегуны». Современный спорт сильно отличается от примитивного, древнего и средневекового спорта, и мы проделали долгий путь из мира юношей апачи, бегущих от круга солнца к кругу луны, но в конечном счете и вопреки всей нашей исключительности есть лишь один забег, символами которого являются все остальные.

Заключение

Неомарксисты считают, что современный спорт — враг свободы. По своей сути — а не только когда им злоупотребляют или искажают — это воплощение чуждой человеку социальной организации. Огромные возможности человеческого духа сокрушаются и уплощаются до «дегуманизированной» схемы «одномерного» человека. Мы уже обсудили этот аргумент и пришли к выводу, что он преувеличен и, в лучшем случае, лишь частично верен. Несмотря на изъяны и ложные акценты современный спорт предполагает, что пространство если не абсолютной, то относительной свободы возможно. Свидетельства профессиональных спортсменов, новичков и чемпионов подтверждают результаты анализа таких философов, как Ханс Ленк, Мишель Буэ и Пол Вейс. В спорте мы находим радостное чувство целостности, самостоятельности и возможности, которого мы часто лишены в безотрадной рутине работы — судьбы большинства из нас.

Хотим ли мы теперь, рассмотрев сложную проблему соотношения командных и индивидуальных дисциплин, изменить наше оптимистичное заклю-

чение и предположить, что индивидуальные дисциплины — более эмансипирующие, чем командные, и что склонность американцев к последним демонстрирует черты конформизма и уступчивости в их характере? Рассудительность требует сомнения и дальнейшего рассуждения.

Должны ли мы сказать, что индивидуальные виды спорта демонстрируют самостоятельность спортсмена, тогда как командные — зависимость от других? Есть историческое свидетельство того, что однажды многие американцы предположили, что командный спорт — полезный способ избежать крайностей индивидуализма. В своем обращении к гарвардскому сообществу Фи Бета Гамма в 1893 году Фрэнсис А. Уокер[44] восхвалял спорт за то, что он воспитывает гражданский дух и противостоит «эгоистическим и индивидуалистическим тенденциям эпохи»[45]. Десятилетие спустя Гертруда Дадли и Фрэнсис Келлор, заметные деятели физического воспитания, опубликовали работу «Спортивные игры в образовании женщин». Обеспокоенные преобладанием «эгоистичного индивидуализма» среди женщин, они настаивали на необходимости развития духа сотрудничества, особенно среди школьниц, которые ужасно медленно усваивали, что «социальная этика, в сущности, является результатом командной работы». Несговорчивая девочка, отказывавшаяся от игр, останется «ин-

---

44. Фрэнсис Амаса Уокер (1840–1897) — американский экономист и статистик, профессор Йельского университета и Массачусетского технологического института, первый президент Американской статистической ассоциации и президент Американской статистической ассоциации. Возглавлял Статистическое бюро США. — *Примеч. пер.*

45. Цит. по: *Frederickson G. M.* The inner civil war. NY: Harper & Row, 1965. P. 223–224.

дивидуалисткой в делах и потом»,— авторы решительно выступали против такого пути[46]. В 1919 году Уолтер Кэмп[47], прославленный йельский «отец американского футбола», заявил, что спорт «учит командной работе, противостоя индивидуализму и эгоистичным умыслам»[48]. Протест против индивидуализма и подчеркивание слова «эгоистичный» сегодня звучат странно, но, возможно, тогда подход к спорту был более реалистичен, чем нынешнее представление о том, что командный спорт развивает уверенность в своих силах и самостоятельность.

Невозможно не сделать вывод, что предпочтение командных видов спорта говорит о склонности к сотрудничеству, а не к самостоятельности, символизируемой бегуном на длинные дистанции. Но мы сильно ошибемся, если допустим, что сотрудничество всегда враг индивидуализма. Быть может, наше представление об индивидуализме было ошибочным, слишком ограниченным. Возможно, выбор не между индивидуализмом и конформизмом, а между двумя концепциями предпосылок индивидуализма — концепциями, которые, в свою очередь, связаны с двумя концепциями свободы, которые современные философы иногда называют «свобода от» и «свобода для».

---

46. Athletic games in the education of women. NY: Holt, 1909. P. 9, 15–16, 37. См. также: *Kellor F.A.* Ethical value of sports for women//American Physical Education Review. 1906. No. XI. P. 70.
47. Уолтер Кэмп (1859–1925) — американский футболист, тренер (в Йеле и Стэнфорде) и спортивный писатель. Один из создателей современного американского футбола, изобрел линию розыгрыша мяча и систему даунов (попыток), по сути, превратив регби в американский футбол.— *Примеч. пер.*
48. Athletes all. NY: Scribner's, 1919. P. 277.

Одно течение либеральной традиции всегда подчеркивало индивидуализм, который процветал при негативной свободе, когда человек не ограничен рамками и оковами институционального порядка. Генри Дэвид Торо решает полагаться на свои силы и заявить о своей полной независимости от общества. Гекельберри Финн отправляется «в земли», где он будет свободен от тетушки Полли и ее попыток «цивилизовать» его. Другая сторона либеральной традиции — течение, превратившееся в демократический социализм — подчеркивала индивидуализм, вырастающий из позитивной свободы, когда человек свободно выбирает между альтернативами и действует по своему усмотрению. Это противоположность спартанскому отказу от желаний, примером которого является жизнь Уолдена Понда. В этой концепции свободы переход от традиционной к современным формам социальной организации представляет собой чистую прибыль, возрастающую возможность для каждого максимизировать свой человеческий потенциал. В условиях современной демократии общество освобождает, поскольку человек в обществе свободен делать то, что никто и никогда не делал в одиночку. К примеру, мы можем отправиться к Луне и вернуться обратно.

Но возможность такого путешествия ограничена, здесь есть загвоздка. Сложность в том, что полное осуществление второй версии свободы и предполагаемый ею кооперативный индивидуализм зачастую возможны только ценой отказа от первой версии свободы. Сотрудничество расширяет выбор и возможности действия, но также налагает обязательства и сокращает стихийную свободу, символизируемую Натти Бампо, уединенно живущим на лоне природы. Мы словно бы вовлечены в моральный

спор между двумя концепциями свободы. Давайте признаем, что бывают ситуации, когда ущерб отказа от «свободы от» больше, чем выгода от «свободы для». Сотрудничество может вырождаться в ограничивающий конформизм и подчинение. И в самом деле, есть целые общества, в которых индивидуальные свободы были принесены в жертву на алтаре государства. Но слишком легко потерять веру, романтизировать прошлое, преувеличить нынешние пороки либеральной или социальной демократии и забыть необычайное расширение свободы, произошедшее за последние два века. Мы иногда склонны принимать выгоды «свободы для», как если бы они были чем-то само собой разумеющимся или даже чем-то «естественным», и в то же время возмущаться каждому урезанию «свободы от», как если бы из нас делали рабов. Мы входим в терминал аэропорта и покупаем билет в Токио или Найроби; мы жалуемся, что должны стоять в очереди на регистрацию и оформление багажа.

Этот компромисс между двумя концепциями свободы хорошо прослеживается в спорте, как и в любом другом современном институте. Те чудесные греки-индивидуалисты, чьи спортивные праздники полностью исключали командный спорт, были теми же буйными и задиристыми греками, которые истощили себя бессмысленными войнами и потеряли свою независимость, подчинившись сначала македонцам, а затем римлянам. Современный спорт, даже современные Олимпийские игры, отличаются от древнегреческих игр. Подобно полетам на Луну или в Токио они предполагают очень высокий уровень сотрудничества. Они требуют от нас уступить часть «свободы от», чистым проявлением которой является игра. На самом деле это и был главный тезис всей этой книги: *современный* спорт предпо-

лагает гораздо большее сотрудничество, чем спорт, каким мы определили его в рамках подготовительной парадигмы. В день забега, за месяцы до того назначенный спортивными чиновниками, бегуны напряженно ждут в электронных стартовых колодках, каждый — на отведенной ему дорожке (и каждый — с прикрепленным к майке номером). Они сделают рывок вперед не по *своему* усмотрению, а когда старт будет дан официально выстрелом из стартового пистолета.

Слова вроде «потеря», «выгода» и «компромисс» заимствованы из словаря экономистов, которые в силу профессии беспокоятся о том, чтобы мы не обманывали себя приятными мыслями о получении чего-либо ни за что. Но, возможно, секрет современного спорта и залог его почти повсеместной популярности в том и состоят, что мы получаем намного больше того, что теряем. В современном спорте, как и в изобразительном искусстве или теоретических науках, результат самого интенсивного сотрудничества часто оказывается и принимается как личное достижение. Чем он, конечно, и является, но не в смысле, защищаемом Генри Дэвидом Торо. Это одна из счастливых ироний современного спорта, и заключается она в том, что мы можем потеряться в игре и забыть о созидательном и обусловливающем (и ограничивающем) социальном порядке и культурных допущениях, которые были в центре внимания в этой книге[49].

---

49. Об эмансипирующем потенциале спорта особенно убедительно пишет Оммо Груп, см.: *Grupe O.* Bewegung und Sport — Möglichkeit der Erfahrung und Sellbstverwurklichung? // Der Mensch im Sport / Hecker, Kirsch A., Menze C. (ed.). Schorndorf: Karl Hofmann, 1976. S. 16–29.

Здесь полезны примеры. *Сальто* Нади Команечи[50] стало возможным благодаря двум тренерам, хореографу, терапевту, звукорежиссеру и массажисту, не говоря уже о целой цивилизации, которая изобрела гимнастику как спортивный вид и организовала международное событие Олимпийских игр. Но выступает она одна. «Нью-Йорк Янкиз» были символом чемпионства в бейсболе, и мы прекрасно знаем, сколько совместных усилий им понадобилось, чтобы выиграть Мировую серию 1932 года. Но память выделяет неуклюжую фигуру Бейба Рута, указывающего (возможно) на флаг в центре поля, куда он подаст, и в итоге *подал* свою незабываемую подачу.

Что верно в этих случаях, верно и для всех нас с нашими менее зрелищными занятиями спортом и не такими значимыми спортивными достижениями. Я бегу на другой край теннисного корта и отбиваю мяч совершенным, как мне кажется в порыве энтузиазма, ударом, правильным ударом, ударом, соответствующим всем требованиям тенниса. Я подчинился правилам игры, и, парадоксальным образом, меня переполняет восторженное чувство свободы.

В заключение уместно одно замечание. Мы попытались точно и систематически различить категории игры, забавы, состязания и спорта, но не следует путать статичную точность рационального различения с пестротой обыденного опыта. Спонтанная игра любителей парадигматически отли-

---

50. Надя Команечи (р. 1961) — румынская гимнастка, пятикратная олимпийская чемпионка и многократная чемпионка Европы и мира. Первая гимнастка, получившая за выступление высшую оценка «10,0» на международных соревнованиях. — *Примеч. пер.*

чается от современного спорта, но предпочтение одного не означает исключение другого из нашей жизни. Когда мы устаем от современного спорта, когда сотрудничество скатывается в подчинение и конформность, у нас всегда есть альтернатива. Когда мы сыты по горло правилами и требованиями, когда мы устаем — как сборщик яблок Роберт Фрост — от того, чего сами желали, мы всегда можем отложить секундомер, покинуть беговую дорожку, скинуть шиповки и бежать, как бегал Роджер Баннистер[51] — босиком, по плотному сухому песку вдоль кромки моря.

---

51. Роджер Баннистер (р. 1929) — английский легкоатлет, врач-невролог, чемпион Европы (1500 метров). Первым в истории пробежал милю менее чем за 4 минуты. Победитель самого известного в истории спорта забега на милю, «Мили столетия», в котором он установил мировой рекорд. — *Примеч. пер.*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«От ритуала к рекорду» Ретроспективная критика

I

Книга «От ритуала к рекорду», которую я написал в начале 1977 года, содержит в себе два взаимосвязанных исследования. Первые три главы посвящены созданию парадигмы, в рамках которой можно было бы осмыслить — возможно, даже объяснить — уникальность современного спорта. Последние три главы — это попытка определить некоторые из наиболее заметных различий между американским и европейским спортом.

Почему я совместил эти темы в одной книге? Вот как это вышло: весной 1969 года, в середине своего академического отпуска в Германии, я побывал на футбольном матче на знаменитом берлинском Olympiastadion и впоследствии удивлялся (наив-

---

Первая версия этой статьи была напечатана в: Sport History Review. 2001. № 32(2). P. 2–11. Она сопровождалась четырьмя эссе с критикой «От ритуала к рекорду» с четырех разных точек зрения: *Howell C. D.* Of Remembering and forgetting: From Ritual to Record and Beyond (P. 12–18); *Booth D.* From Ritual to Record: Allen Guttmann's Insights Into Modernization and Modernity (P. 19–27); *Brownell S.* The Problems with Ritual and Modernization Theory, and Why We Need Marx: A Commentary on From Ritual to Record (P. 28–41) и *Lippe G. von der.* Sportification Processes: Whose Logic? Whose Rationality? (P. 42–55). В том же номере *Sport History Review* был опубликован Laconic Response (P. 56–57), мой ответ на эту критику.

но), почему европейцы так обожают игру, которая тогда была относительно неизвестна в США. Спустя три года, освободившись от ученых дел, я решил изучить различия между американским и европейским спортом. Я был заинтригован мыслью, что спортивные предпочтения могут коррелировать с типами личности. Спорт мог бы быть ключом к национальному характеру (в те далекие дни историки все еще обсуждали национальный характер).

Спустя год изучения американских источников, в течение которого мне очень помог Джон Лой, я вернулся в Германию, взяв еще один академический отпуск (по программе Фулбрайта для исследователей, 1973–1974), и погрузился в европейские источники по истории и социологии спорта. Чем больше я читал французские и немецкие работы, некоторые из которых весьма впечатляли, тем больше я убеждался, что историческое различие между традиционным и современным спортом гораздо важнее, чем современное различие между американским и европейским спортом. Иными словами, разница между *сейчас* и *тогда* гораздо важнее, чем разница между *здесь* и *там*.

К тому времени, когда я сел писать эту книгу, меня интересовала первая противоположность (*сейчас* и *тогда*), но я не хотел забрасывать и исследование второй (*здесь* и *там*). Это объясняет, почему книга о природе современного спорта включает главы о бейсболе, американском футболе и склонности американцев предпочитать командные виды спорта индивидуальным.

Оглядываясь назад спустя двадцать семь лет, я все еще убежден, что бейсбол и американский футбол, сочетающие в себе современные и досовременные (premodern) черты, способны что-то сказать нам об американской культуре. Я не вижу при-

чин отказываться от моей интерпретации этих двух спортивных дисциплин. Сомнения, впрочем, вызывает то, что я некритически использовал литературу как источник доказательств для этой интерпретации. Джек Берримен в своей пренебрежительной рецензии на мою книгу, опубликованной в *American Historical Review*, сильно возражал против, его словами, «фиктивных литературных персонажей»[1].

Надеюсь, после недавнего «лингвистического поворота» в исследованиях спорта обращение к литературе уже не является проблемой, и мой анализ текстов Марка Харриса, Роберта Кувера и других романистов больше не смущает читателей, жаждущих «фактов»[2]. Должен признать, однако, что Сьюзен Биррел была права по поводу главы о командных и индивидуальных дисциплинах спорта. В рецензии для ICSS Bulletin она отметила, что у главы есть методологические недостатки[3]. Я прочитал множество работ психологов, пытавшихся соотнести спортивные предпочтения с типами личности, и пришел к выводу, что десятилетия этих попыток закончились провалом. Самое большее, что можно сказать, опираясь на безнадежно противоречивые выводы этих психологов — что люди, предпочитающие командный спорт, имеют более низкую оценку по шкалам самостоятельности, нежели те, кто предпочитают индивидуальный спорт.

---

1. *Berryman J.* Review of «From Ritual to Record» //American Historical Review. April 1979. № 84. P. 429. Берримен сделал вывод, что если не принимать во внимание это опрометчивое использование литературных источников, то в книге нет ничего нового для исследований спорта.
2. Недавний выпуск *Sociology of Sport Journal* посвящен автобиографии и художественной литературе; см.: Sociology of Sport Journal. 2000. № 17(1).
3. *Birrell S.* Review of «From Ritual to Record» // ICSS Bulletin. November 1978. P. 8–9.

Надо же! Однако, несмотря на свое разочарование, я принял к сведению эти скромные результаты и занялся изучением паттернов участия в командных и индивидуальных дисциплинах в Европе и США. К сожалению, доступные исследования были проведены в разное время и не давали сопоставимых выборок. Поэтому моя классификация была отчасти произвольной. (Я классифицировал гимнастику как индивидуальную дисциплину, которой она является на элитном уровне, но не на рекреационном.) Пытаясь подкрепить свой шаткий аргумент свидетельствами из литературы, я заметил, что европейские романисты чаще писали об индивидуальных дисциплинах, в то время как американские — о командных. Я пришел к предположению, что мы, американцы, обманываемся, когда думаем, что более склонны к индивидуализму, чем европейцы. Я все еще считаю, что мы обманываем себя, когда гордимся «американским индивидуализмом», но шестая глава это не подтверждает. К счастью для меня, о книге «От ритуала к рекорду» судили в основном по первым трем, а не последним трем главам.

II

Перейдем к делу. В первых трех главах я сделал то, что *больше всего* хотел сделать в 1977 году. Я разработал парадигму, которая должна была прояснить формально-структурные характеристики современных видов спорта, и предположил, как эти характеристики проявлялись или не проявлялись в спорте в более ранние времена. Для этого мне нужно было дать рабочее определение спорта. Отбросив неявно витгенштейнианский аргумент о невозможности такого определения, я продолжил поиск и провел ряд

эвристических различий. Я рассматривал спорт как подкатегорию состязаний, которые являлись подкатегорией забав, а те — подкатегорией игры. Я изобразил эту классификацию в виде перевернутой древовидной схемы. Она привела меня к определению спорта с помощью веберианских идеальных типов — как неутилитарные физические состязания[4]. Я был рад тому, что многие ученые приняли это определение как рабочее. И я сожалею, что немногие обратили внимание на мое настоятельное указание, что есть как несостязательные, так и состязательные виды забав. Я думал и все еще думаю, что этот факт был важен и он был оставлен без внимания Брайаном Саттон-Смитом и другими антропологами, которые ошибочно утверждали что у некоторых культур нет забав. То, что Саттон-Смит считал все забавы состязаниями, больше говорит о нашей культуре, чем о тех культурах, которые он изучал.

Хотя я все равно считаю свои определения полезными, феминистически ориентированные ученые уделили изрядное внимание моему неявному допущению, что прототипическими «неутилитарными физическими состязаниями» почти сплошь являются *мужские* виды спорта, то есть спортивные дисциплины, которыми занимались преимущественно мужчины. Я не рассматривал, к примеру, соревнования по квилтингу или собрания женщин для шитья как спортивные события. Этот упрек наиболее убедительно для меня сформулирован Джоделлой Даесон в эссе о спортивных занятиях в Техасе начала XIX века[5].

---

4. *Вебер М.* Хозяйство и общество / пер. с нем. под науч. ред. Л. Г. Ионина. М.: Изд-во ГУ–ВШЭ, 2010.
5. *Dyreson J. K.* Sporting Activities in the American-Mexican Colonies of Texas, 1821–1855 // Journal of Sport History. Fall 1997. No. 24 (5). P. 269–84; см. Также: *Borish L. J.* A Fair, Without

Во второй главе я постарался очертить *сущность* современного спорта с помощью своего удобного, но, к сожалению, патриархального набора определений. Задолго до того, как я решился на исследование спортивной истории, я познакомился с некоторыми из классических работ по теории модернизации — например, «Смерть традиционного общества» Дэниэла Лернера и «Модернизация» Ричарда Брауна[6]. Я *не* ориентировался на такие работы, когда писал «От ритуала к рекорду», и понятия «модернизация» в книге нет. Но этот ярлык справедлив, и я принял его, поскольку был тогда и остаюсь сейчас убежден, что есть большая разница между досовременным и современным мирами. Великие социальные теоретики XIX и XX веков — Карл Маркс, Фердинанд Тённис, Эмиль Дюркгейм, Макс Вебер, Толкотт Парсонс, Норберт Элиас, все они признавали фундаментальное различие между «тогда» и «сейчас». Конечно, их понимание и оценки современности различались, но они были согласны в том, что современность радикально отличается от чего бы то ни было до нее. Если между идеальными типами традиционного и современного спорта есть большая разница, то переход от одного к другому вполне оправданно назвать примером модернизации[7]. История социологии XIX и нача-

---

the Fair, is No Fair at All // Journal of Sport History. Summer 1997. No. 24(2). P. 155–176.

6. *Lerner D.* The Passing of Traditional Society. Glencoe, IL.: Free Press, 1958; *Brown R. D.* Modernization. New York: Hill and Wang, 1976.

7. Благодаря чтению Эрика Хобсбаума и Теренса Рейнджера я хорошо усвоил, что понятие «традиция» весьма проблематично; см.: *Hobsbawm E., Ranger T.* The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. Некоторые из моих критиков отмечали, что ряд традиционных

ла XX века — это во многом история последовательных попыток описать и объяснить социокультурные различия между обществами, удаленными друг от друга в пространстве и времени. Контраст между средневековым правлением «божиею милостью» и современной легитимацией через обращение к суверенитету народа, как и контраст между священными иерархиями дописьменных народов и бюрократическими организациями современного общества, слишком разителен, чтобы пренебрегать им. Для анализа этих различий использовались разные понятия. Маркс писал о феодализме и капитализме, Тённис — об общине и обществе, Дюркгейм — о механической и органической солидарности, Вебер — о традиционном и современном обществах, Парсонс — о партикуляристских и универсалистских формах социальной организации, Элиас — о переходе от «нецивилизованного» к «цивилизованному» поведению. Их попытки — «великие нарративы» — были, конечно, лишь наиболее известными концептуализациями (и они были, очевидно, гораздо более тонкими и сложными, чем эти скупые фразы). Ни одну из этих попыток я не принимаю за истину, но не согласен и с постмодернистами, утверждавшими, что «большая теория» равносильна заблуждению. К сожалению, теории модернизации впали в немилость. Рас-

---

видов спорта практикуется и сейчас. Я никогда и не сомневался в этом — не больше чем в том, что фундаменталистский монотеизм выжил в наше якобы секулярное время. Другие критики писали, что есть много разных видов традиционного спорта. Конечно, есть. На самом деле, это был один из моих тезисов: «Преданные традиционным видам спорта ценят их за уникальность. Игроки в японский кемари не хотят, чтобы их игра стала похожей на футбол или любую другую «игру в мяч ногами»».

суждая о «написании истории спорта во времена постмодернизма», Колин Хауэлл утверждает, что теории модернизации «широко дискредитированы»[8]. Несмотря на то, что немногие из критикующих эти теории утруждают себя указанием оснований своей критики, я попробую резюмировать ее[9]. Их критика часто опирается на якобы упрощенческие допущения теории модернизации о неизбежности, повсеместности и желанности модернизации. Особенно критичен по отношению к ним был Мишель Фуко во многих своих влиятельных исследованиях исторических разрывов. Поскольку я все еще верю в модернизацию как полезный эвристический инструмент, я хотел бы прояснить этот вопрос и сделать ряд предостережений.

Хотя мне все еще сложно представить себе более полезный подход к фундаментальной трансформации, признаваемой всеми историками, у теории модернизации есть бесспорные недостатки. Очевидно, что она слишком абстрактна, чтобы объяснять каждую деталь широкой исторической панорамы. Ее легко неверно понять, решив, что согласно этой теории наблюдавшиеся перемены происходили как часть некоего единого и неизбежного процесса, который с необходимостью и по предопределенному графику должен единообразно изменять все аспекты каждого общества. Но самое

---

8. *Howell C. D.* On Metcalfe, Marx, and Materialism // Sport History Review. May 1988. № 29(1). P. 100; см. также: *Howell C. D., Fletcher C.* Modernization Theory and the Traditional Sporting Practices of Native People of Eastern Canada // Journal of Comparative Physical Education and Sport. 1997. № 10 (2). P. 79–84.

9. Более подробный ответ на эту критику, с которым я полностью согласен, см.: *Adelman M. L.* Modernization Theory and Its Critics // Encyclopedia of American Social History / Cayton M. K., Gorn E. J., Williams P. W. (eds.). New York: Scribner's, 1995. P. 547–558.

главное состоит в том, что теорией модернизации можно злоупотребить и превратить в удобный инструмент этического суждения — как если бы современный путь развития обладал не только технологическим, но и *моральным* преимуществом перед традиционными порядками. Ричард Браун мудро предостерегал против такого высокомерного предположения:

> В «модернизации» слышится сходство со старой идеей прогресса как главного процесса западного общества... Но... идея модернизации не предполагает неизбежность или даже необходимость технического развития, сложности и специализации, а рациональность необязательно порождает лучшее, более справедливое, гуманное или приемлемое общество[10].

Если такие уточнения и предостережения кажутся неадекватным ответом на критику теории модернизации как точки зрения, то можно поменяться ролями и в ответ спросить у критиков: есть ли *более подходящий* способ для концептуализации различий между прошлым и настоящим? Есть ли для области спорта *лучший, чем* теория модернизации, способ понять разницу между средневековыми общедоступными состязаниями, известными как «народный футбол», и транслируемым по всему миру чемпионатом мира по футболу? Как когда-то давно заметил Петер Стернс, обсуждая историографические достоинства и недостатки понятия «модернизации», «по отношению к этому подходу проявляется гораздо больше чувства неудовлетворенности, чем высказывается последовательных комментариев или предложений альтернативы»[11]. Вкратце, не-

---

10. *Brown R. D.* Modernization. New York: Hill and Wang, 1976. P. 19.
11. *Stearns P.* Modernization and Social History // Journal of Social History. Winter 1980. № 14(2). P. 189.

смотря на очевидный риск неверного понимания или искажения понятия модернизации, я все еще считаю, что оно полезнее, чем постмодернизм, который сегодня пользуется популярностью в социальных науках. Несовершенное и, следует признать, избирательное объяснение исторических фактов предпочтительнее изумленного открытия, что абсолютной истины нет.

III

Сохранение теорией модернизации жизнеспособности не освобождает от критики то, как я ее применяю. Некоторые критики обвинили меня в ошибочном понимании и оценке марксистского и неомарксистского вклада в исследования спорта. У них есть на то основания. Я проводил исследование для своей книги в 1972–1977 годах и в основном читал восточноевропейских марксистов. Это был один из наиболее напряженных периодов холодной войны. Восточногерманские, польские и советские историки и социологи спорта писали целые полки книг и статей, которые казались мне — и кажутся сейчас — почти детскими в своем редукционизме. По их мнению, весь спорт — функция средств производства. Спорт в обществе капитализма — нечто националистическое и милитаристское, связанное с эксплуатацией. Спорт под эгидой коммунистической партии — это спорт под эгидой интернационализма, пацифизма и гуманизма.

Если в 1977 году мне не удалось верно оценить марксистский вклад, то есть материалистическую интерпретацию современного спорта, то одна из причин состоит в том, что самые утонченные примеры материалистического анализа спорта то-

гда еще не были созданы. Книга Ричарда Грюно «Класс, спорт и социальное развитие» была опубликована в 1983 году, «Спорт, власть и культура» Джона Харгривза — в 1986-м[12]. Когда эти и схожие с ними исследования были опубликованы, я принял их всерьез и постарался скорректировать свое относительно пренебрежительное отношение к материальным факторам в «От ритуала к рекорду». Возможно, мое обращение к Антонио Грамши и «Играх и империях» было не вполне удачным, однако, по крайней мере, это была попытка сделать с понятием социального класса нечто большее, чем то, что было в «От ритуала к рекорду». Впрочем, я все же настаиваю на том, что моя книга никогда и не должна была стать книгой о социальных классах и экономической власти. Это была книга преимущественно о формально-структурных характеристиках досовременного и современного спорта. Двадцать семь лет спустя мне все еще кажется, что марксизм способен многое сказать о социальном классе и экономической власти, но мало — об этих формально-структурных характеристиках.

Затем были неомарксисты. В конце 1960 — начале 1970 годов группа французских и западногерманских интеллектуалов объединила Маркса и Фрейда, чтобы осудить весь современный спорт, восточный и западный. Они утверждали, что спорт в своих формально-структурных характеристиках идентичен работе. Согласно яркому выражению Ульрики Прокоп, «спорт — это искаженная капитализмом игра»[13]. Эта

---

12. *Gruneau R.* Class, Sports, and Social Development. Amherst: University of Massachusetts Press, 1985; *Hargreaves J.* Sport, Power, and Culture. Oxford: Polity Press, 1986.

13. *Prokop U.* Soziologie der Olympischen Spiele. Munich: Hanser Verlag, 1971. P. 21.

критика (гораздо более сложная, чем редукционистские анализы ортодоксальных восточноевропейских марксистов) показалась мне тогда и кажется сейчас преувеличенной вплоть до самопародирования. Однако теперь, спустя годы, я понимаю, что мне следовало проявить большую терпеливость по отношению к их гиперболической критике. Некоторые из критических стрел, пущенных ими в сторону современного спорта, попали в цель. К примеру, «Спорт и труд» (1969) Беро Ригауэра предвосхитила и до какой-то степени стимулировала идеи глубокой книги Джона Хобеннана «Смертные машины» (1992)[14]. (Кстати, должен обратить внимание Алана Ингэма и других коллег, обвинявших меня в «личной антипатии к марксизму»[15], что я перевел книгу Ригауэра на английский и организовал ее публикацию издательством Колумбийского университета.[16])

Несмотря на то, что книга «От ритуала к рекорду» в основном дескриптивна, я все же немного затронул проблему генезиса. Отказавшись от довольно неправдоподобного марксистского тезиса, что современный спорт — это продукт индустриального капитализма, я предложил объяснение, которое можно было бы назвать идеалистическим. (Когда мои критики *по-настоящему* выходят из себя, они называют меня идеалистом.) Самая сжатая формулировка моей позиции уместилась в два предложения:

> Возникновение современного спорта связано не с триумфом капитализма или подъемом протестантизма,

---

14. *Rigauer B.* Sport und Arbeit. Frankfurt: Suhrkamp, 1969; *Hoberman J.* Mortal Engines. New York: Free Press, 1992.
15. *Ingham A.* review of Games and Empires // Sociology of Sport Journal. 1997. № 14. P. 305.
16. *Rigauer B.* Sport and Work/Guttmann A. (trans.) New York: Columbia University Press, 1981.

> а с медленным развитием эмпирического, экспериментального, математического *мировоззрения* (Weltanschauung). Своей ведущей ролью в ранний период становления спорта Великобритания обязана не столько протестантской этике и духу капитализма, сколько интеллектуальной революции, связанной с Исааком Ньютоном, Джоном Локком и институционализированной в Королевском научном обществе[17].

Сразу после этого предложения в своей книге я признаю влияние философа Ханса Ленка и историка Хеннинга Эйхберга, которые сделали схожие предположения об истоках современного спорта. Хотя первую книгу и эссе Эйхберга я открыл для себя ближе к концу работы над исследованием, это было важное открытие[18]. (Тем, кого останавливает социологический немецкий язык, я рекомендую «Культуры тела», собрание поздних эссе Эйхберга, в котором есть превосходные анализы Эйхберга, выполненные Джоном Бейлом и Сьюзан Броунел[19].) Добавлю также (в ответ тем, кто обвинял меня в недостаточном признании идей Эйхберга), что его великая книга «Достижение. Напряжение. Скорость» (1978) была опубликована вскоре *после* публикации «От ритуала к рекорду»[20].

---

17. *Guttmann A.* From Ritual to Record. New York: Columbia University Press, 1978. P. 85.
18. Позднее вместе с Эйхбергом и Ричардом Манделлом мы были «Тремя Плохими Парнями» в книге критических эссе: Ritual and Record/Krüger A., Carter J. M. (eds.). Westport Conn.: Greenwood Press, 1990.
19. Оба эссе были опубликованы в: Body Cultures: Essays on Sport, Space & Identity by Henning Eichberg/Bale J., Phil C. (eds.). London: Routledge, 1998.
20. *Eichberg H.* Leistung, Spannung, Geschwindigkeit. Stuttgart; Klett-Cotta, 1978.

IV

Но достаточно теории. Мои тезисы пытались опровергнуть и с помощью контрпримеров. Критики решили, что мой аргумент об уникальности современного количественного спортивного рекорда можно опровергнуть, если найти примеры подсчета и спортивных рекордов в досовременных обществах. Охота на эти контрпримеры была весьма оживленной, и охотники сообщали об успехе. Взглянем на их добычу. Вольфганг Декер в своем исследовании древнеегипетского спорта доказал, что фараоны восемнадцатой династии устанавливали рекорды в стрельбе из лука, когда каждый из них заявлял, что своими стрелами прострелил более толстую, чем его предшественник, металлическую цель[21]. Кажется, будто у египтян была некая концепция количественного спортивного рекорда, но в аргументе Декера есть, по меньшей мере, две проблемы. Во-первых, такая стрельба из луков явно была уникальным феноменом. Во-вторых, маловероятно, что фараоны делали то, что приписывали им их писцы. Когда мы читаем на стеле, что Тутмос III натягивал лук и выпускал стрелы, которые убивали сто двадцать быков и семь львов «в одно мгновение», мы вправе заподозрить в этом, по меньшей мере, преувеличение[22]. Возможно, подвиги фараонов следует понимать как пропаганду, а не как часть истории спорта.

---

21. *Decker W.* Sport und Spiel im Alten Aegypten. Munich: C. H. Beck, 1987. P. 65–67.
22. *Decker W.* Quellentexle zu Sport und Korperkultur im Alien Aegypten. Sankt Augustin: Hans Richarz, 1975. S. 50.

Дэвид Янг убедительно показал, что греков мотивировало что-то вроде идеи количественного спортивного рекорда: каждый атлет старался превзойти соперников и стать первым, победившим в серии состязаний[23]. Например, Пантаклес из Афин хвастался тем, что стал первым, кто выиграл бег на один стадий[24] на двух Олимпийских играх подряд. Работа Янга убедительна, но ему едва ли нужно было убеждать меня в том, что греки думали так, как думали. Я уже признал это в своей книге: «Профессиональные атлеты часто хвастались, сколько раз они оказывались первыми, на скольких празднествах сколько раз побеждали и до каких пределов земли разнеслась слава о них. Конечно, от такого простого типа фиксации результатов был долгий путь к современным многостраничным статистическим выкладкам, на основании которых пишутся биографии спортсменов, но важно, что первый шаг был сделан»[25]. Утомляет, когда вас упрекают в том, что вы не сделали то, что на самом деле уже сделали.

Мой ответ Дитриху Рамбе аналогичен ответу Янгу. Вдобавок к легендарным числам сомнительной историографии[26] Рамба приводит в пример количественные достижения древнеримских колесничих вроде Гая Аппулея Диокла, чтобы опровергнуть мое утверждение, что античный спорт ни-

---

23. *Young D. C.* First with the Most // Nikephoros. 1996. № 10. P. 1–19.
24. Или стадион. Наиболее престижное и древнее состязание Олимпийских игр (а с 776 по 724 гг. до н. э. единственное состязание). По легенде дистанция была введена Гераклом, основавшим Игры, и равнялась 600 стопам (по разным оценкам 176 метров или 192,28 метра). — *Примеч. пер.*
25. From Ritual to Record 50.
26. Например, прыжок Файлоса из Кротона на 55 ступней (16,76 метра).

когда не был связан с подсчетом[27]. Проблема в том, что я никогда не делал заявлений, которые опровергает Рамба. Я не только признал, что в гонках колесниц велся подсчет. Первым же приведенным мной примером этого подсчета был не кто иной, как Гай Аппулей Диокл.

Если эссе Рамбы вслед за другими разочаровало меня, то единственной работой, вызвавшей восхищение, была работа Йохима Руля, которая опровергала мои утверждения об отсутствии подсчета в средневековых турнирах[28]. Руль зарылся в архивы и обнаружил чеки турниров, на которых геральды хранили результаты. Благодаря его кропотливой работе, историки Средневековья теперь осведомлены о реалиях турнира гораздо лучше, чем я в 1977 году.

Обесценивается ли мое исследование ввиду обнаружения в античности или Средних веках одной (или нескольких) из характеристик современного спорта? Если да, то я был поразительно невнимателен, когда заключил свое рассуждение в табличную форму. Таблица в конце второй главы наглядно показывает, что греческий спорт демонстрировал (по меньшей мере, эпизодически) 5 из 7 характеристик, а римский — 6 из 7. Однако на той же странице я отмечаю, что эпизодического появления недостаточно. Характеристики современного спорта действуют систематически. Другими словами, они являются частью широкого, если не универсально-

---

27. *Ramba D.* Recordomania in Sports in Ancient Greece and Rome // Ritual and Record. / Krüger A., Carter J. M. Westport. Conn.: Greenwood Press, 1990. P. 54.

28. *Rühl J. K.* Measurement of Individual Sport-Performance in Jousting Combats // Actas del Congreso International ISHFES / Renson R., Aja T. G., Lämmer M., Park R. (eds.). Madrid: Institntuo Nacional cle Educación Fiscica de Madrid, 1995. P. 226–257.

го, *мировоззрения* (Weltanschauung). Одна ласточка весны не делает, и пяти фараонов недостаточно, чтобы предвосхитить мир современного спорта. Я сожалею, что не подчеркнул это выразительнее.

Я также сожалею, что в своей книге не коснулся спорта в эпоху Возрождения. В том, что это ошибка, меня убедили работы Джона Макклелланда, особенно его статьи из сборников «Рождение современного спорта в эпоху Возрождения» и «Ритуал и рекорд»[29]. Хотя я не согласен с его аргументом, что ренессансный спорт имел количественный аспект и что в нем можно разглядеть симптомы борьбы за рекорды, с моей стороны было ошибкой перейти от Средних веков сразу к раннему Новому времени. Если бы «Достижение. Напряжение. Скорость» Хеннинга Эйхберга вышла не в 1978, а в 1976 году, я бы, возможно, не пренебрег анализом поединков и фехтовальщиков эпохи Возрождения. Например, я мог бы написать тогда (позднее я сделал это в своих книгах «Зрители спорта» и «Эротика в спорте») об эстетизации рыцарских боев и геометризации пространства фехтования[30]. Если бы я сделал это, если бы включил в свою книгу 1977 года обсуждение Возрождения, то мне, быть может, удалось бы избежать неудачной и непред-

---

29. *McClelland J.* Einleitung // Die Anfänge des modernen Sports in der Renaissance / Kruger A., McClelland J. (eds.). London: Arena Publishers, 1984. P. 9–18; *McClelland J.* The Numbers of Reason: Luck, Logic, and Art in Renaissance Conceptions of Sport // Ritual and Record / Krüger A., l Carter J. M. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1990. P. 55–64.

30. Одна из наиболее важных статей Эйхберга уже могла быть тогда в печати, но я еще не познакомился с ним, когда начал писать книгу в январе 1977 года: *Eichberg H.* Geometric als Barocke Verhaltensform // Zeitschrift für Historische Forschung. 1977. № 4. S. 17–50.

намеренной схожести своей концепции с линейной эволюцией. Тогда я выглядел бы чуть менее невежественным в глазах постмодернистов, которые усвоили в текстах Мишеля Фуко, что история — или генеалогия — это серия зигзагов и поворотов, начал и остановок. За последнюю четверть века в исследованиях истории спорта были свои зигзаги и повороты. И я счастлив, что «От ритуала к рекорду» сыграла роль в некоторых из них.

Научное издание

Аллен Гуттман

ОТ РИТУАЛА К РЕКОРДУ

Природа современного спорта

Главный редактор издательства Валерий Анашвили
Научный редактор издательства Артем Смирнов
Выпускающий редактор Елена Попова
Корректор Наталия Селина
Дизайн обложки Валерий Коршунов
Дизайн и верстка Сергей Зиновьев

Издательство Института Гайдара
125009, Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1

Подписано в печать 9.11.2015.
Тираж 1000 экз. Формат 84×108/32
Отпечатано в филиале «Чеховский Печатный Двор»
АО «Первая Образцовая типография»
www.chpd.ru. Тел. 8(499) 270-73-59
142300, Московская обл., г. Чехов,
ул. Полиграфистов, 1

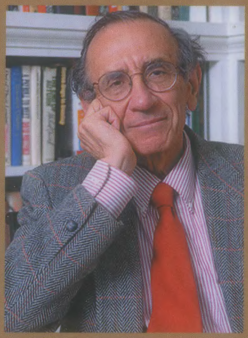
Институт экономической политики имени Егора Тимуровича Гайдара —

крупнейший российский научно-исследовательский и учебно-методический центр.

Институт экономической политики был учрежден Академией народного хозяйства в 1990 году. С 1992 по 2009 год был известен как Институт экономики переходного периода, бессменным руководителем которого был Е. Т. Гайдар.

В 2010 году по инициативе коллектива в соответствии с Указом Президента РФ от 14 мая 2010 г. № 601 институт вернулся к исходному наименованию, и ему было присвоено имя Е. Т. Гайдара.

Издательство Института Гайдара основано в 2010 году. Задачей издательства является публикация отечественных и зарубежных исследований в области экономических, социальных и гуманитарных наук, трудов классиков и современников.



АЛЛЕН ГУТТМАН — профессор американских исследований Амхерстского колледжа (США), один из ведущих современных специалистов по философии и социологии спорта, автор книг A Whole New Ball Game (1988), The Olympics: A History of the Modern Games (1992), Games and Empires: Modern Sports and Cultural Imperialism (1994) и Japanese Sports (2001).

Первопроходческая работа в малоизученной области... Обязательное чтение для любого, кто занимается философией или социологией спорта.

Джулиан Саймонс, *Times Literary Supplement*

Главное преимущество Гуттмана перед другими теоретиками спорта заключается в его готовности использовать инструментарий современной риторики для создания своего рода порядка из идеологической неразберихи, окружающей тот предмет, которым он занимается.

Virginia Quarterly

Наиболее выдающийся аналитик и критик спорта современности.

Ричард Д. Манделл, *автор книги Sport: A Cultural History*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

ISBN 978-5-9325-5434-0
9 785932 554340